

Аластер Рейнольдс описывает в высшей степени правдоподобное далекое будущее галактики, и в этом отношении «Дом Солнца» — один из лучших научно-фантастических романов.

AstroWright

аластер рейнольдс

ДОМ СОЛНЦ

НОЧИ БЕЛЛАДОННЫ
ТЫСЯЧАЯ НОЧЬ

Аластер Престон Рейнольдс

Дом Солнц

Серия «Звёзды новой фантастики»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69341134
Дом Солнц: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2023
ISBN 978-5-389-23698-1*

Аннотация

Когда еще только начиналась эпоха покорения звезд, Абигейл Джентиан разделила себя на тысячу мужских и женских клонов и назвала их шаттерлингами. За шесть миллионов лет шаттерлинги обзавелись самыми высокими технологиями, самыми быстрыми кораблями, самым мощным оружием. С помощью релятивистских скоростей и криосна эти люди научились манипулировать временем, и по сравнению с остальным человечеством они теперь бессмертные – их сравнивают с червями, проползшими сквозь страницы истории.

Для молодых цивилизаций они все равно что боги – могут спасти звезду от взрыва, переместить планету, оживить экономику целого мира.

Но с недавних пор во Вселенной появилась некая сила, стремящаяся уничтожить потомство Джентиан. Чтобы дать отпор этому беспощадному врагу, шаттерлинги должны сначала разгадать его тайну.

Кроме «Дома Солнца», в книгу включены две повести, сюжетно примыкающие к нему и повествующие о прошлом и будущем некоторых героев романа. На русском языке они публикуются впервые.

Содержание

Дом Солнц	6
Часть первая	7
Глава 1	15
Глава 2	31
Глава 3	40
Глава 4	53
Глава 5	66
Глава 6	95
Глава 7	101
Глава 8	107
Глава 9	115
Часть вторая	125
Глава 10	139
Глава 11	172
Глава 12	191
Часть третья	211
Конец ознакомительного фрагмента.	217

Аластер Рейнольдс

Дом Солнц

© А. И. Ахмерова, перевод, 2014

© К. П. Плешков, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство АЗБУКА®

* * *

Дом Солнц

*Трэйс и Грэйс, старшей и младшей сестрам, с
любовью*

Часть первая

Родилась я в доме с миллионом комнат¹, построенном на крохотной безвоздушной планете у границы империи света и торговли. Взрослые называли империю Золотой Час по причине, которую я поняла не сразу.

В ту пору я была девочкой, единой личностью по имени Абигейл Джентиан, или Горечавка.

За тридцать лет детства я увидела лишь часть огромного, постоянно меняющегося дома. Даже когда подросла и получила разрешение бродить где захочется, я вряд ли разведала более сотой его части. Меня пугали длинные страшные коридоры из стекла и зеркал, спиральные лестницы, поднимающиеся от темных подвалов и склепов, в которые не спускались даже взрослые. Меня пугали покои и залы, где – вообще-то, при мне взрослые и слуги это не обсуждали – обитали привидения, по крайней мере постоянных жителей-людей там никогда не было. Лифты тоже пугали, пассажирские и кухонные, когда двигались без указания присутствующих, по непостижимой воле властителя дома. Иными словами, не дом, а рассадник чудищ и призраков: в темных закоулках – упыри, за стенными панелями – демоны.

Был у меня один настоящий друг, только имени его я уже

¹ Существует реальный прототип дома матери Абигейл Джентиан – дом Винчестеров (дом № 25 на Винчестер-бульваре в Сан-Хосе, штат Калифорния).

не помню. Навещал он меня редко, надолго не задерживался. За приближением и стыковкой его личного шаттла мне разрешалось наблюдать из герметичного бельведера со стеклянными окнами, расположенного на самой высокой башне дома. Я радовалась, когда мадам Кляйнфельтер позволяла мне подниматься в бельведер, и не только потому, что это означало скорое прибытие моего единственного настоящего друга. Оттуда просматривался весь дом и большая часть планеты, на которой его построили. Дом расползлся во все стороны и упирался в ломаную линию горизонта, в скалистую границу моей родины.

Иначе как странным мой дом не назовешь, хотя долгое время мне было не с чем сравнивать. Ни логики, ни симметрии, ни гармонии в нем не наблюдалось. Если некий замысел и присутствовал изначально, его уничтожили бессчетные пристройки и перепланировки, которые никогда не прекращались. Атмосферы, следовательно, и осадков на планетоиде не было, хотя, судя по проекту, дом предназначался для планеты, где дождь и снег не редкость. Каждую часть дома, каждое крыло и башню венчала крутая крыша с синей черепицей. Тысячи крыш стыковались друг с другом под самыми невероятными углами. Башни с часами и без, трубы и бельведеры в беспорядке усеивали крышу, напоминающую хребет динозавра. Кое-где два этажа, кое-где двадцать с лишним — одни части дома возвышались над другими. Крытые переходы с окнами соединяли башни, и порой за освещен-

ными амбразурами угадывался крадущийся силуэт. Мой дом больше напоминал город, только пересечь его можно было, не выходя на улицу.

Повзрослев, я поняла, почему дом именно такой и почему строительство не прекращалось, а ребенком просто принимала это как данность. Я знала, что наш дом отличается от тех, что показаны в книжках и энциклокубах, но ведь жизнь в книгах и кубах даже отдаленно не напоминала мою. Еще не научившись читать, я поняла: наша семья богата; мне внушили, что равных нам по достатку – раз-два и обчелся.

– Абигейл Джентиан, Горечавка, ты особенная юная леди, – однажды заявила мама, когда ее неувядающее лицо в очередной раз взирало на меня с экранов. – Тебя ждут великие дела.

Сколь великие, мама и представить себе не могла.

Я быстро сообразила, что тот мальчик, мой гость, тоже из богатой семьи. Он прилетал на собственном корабле, а не на рейсовом – из тех, что перевозили менее знатных. Я наблюдала, как корабль прибывает из дальнего космоса, как замедляется на длинном языке кобальтового пламени, как потом застывает над отдаленными крыльями дома, как принимает посадочную конфигурацию, выбрасывает шасси и с элегантной точностью опускается на площадку. Герб нашего дома – черный пятилистник, герб его дома – две сцепленные шестерни, именно он красовался на обтекаемом корпусе корабля.

Едва шаттл приземлялся, я выскакивала из бельведера и неслась вниз по винтовой лестнице. Клон-няне, присматривавшей за мной в тот день, приходилось везти меня к лифту, пересекать со мной дом по горизонтали и вертикали, пока мы не добирались до стыковочного крыла. Примерно в это же время мальчик неуверенно спускался по длинному, устланному ковром трапу в сопровождении двух роботов.

Роботы, громадины из потускневшего серебра с головой, туловищем, руками и большим колесом вместо ног, пугали меня. Грубый клин головы, а лицо — одна вертикальная линия, как бойница в крепостной стене, ни глаз тебе, ни рта; руки сегментные с трехпалой клешней на конце. Такими только мясо и кости перемалывать. Мне казалось, роботы сторожат мальчишку, чтобы не удрал; казалось, они пытаются его, творят с ним такие жуткие вещи, что бедняга не заговаривает о них даже наедине со мной. Лишь повзрослев, я сообщила: роботы охраняли мальчика, а сложная схема искусственного интеллекта предусматривала нечто опасно близкое к любви.

Роботы доезжали до конца трапа и останавливались у деревянного пола приемного зала. Мальчик мешкал, но все-таки спускался, цокая блестящими туфлями по начищенному паркету. Черноту его наряда разбавляла белизна манжет и большого кружевного воротника. Черные напмаженные волосы гладко зачесаны назад, за спиной рюкзачок. Лицо у мальчишки было бледное, щекастое. Глаза круглые, темные,

какого именно цвета – не определить.

– У тебя странные глаза, – вечно твердил он мне. – Один голубой, другой зеленый. Что же тебе их при рождении не поправили?

Роботы разворачивали корпус в поясе, ехали обратно в шаттл и ждали там, пока не наступала пора забирать мальчика и улетать.

– Здесь трудно ходить, – вечно ныл мальчик, неуверенно ступая. – Все слишком тяжелое.

– Мне нормально, – говорила я.

Много позже я догадалась, что мальчик прилетал из той части империи, где стандартную гравитацию снизили вдвое, поэтому на нашем планетоиде он двигался с трудом.

– Папа предупреждал, здесь опасно, – сказал мальчик, когда мы с двумя нянями в кильватере шли в игровую.

– Что опасно?

– То, что под вашей планетой. Тебе про это еще не рассказывали?

– Под нашей планетой лишь камень. Я знаю, смотрела в энциклокубе, после того как ты наговорил мне, что в пещерах под этим домом живут змеи.

– Энциклокуб наврал тебе. Кубы врут, когда хотят скрыть от детей правду.

– Они не врут.

– Тогда спроси родителей про черную дыру. Она прямо сейчас под вашим домом.

Мальчик наверняка знал, что мой папа умер, а маму я вижу только на мониторах.

— Что такое черная дыра?

Мальчик задумался.

— Дыра вроде чудища, вроде гигантского черного паука на невидимой паутине. Она хватает все, что подползает слишком близко, жалит и сжирает заживо. Дыра очень большая, и она как раз под вашим домом.

— А со змеями что? — поинтересовалась я, решив поумничать. — Паук их съел?

— Про змей я соврал, — беззаботно отмахнулся мальчишка. — Зато про дыру серьезно. Не веришь мне, спроси энциклокуб. Ее твоя семья устроила, чтобы сделать все тяжелее. Если бы не дыра, мы бы сейчас летали.

— Как же паук делает все тяжелее?

— Я сказал «вроде паука», а не что паук настоящий. — Мальчишка взглянул на меня с жалостью. — Дыра как голодный сосущий рот, который не насытить. Поэтому она тянет все к себе, делая нас тяжелее. Но по той же причине она и опасна.

— Так говорил тебе отец?

— Не только отец. Все можно узнать из энциклокуба, если задавать правильные вопросы. Нужно действовать не напрямую, а обходными путями, как кошка, когда за мышью крадется. Тогда удастся обмануть куб и выпытать то, что ему запрещено говорить. Однажды черная дыра проглотила целый

планетоид побольше этого. Засосала, как канализация воду. Буль-буль-буль!

– Здесь такого не будет.

– Ну ладно-ладно.

– Я не верю! Ты же соврал про змей, зачем мне сейчас тебя слушать?

Злоба вдруг исчезла с мальчишкиного лица, словно мой настоящий друг только-только появился, а дразнил и подначивал меня вредный самозванец.

– Абигейл, у тебя есть новые игрушки?

– У меня всегда есть новые игрушки.

– Я спрашиваю про особенные.

– Есть кое-что, – проговорила я. – Очень хотела тебе показать. Это вроде кукольного домика.

– Кукольные домики только для девочек.

– Ну, тогда не покажу, – заявила я и, повторяя его слова, добавила: – Я сказала «вроде домика», а не что домик настоящий. Это Палатиал, замок, которым можно управлять, с собственной империей. Зря ты отказался, тебе бы понравилось. Ладно, нет так нет. Поиграем в другие игры. Можно пойти в лабиринт настроений или в летадром.

Я тоже научилась манипулировать окружающими и успела немного разобраться в мальчишеской психологии. Понимала: мой гость корчит безразличие, а сам только и думает о кукольном домике. Что же, любопытство более чем оправданное; меня так и подмывало похвастаться новой игруш-

кой.

Мы с мальчиком и нянями пришли в игровую – мрачно освещенную комнату с глухо закрытыми окнами. Я вытащила коробки, выдвинула ящики и достала игрушки, с которыми мы играли в его последнее посещение. Мальчишка вывалял из рюкзака свои любимые игрушки. Кое-что я помнила с прошлого раза – дракона с чешуйчатыми крыльями, который облетел игровую, полыхая розовым огнем, потом сел хозяину на руку и обвил ее хвостом; солдатику, который прятался, стоило нам закрыть глаза, – в прошлый раз мы искали его несколько часов. Еще запомнились стеклянные шарики с цветными разводами, которые по нашей команде складывались в разные фигурки или, наоборот, сами складывались в фигурки, а нам следовало угадать, что это. Еще была головоломка-пазл, а еще заводная балерина, которая танцевала где угодно, даже на кончике пальца.

Мы поиграли, няньки доставили нам печенье и лимонад на летучем столике. Где-то в доме пробили часы.

– Теперь я хочу увидеть кукольный домик, – заявил мальчик.

– Но ты же отказался.

– А теперь хочу его увидеть, очень хочу.

Тогда я отвела его в комнату-в-комнате и показала Палатил. Мальчик пришел в восторг, хотя я продемонстрировала лишь часть возможностей замка. Я поняла, что он мне завидует и в следующий раз тоже непременно захочет его уви-

деть.

Так я впервые почувствовала, что он в моей власти. Мне очень понравилось.

Глава 1

Я поднял бокал вина, но опьянел, еще не пригубив его, – мне хватало одного пейзажа.

– За безопасность вашей цивилизации и системы, мистер Небьюли!

– За вашу цивилизацию! – подхватила Портулак на другом конце стола.

– Спасибо, – поблагодарил мистер Небьюли.

Мы сидели у пляжа, наслаждаясь вином и теплым вечером. На планете кентавров ночи не такие, как на других. Планета вращается вокруг звезды, излучающей много ультрафиолета, поэтому хранители закрыли ее атмосферу защитным пузырем, таким прозрачным экраном, для кентавров вполне приемлемым, в отличие от бронированной оболочки, которая понадобилась бы, если бы Дом Мотыльков переместил их систему. Днем пузырь отводит лучи и гасит обжигающий голубой блеск. Ночью он усиливает свет тусклейших звезд или газовых облаков до уровня, на котором человеческий глаз различает цветовые нюансы. Млечный Путь казался многокостным хребтом, изогнувшимся над горизонтом, туманность – остаток соседней сверхновой – рубиново-крас-

ным мазком, почерневшим по краям, пульсар в ее сердце – мигающим маяком. Рассеянное скопление голубых звезд в двух сотнях световых лет отсюда мерцало, как электрогирлянда. Звезды-карлики в нескольких световых годах от этой системы сияли янтарным и золотым, суля жизнь, убежище и десятки миллиардов лет стабильности благодаря медленному выгоранию в них водорода. Виднелась даже Пустошь – пятнышко беззвездного, безгалактического мрака там, где была Андромеда.

Небо было прекрасным, роскошным, как в наркотической галлюцинации, но все равно напоминало о Пустоши. Сразу пришло на ум обещание, данное доктору Менинксу, которое я пока не сдержал и выполнение которого сейчас висело на самом тонком волоске.

Оставалось надеяться, что кентавры помогут.

– Шаттерлинг Лихнис, уверен ли ты, что звездамба не создаст нам проблем в будущем? – спросило четвероногое существо, стоящее у стола.

– Не беспокойтесь, мистер Небыюли, ваша цивилизация снова в безопасности.

– Замечу, что смертельная опасность ей и не угрожала, – напомнила Портулак, крутя в руке бокал с вином.

– На брешь в звездамбе глаза не закроешь, – с улыбкой проговорил я. – Неисправность устранена. Мы ее возводили, нам и ремонтировать – именно так принято в Линии Горечавки.

– Думаю, наше беспокойство понятно. Нам представили и другие планы спасения, но дали понять, что ремонт звездамбы сопряжен с наименьшим риском.

– Так оно и есть, – отозвался я.

Полтора миллиона лет назад в сверхмассивной звезде, отдаленной от мира кентавров на одиннадцать световых лет, появилась неустойчивость. Перерожденцы пытались откачать содержимое ядра через червоточину, но невероятная плотность и температура мешали работе стабилизирующих устройств, которые держали ее открытой. Вмешательство хранителей не спасло бы биосферу планеты. Таким образом, оставалось только два варианта, не считая эвакуации системы. Линия Шашечницы и Дом Мотыльков, считались экспертами в перемещении звезд. Они предлагали бесплатно сместить либо звезду, либо систему, а в обмен просили эксклюзивные права торговли с кентаврами на следующие два миллиона лет. Оба способа казались рискованными. Сместить звезду значило вытолкнуть ее с галактического диска, пока не произошел взрыв, однако подобные действия порой вели к преждевременной детонации. Вполне можно было переместить систему, но саму планету на это время следовало инкапсулировать для защиты от межзвездной радиации и космического мусора. Клаустрофобы-кентавры отвергли такой план.

Тогда кентаврам представилась Линия Горечавки, Дом Цветов. Ради престижа в Союзе мы предложили идеальный

вариант — они остаются на месте, защищенные от капризов нестабильной звезды. Вокруг сверхгиганта мы возведем звездамбу. Когда сверхгигант взорвется, ударная волна останется за дамбой, надежно блокированная экраном из идеальных зеркал.

Разумеется, кентавры встретили нас скептически. Но у Линии Горечавки огромный опыт в таких проектах. Звезддамбами мы славимся на весь Союз. Мы возводим их десятки циклов, миллионы лет.

К началу переговоров с кентаврами ни одна дамба Горечавки не рухнула.

Разумеется, это наша заслуга, но с оговоркой. Мы возводим звездамбы, но из готовых деталей, оставленных Предтечами. Они сделали за нас самое трудное — выковали миллионы миров-колец и, как ободья, накинули их на звезды. Потом Предтечи бросили миры-кольца и вымерли.

Примерно через миллиард лет мы начали их собирать. Мы бороздим космос в поисках осиротевших, беззвездных миров-колец, прикрепляем толкатели к их темным сторонам и запускаем через галактику на черепашьей скорости. Запускать надо с осторожностью, иначе кольца рассыплются на триллионы сверкающих осколков. Они прочные, но разрушиться могут. Зато они блестящие. Ничто во Вселенной не блестит ярче. Зеркальная внутренняя поверхность отражает все, включая нейтрино, которые легко проходят через пятьдесят световых лет прочного свинца.

Чтобы соорудить дамбу и полностью изолировать звезду, нужна оболочка Дайсона. Люди способны заслонить звезду небесными телами, то есть создать рой Дайсона, но в сферу нам их не слить. Зато мы можем ее симитировать, окружив звезду тысячами миров-колец примерно одной ширины, но разного диаметра. Мы устанавливаем миры-кольца под разными углами к эклиптике. Чем больше колец, тем меньше остается щелей для света звезды. Заслонки смыкаются на слепящем фонаре.

Раз! – и вместо звезды темная сфера. Оболочка сдерживает энергию гаснущей звезды, точнее, световая энергия снова и снова отражается от безупречных зеркальных поверхностей. Погашенная до безопасной интенсивности, она, фотон за фотоном, просачивается в космос.

На это уходит невероятно много времени. Если звездамба рухнет прежде, чем начнет рассеиваться накопленная энергия, последствия будут ужаснее, чем от взрыва, который она призвана предотвратить.

Я преувеличил, сказав, что мы спасли местную цивилизацию, хотя проблема со звездамбой впрямь существовала. Дал сбой один из толкателей – механизмов, которые удерживают миры-кольца на месте. Открылась похожая на глаз брешь, и наружу полился губительный свет.

Меня отправили чинить поломку. С последнего сбора нашей Линии новый толкатель послушным щенком следовал за «Лентяем», моим кораблем. В арсенале у меня имелись

«бусы» из латунных шаров, они же одноразовый ключ. Подсоединяешь такой к определенной звездамбе и получаешь временный доступ к ее внутренним устройствам. Прежде чем заглянуть к кентаврам, я воспользовался ключом – испустив гравитонный сигнал, он рассыпался в блестящую пыль – и установил новый толкатель.

Работа выполнена. Портулак считала, что самое правильное – отбыть, не заглядывая к кентаврам, не выпрашивать благодарность.

Вне всяких сомнений, она была права.

– Звездамбу вы выбрали правильно, – заявила Портулак, не сомневаясь, что обращается к далекому потомку существ, с которыми наша Линия имела дело изначально. – Но и разочарование ваше можно понять. Вы ждали от нас лучшего.

Мистер Небьюли шаркнул копытом:

– Ничего страшного.

– Тем не менее примите извинения от имени нашей Линии. Мы гарантируем, что ничего подобного впредь не случится. – Портулак не скрывала, что она тоже шаттерлинг Горечавки. Сожительство наша Линия не одобряла издавна, зато нынешние заказчики славились деликатностью. – Если Линия Горечавки может оказать вам иную услугу, я с удовольствием подниму этот вопрос на нашем следующем собрании. Вы благодарнейшие из заказчиков, мы не заслужили столь милостивого отношения. Все, что вы сделали для нашего гостя доктора Менинка...

– Легок на помине, – буркнул я, взяв со стола древний бинокль.

– Это ваш гость? – спросил мистер Небыули.

– Он самый.

– Он путешествует на любопытнейшем устройстве. Что это за круглые штуковины по бокам? Они вертятся...

– Колеса, – ответила Портулак.

– Это его купальная машина, – пояснил я.

Купальная машина – изъеденный ржавчиной черный ромбид на четырех шасси – появилась из грузового отсека моего корабля, спустилась на рампу и, изрыгая дым, загромыхала с посадочной площадки мимо разрушенных домишек сонного приморского городка к потрескавшемуся бетону древних башен. Скользящий съезд, песчаный пляж – и вот колеса машины скрылись в воде. Передняя дверь поднялась на крышу, и морская вода хлынула внутрь.

Темное, как чернила, море кишело мерцающими микроорганизмами. Волны набегали на желтовато-белый песок и покрывались темно-розовой пеной. Я направил бинокль на дальний от нас борт машины, надеясь рассмотреть доктора Менинка, когда тот выскользнет в воду. Увы, я увидел лишь обросшую ракушками фигуру. Прежде чем я разобрал детали, фигура скрылась под водой. Дверца закрылась, купальная машина выползла на берег.

– Можно поинтересоваться, где ты нашел столь необычное существо, шаттерлинг? Подобных доктору Менинку я

не видел давным-давно, несколько десятков тысячелетий.

– Моей заслуги тут нет: я его не находил. Мне его навязали.

– Тебя послушать, это наказание.

– Так оно и есть. Шаттерлинги нашей Линии решили проверить, ответственный ли я, и подсунули непростого гостя.

– Мистер Небьюли, Лихнису просто не повезло. На наш последний сбор Воробейник, другой шаттерлинг, привез доктора Менинка. К тому времени Воробейник уже тяготился им и искал, на кого бы переложить заботы. Примерно тогда у Лихниса наметился маршрут, включавший в себя Вигильность.

– О Вигильности вам известно все, – проговорил я.

Мистер Небьюли глянул на небо, в сторону Пустоши. Он был в обтягивающем полосатом костюме, который заканчивался там, где человеческое тело сливалось с гнедым конским.

– Кое-что известно, шаттерлинг. Но из этого не следует, что мы когда-либо напрямую контактировали с ней.

Портулак пригубила вино.

– Как выяснилось, цель доктора Менинка – добраться до Вигильности. Он не просто непоколебимый отреченец, но и мнит себя знатоком древней истории.

– Стало быть, Лихниса доктор тяготит, – резюмировал мистер Небьюли.

– Помимо ремонта звездамбы, мне поручили доставить

доктора Менинка на Вигильность и с помощью своих знакомств обеспечить ему прием, достойный высокого статуса ученого, – неограниченный доступ к секретным архивам и так далее. На Вигильности отреченцев не жалуют, а водных обитателей еще меньше, но предполагается, что я сумею уговорить местных...

Мистер Небьюли снова взглянул на море и задумчиво изрек:

– Напрашивается вывод, что ты, шаттерлинг, с заданием не справился.

– Почему, пока все идет по плану, – возразил я. – До Вигильности это последний шанс доктора поплавать, вот он его и использует. Вслед за Портулак я благодарю вас за хлопоты, которые вы взяли на себя из-за доктора.

Кентавр махнул рукой на мерцающий горизонт, за которым блеклой серебристой луной маячил корабль Портулак, слишком большой для посадочной площадки.

– Ничего особенного. В этом океане крупных хищников нет, но ради спокойствия вашего гостя мы просто заблокировали бухту. И надеюсь, не ошиблись с соленостью воды.

Разговор увял. Мистер Небьюли вышел к нашему столику не для светской беседы. Он хотел назвать цену того, что я выставлял на продажу. От его оценки многое зависело, хотя я старательно это скрывал.

– Спасибо, что показали мне свою космотеку, – сказал мистер Небьюли.

Я натянуто улыбнулся, а вслед за мной и Портулак.

– Надеюсь, вас что-то заинтересовало.

– Да, конечно. Вы много путешествовали, много повидали, от других путешественников узнали массу интересного. Познакомиться с вашей космотекой – большая честь.

– Вам что-нибудь приглянулось?

Мистер Небьюли снова шаркнул подкованными копытами:

– Кое-что, шаттерлинг, но большинство твоих находок не представляют для меня особой ценности, несмотря на их уникальность. Если бы мы встретились двадцать килолет назад, получился бы другой разговор. Но минуло лишь одиннадцать килолет с тех пор, как нас посетил некий шаттерлинг Линии Горечавки, и лишь два килогода – как в нашем воздушном пространстве побывал Марцеллин.

– Эти марцеллины повсюду, – процедила Портулак.

– То, что вас все-таки заинтересовало...

– Вот тут у меня все по пунктам, – объявил мистер Небьюли и вытащил из кармана листок размером с салфетку. Кентавр расправил его – «салфетка» превратилась в «скатерть» и повисла в воздухе, покачиваясь на ветерке. Перед нами была таблица на одном из диалектов Языка.

Кентавры знакомы Линии Горечавки более восьми циклов. Они – тринадцатая форма живущих в системе, появились на руинах предыдущей цивилизации. Кентавры владеют этой системой и несколькими пригодными для жизни

планетами в ее пределах, но дальше гало своей кометы не путешествуют. Главная их планета суперокеаническая, то есть целиком покрыта водой. Толстая голубая атмосфера содержит фотодиссоциировавший кислород. Хранители разрешили атмосферу, сделали ее менее агрессивной, бросили в безбрежный океан плавучие массивы суши, заселили стерильную воду неприхотливыми организмами. Гравитацию планеты не корректировали, поэтому прямоходящими кентавры не стали. Свое происхождение они помнят плохо, но куда лучше большинства молодых цивилизаций. По прогнозам Всеобщего актуария, у кентавров отличные шансы просуществовать еще как минимум пару миллионов лет при условии, что их амбиции будут скромными. По большому счету, залог долголетия цивилизации – либо сиднем сидеть в одной системе, либо, подобно Линиям, окончательно и бесповоротно отказаться от планетарной жизни. Экспансионизм хорош только на первых порах, а в общем и целом бесперспективен. Молодые цивилизации это не останавливает, равно как и поучительный опыт шести миллионов лет.

Бесконечные становления-расцветы-крахи империй мы называем перерождениями. Кентавры – молодцы, что в него не ввязались.

– Как видите, наши предложения вполне разумны, – проговорил мистер Небьюли.

– Нет-нет, условия очень достойные, – зачастил я. – Просто я надеялся, что вы приценитесь к чему-то покрупнее.

– Я и сам надеялся, но прицениваться к уже известным нам данным бессмысленно.

– Неужели нам не достичь компромисса?

– Шаттерлинг, кентавры склонны к щедрости, но все-му есть предел. Мы считаем наши условия справедливыми. Жаль, твоя космотека не слишком ценна для нас. Когда появятся новинки, добро пожаловать на нашу планету. – Кентавр сделал паузу. Три его копыта твердо стояли на земле, четвертое едва касалось ее передней частью. – Оставить вас вдвоем, чтобы вы обсудили наше предложение?

– Да, если можно.

– Я скоро вернусь. Еще вина?

– Нет, спасибо, – проговорил я, подняв руку.

Мистер Небьюли затрусил прочь по извилистой тропке мимо больверков. В отдалении стояли два кентавра в красной форме. Они держали флажки, символы некой гражданской организации.

Мистер Небьюли приблизился к соплеменникам и спокойно наблюдал за нами.

– Нам конец, – изрек я, уже не беспокоясь, что подслушают.

Портулак допила вино.

– Могло быть хуже. Небьюли готов что-то предложить.

– От его предложений ни жарко ни холодно.

На орбите мира кентавров продавали подержанные корабли. Приглянись моя космотека Небьюли, я выбрал бы себе

корабль. На звездолете побыстрее «Лентяя» я бы и доктора Менинка отвез, и на сбор Линии почти не опоздал бы.

– Может, не стоит уступать, вдруг мистер Небьюли передумает?

– Передумать он должен кардинально. Даже если удвоит цену, тебе и на четверть корабля не хватит. Оптимальный вариант – принять предложение Небьюли. Новый корабль ты не купишь, зато модернизируешь «Лентяя».

– Быстроходнее его не сделать.

– Зато можно сделать безопаснее. Если не согласимся на условия Небьюли, получится, мы зря сюда прилетели. А так отправимся на Вигильность и избавимся от рыбомордого.

Доктор Менинкс словно услышал Портулак: его купальня машина завывала и снова двинулась в море, выпуская клубы черного дыма из-под заднего предкрылка. Дверь поднялась – внутрь хлынула вода. Я взялся было за бинокль, но любопытство уже иссякло. Обросшая ракушками фигура мелькнула на гребне волны и юркнула в машину. Дверь опустилась, и машина поползла на сушу.

– Тоже вариант, – тихо сказал я.

Портулак посмотрела на меня с вошедшим в привычку скептицизмом:

– Когда речь о тебе, варианты есть всегда.

– Перед посадкой я изучил соседние системы. Опасался, что мистер Небьюли будет несговорчив. Менее чем в сотне световых лет отсюда, почти по пути домой, есть планета

Неламбий. Если верить космотеке...

– Если верить космотеке... Где же я это слышала?

– Да ты погоди! Есть на Неламбии один тип, постчеловек по имени Атешга. Говорят, кораблей у него даже больше, чем у Небьюли, и вряд ли он за них столько дерет.

– Что же мы сразу туда не полетели?

– Наша космотека немного устарела, поэтому доля риска присутствует.

– Доля риска. Это я тоже уже слышала.

– Еще мы оказались бы дальше от Вигильности – ну, если бы отправились напрямиком на Неламбий – и не смогли бы избавиться от доктора Менинка.

– Если космотека устарела, зачем вообще рассчитывать на Атешгу?

– Я сверялся с Актуарием, прогноз благоприятный.

Портулак откинулась на спинку плетеного кресла и посмотрела на меня разными, как у всех Горечавок, глазами:

– Так ты предлагаешь доплестись до Вигильности, забросить доктора, а потом махнуть к Атешге?

– Не совсем. Я предлагаю пропустить Вигильность.

На лбу у Портулак проступила глубокая морщина.

– Оставим его здесь?

– Пусть сам решает. Захочет – отвезу на сбор.

– Менинксу это не понравится.

– Ему вообще ничего не нравится, ты еще не заметила?

Тонкая фигурка двинулась по песку к купальной маши-

не. Когда она приблизилась и по крошащимся ступеням поднялась к дороге, стало видно, что это бумажный арлекин, усеянный блестящими каплями. Двухмерная фигурка – на ветру она дрожала не хуже листа с предложениями мистера Небьюли – была гуманоидным аватаром доктора Менинка. Одновременно с доктором в нашу сторону зашагал Небьюли, оставив сородичей в красном. Кентавр опередил аватара на добрых сто метров.

– Достопочтимый шаттерлинг, могу поинтересоваться, приняли ли вы решение?

– Боюсь, с вашим предложением мы не согласимся, – ответил я. – Оно, безусловно, разумное, только я должен быть реалистом. Думаю, что продам свою космотеку выгоднее.

– Если надеетесь на Атешгу, предупреждаю, репутация у него скверная.

Я потер глаза – в них попал песок.

– Кто такой Атешга?

– Шаттерлинг, я лишь предупредил. Решение за тобой. – Небьюли провел ладонями по груди. – Жаль, мы не договорились, но это не мешает нам расстаться друзьями. Мы очень рады, что вы посетили нашу планету. Надеемся, вы довольны.

– Конечно довольны, – кивнула Портулак. – Вы прекрасно нас приняли, мистер Небьюли. Я всей Линии расскажу о вашем гостеприимстве.

– Очень любезно с твоей стороны. – Небьюли повернулся

к подошедшему аватару и поклонился человеческой частью тела. – Купание получилось недолгим, доктор. Надеюсь, все прошло хорошо?

– Нет, ничего хорошего в купании не было, – пропищал аватар, – поэтому я и прервал его, как только смог. В воде какие-то темные существа, которых мой сонар не идентифицировал. Температура и соленость мне также не по вкусу. – Бумажная фигурка повернулась в мою сторону. – Лихнис, меня заверили, что информация о моих потребностях передана кому следует.

Я заерзал. Естественно, я объяснил кентаврам, что нужно доктору, и не сомневался, что они очень старались ему угодить. Но доктору Менинксу не угодишь – все ему плохо, все мало.

– Извините, доктор, это я цифры перепутал, – пробормотал я. – Виноват, ошибся.

– Сам решу, кого винить, – огрызнулся аватар. – Я так ждал этого купания! Ладно, забуду как страшный сон. Скоро я покину эту унылую планетку и устремлюсь навстречу Вигильности. Надеюсь, там умеют принимать гостей.

– Мистер Небыули сделал все, что мог, – заверил я.

– Да, видимо, – отозвался аватар, словно гостеприимный кентавр не стоял рядом.

Настал момент, которого я с тревогой ожидал после высказывания мистера Небыули о моей космотеке. Тянуть я больше не мог, хотя в тот миг хотелось лишь залезть в во-

ду и плыть навстречу мерцающему горизонту, где, в зависимости от установки, защитная оболочка либо отпугнет, либо отторгнет, либо ранит, либо просто уничтожит меня.

– Доктор Менинкс, – начал я, сделав большой глоток жидкого воздуха, – нам нужно кое-что обсудить.

Глава 2

Назвать Лихниса лентяем было бы неверно, ведь именно от лени Абигейл так старалась очистить наши характеры. Зато уклоняться от истины он умел мастерски. Дела отодвигал не на завтра, а на килогоды, порой отсрочки растягивались на добрый цикл. «Зачем делать сегодня то, что можно отложить на четверть миллиона лет?» – примерно под таким девизом он жил.

Тридцать один цикл это сходило Лихнису с рук, но нынешняя история с доктором Менинксом обещала стать расплатой за долгое везение. Лихнис шутил о выговорах и отлучении, словно хотел заранее свыкнуться с наказанием. Последние несколько циклов Линия с трудом терпела его выходки. Поэтому Лихнису доктора и спихнули. От обузы следовало избавиться при первой же возможности, а не таскать на борту по всей галактике.

От системы кентавров до Неламбия рукой подать – по планетарному времени всего девяносто лет полета, – но войти в одну из форм латентности все же пришлось. Лихнис пред-

почитал стазис, я, к его вящему удивлению, – замораживание и оттаивание. Едва выбравшись из криофага, я запросила у «Серебряных крыльев» информацию с датчиков. Помимо шелеста остаточной энергии, означавшей, что столетие назад здесь пролетал корабль, следов присутствия человека не обнаружилось.

Ни Атешги, ни его кораблей.

Я проштудировала анализ датчиков, перебросилась на «Лентяя», потом на мостик, где уже ждали Лихнис и доктор Менинкс. Лихнис откинулся на спинку кресла, рядом с ним стоял аватар. Оба смотрели на огромный, как стена, светящийся дисплеер. Слов я не разобрала, но благодаря акустике помещения поняла, что разговор не из приятных: голоса звенели от раздражения, кто-то отчаянно оправдывался.

О чем речь, я знала без объяснений.

Большую часть дисплеера занимала горизонтальная проекция Млечного Пути, основанная на данных космологи о его текущем состоянии. Спиральные рукава отображались белыми, желтыми, золотыми, блекло-оранжевыми и ярко-оранжевыми штрихами. Звезд слишком много, по отдельности не разглядишь, только скоплениями. Четко просматривались лишь ярчайшие – супергиганты на конечной стадии, перерождающиеся в сверхновые, или молодые неустойчивые звезды типа Т-Тельца, ослепительно-голубыми или ядовито-красными глазницами взирающие с пунктирных спиралей.

Диаметр основного диска, не считая внешнего витка Кольца Единорога, – девяносто тысяч световых лет. Обжитые планеты тянутся от ядра к спиральным рукавам, но наиболее заселена широкая дуга Зоны комфорта, где жизнь на планетах требует наименьшей адаптации. Если оставаться в Зоне комфорта, за двести килолет корабль облетит галактику и по дороге посетит сотни систем. Это и есть цикл, двухсоткилогодичный интервал между сборами Линии Горечавки.

Последний наш сбор состоялся на планете у самого ядра спирального рукава Лебеда. С тех пор мы движемся по часовой стрелке, то наружу, к Шпоре Ориона, проходя в тысяче световых лет от Старого Места, то снова вглубь, через рукава Стрельца, Щита – Южного Креста и Персея, потом возвращаемся с другой стороны рукава Щита – Южного Креста. На дисплее наше продвижение обозначалось красной волнистой линией. Суперокеаническая планета кентавров в Щите – Южном Кресте, и пролетели мы всего ничего – крошечный, несоизмеримый с длиной спирали изгиб, – даже за пределы рукава не вышли. Красным пунктиром обозначалось расстояние, оставшееся до места сбора, – менее тысячи световых лет по направлению к рукаву Стрельца.

По меркам цикла мы были почти дома. Только хоть десять тысяч световых лет нам осталось, хоть девяносто тысяч – разве это пунктуальность?

Мы опаздывали, сильно опаздывали – и поделывать ничего

не могли.

– А вот и очаровательная Портулак. – Голос доктора Менинкаса звенел от негодования. – В отличие от тебя, Лихнис, она к моим жалобам прислушается. Портулак, ты ведь прислушаешься?

– Не знаю, доктор Менинкс, на что вы жалуетесь?

– Тебе непонятно? – Аватар показал тонкой бумажной ручкой на дисплеер. – Лихнис снова меня подвел! Мало того что он не доставил меня на Вигильность, так еще пытался сбить невымытым, неотесанным конелюдям и равнодушно смотрел, как я тону в их загаженной бухте. Теперь ему хватает наглости заявить, что он опаздывает на сбор, где сможет передать меня в руки добрее и надежнее, чем у него.

– Я так не говорил! – Судя по тону, аргументов у Лихниса не осталось. – Я лишь предупредил, что мы немного опаздываем.

– А этот ваш сбор... Он ведь не начнется, пока вы не явитесь? На это ты намекаешь? – верещал аватар.

– Никаких гарантий. Если Атешга на месте, если заменит мне корабль, мы вообще не опоздаем.

По узкому мостику я прошла из главной части корабля на круглую платформу, где ждали Лихнис и доктор Менинкс.

– И где твой Атешга?

– Не знаю, может прячется, – отозвался Лихнис.

– Ага, прячется! – бросился в атаку доктор Менинкс. – Эту тактику торгаши всей галактики используют.

– Зато какой вид замечательный! – улыбнулась я.

Планета Атешги – дисплеер показывал ее под картой галактики – напоминала сладкую мечту. Полосатый зефирный гигант в поясе из сахарных колец, удерживаемых и упорядоченных согласным тяготением десятка карамельно-глазированных лун. Мы пересекали эклиптику и видели кольца под все большим углом, открывая все новые их красоты. Несомненно, это был восхитительный мир, а повидала я их немало.

Но мы явились не глазеть на живописную планету, даже великолепнейшую в своем роде.

– Портулак, выяснила что-нибудь новенькое? – спросил Лихнис.

Я поцеловала его и села в свободное кресло.

– Следы присутствия высоких технологий есть, но слабые. Либо корабль с шумным двигателем пролетел, либо это утечка внутренней сети другой Линии. У нас действующих узлов в этой системе нет.

– Надо, чтобы появился. Может, Овсяницу хоть это задобрит.

– Боюсь, узла тут не хватит.

– Когда Овсяница опаздывает, никто не шумит.

Я прижала палец ко лбу и почувствовала, как пульсирует жилка.

– Только не начинай про Овсяницу.

– Мы все безропотно погрузились в латентность до тех

пор, пока он не соизволил явиться. Сколько времени потеряли? Килолет семь-восемь, не меньше. И никаких ему выговоров.

– Так ведь перерожденцы пригласили Овсяницу на Таинство разжигания. Пока все не закончилось, уйти он не мог, и тебе это прекрасно известно. У тебя такой отговорки нет.

– Ага, бей лежачего, не стесняйся!

– Лучше поручу себя заботам Портулак, – проговорил доктор Менинкс. – Так хоть к концу сбора успею.

– А что, идея хорошая. Улетайте вместе прямо сейчас, а я, как смогу, нагоню вас.

– Нет уж, я на такое не соглашусь! – Я виновато посмотрела на аватара. – Простите, доктор Менинкс, но Лихниса я здесь не брошу.

– Последствия не заставят себя ждать.

– Вы по-прежнему мой гость, – напомнил Лихнис.

– К величайшему сожалению.

– В самом деле. Вдруг до сбора с вами что-нибудь случится? Вдруг по трагической случайности произойдет авария? Вдруг у вас в резервуаре нарушится химический баланс? Об аварии даже данных не сохранится... И ведь не подстрахуешься: моему кораблику место в музее Ужасов Золотого Часа. Летать на таком – неприятности себе наживать.

Бумажное лицо аватара сморщилось от гнева.

– Шаттерлинг, ты мне угрожаешь?

– Нет, чуток размечтался.

Неизвестно, до чего бы дошло, не выдай «Лентяй» сообщение. Кто-то или что-то сигналил или сигнасило нам. Из атмосферы зефирного гиганта, неподалеку от его экватора, обвешанного сладкими кольцами, появился корабль. Секунду назад таился, а сейчас вдруг оповестил нас о своем существовании.

– А ты во мне сомневалась, – буркнул Лихнис.

Корабль показался мне таким крепким старичком – надежным, качественным образцом Одиннадцатого Интерцессионного кораблестроения. Острые углы и блестящие темные грани – огромная глыба угля, обтесанная в форме накопечника стрелы. С момента появления корабль посылал нам одно и то же сообщение на Языке. Отвечать не было смысла: нам просто велели сбросить скорость, сойти с трансэклиптической траектории и ждать дальнейших указаний.

Корабль обогнул систему колец и остановился рядом с «Лентяем» и «Серебряными крыльями зари». Вместе они образовывали почти равносторонний треугольник, центры их масс разделяло не более тысячи километров. Корабль Лихниса напоминал параллелограмм в стиле ар-деко, мой – безголового хромированного лебедя, который поднял крылья, словно ухаживая за самкой.

– Что дальше? – спросила я.

– Скоро увидим. Думаю, у Атешги, кем бы он ни был, с гостями в последнее время негусто. Вряд ли он захочет испытывать наше терпение.

Я коснулась виска, пронзенная дрожью дурного предчувствия:

– «Серебряные крылья» только что были просканированы сенсорами глубокого проникновения.

– В атаку! – заверещал доктор Менинкс. – Что мешкаете? Атакуйте его немедленно!

– «Лентяй» запрашивает разрешение на имаго-связь! – проговорил Лихнис.

– Мы ничем не рискуем, – заверила я.

Перед нами возникла фигура в капюшоне. Она просвечивала насквозь и мерцала, точно внушая нам: это проекция, а не живое существо. Глубокий голос смодулировали так, что он звучал словно через примитивное переговорное устройство.

– «Лентяй» и «Серебряные крылья зари», изложите цель своего прилета, – проговорило имаго на диалекте Языка, единственного кандидата на универсальный язык общения космических странников.

– Я ищу постчеловека по имени Атешга, – начал Лихнис на трансе, внутреннем языке Союза Линий, рассчитывая, что «Лентяй» переведет на Язык. Вообще-то, Языком Лихнис владеет не хуже моего, но предпочитает напрягать корабль, а не напрягаться сам.

– Спрашиваю еще раз: зачем вы здесь? Зачем прилетели в нашу систему?

– Мне нужен новый корабль, – ответил Лихнис. – Мне да-

ли понять, что здесь я его найду.

Мерцающая фигура была облачена в темно-красный плащ с древними электросхемами, вышитыми тонкой серебристой нитью; руки со сцепленными замком пальцами незнакомец прятал в длинных рукавах, глубокий капюшон скрывал лицо.

– Корабль? – переспросил он, словно Лихнис говорил о чем-то неприличном. – Странник, зачем тебе корабль?

– Мой уже староват.

Я чувствовала, как из-под капюшона меня буравит нечеловечески пронизательный взгляд.

– Странник, много кораблей ты здесь видишь?

– Нет, глаза они мне не мозолят.

– Значит, ты понимаешь, что попал не туда?

– Да, только моя космотека говорит об обратном, – заявил Лихнис. – Не вынырни вы из глубин этой юпитероподобной планеты, я поверил бы, что данные ошибочны, однако вы здесь, а таких совпадений не бывает. Я ведь с Атешгой беседую?

– А что твоя космотека говорит об Атешге?

– Очень мало. Мол, у него хорошие цены и большой выбор подержанных кораблей. Впрочем, если Атешга впрямь торгует кораблями, этой информации мне достаточно.

Атешга поднял руки, обнажив тонкие белые запястья, необычно сочлененные прутики-пальцы с обсидиановыми ногтями, и откинул капюшон. Лицо его напоминало отврати-

тельную маску – впалые щеки, обтянутые белым пергаментом кожи. Прибавьте к этому глубоко посаженные глаза и зубы, похожие на осколки кроваво-красного стекла, как попало воткнутые в десны.

– Может, корабли у меня и найдутся.

Лихнис взглянул на меня и только потом спросил:

– Покажете?

– За мной! Покажу, что сейчас есть.

– Я не доверяю этому существу! – заверещал доктор Меникс. – Увезите меня отсюда немедленно!

Меня словно током ударило: вспомнилось предостережение мистера Небьюли.

– Лихнис, а если сперва подумать... – начала я.

Поворот – и корабль Атешги понесся к газовому гиганту. Причудливые частицы вихрем устремились следом, а искаженное, взбаламученное пространство-время вернулось в нормальное русло. Звезды и одна сторона кольчатого пояса планеты помутнели, словно залитые грязной водой.

– Летим следом, – решительно проговорил Лихнис.

Глава 3

В самый последний момент перед входом в облачный слой корабль Атешги покрыл себя плотной оболочкой, пузырем, чтобы защититься от атмосферы. У «Лентяя» защита не так эффективна, поэтому, когда давление увеличилось, нас здо-

рово трянуло. Портулак скривилась и пробормотала, что лучше бы мы полетели на ее корабле. «Серебряные крылья» оставались на орбите и следили за нашим снижением.

Атешга затащил нас в облака километров на сто, отключил параметрический двигатель и проплыл по воздуху, используя пульсацию секвенционного поля. «Лентяй» на такие фокусы не способен уже десять тысяч лет, и я с псевдотяги переключился на реальную.

Наверху небо посветлело до нежно-лазурного с тонкими перьями белых облаков. Изящными месяцами висела пара спутников, а кольца скрылись в тени. Под нами грозовые фронты цвета охры пробивались сквозь темно-желтый смог. Кое-где в прорехи проглядывали головокружительные пейзажи – облачные каньоны многокилометровой глубины.

– По-моему, Атешга заманивает нас в капкан, – с тревогой проговорила Портулак.

– Посмотрим, что он решил нам показать.

Атешга снижался и снижался. Рост давления «Лентяю» не понравился – защитную оболочку он поддерживал с огромным трудом. Но я попадал с ним и не в такие передраги, поэтому не сомневался: он и сейчас справится.

Портулак опустилась в соседнее кресло и пристегнулась, чтобы меньше чувствовать толчки, не погашенные слабым демпфером «Лентяя».

Охранные облака мы буквально прошли, спровоцировав серию гроз, на миг словно застряли в темно-желтом смоге,

потом вырвались в слой чистого воздуха, слабо озаренного солнечными лучами, пробившимися сквозь облака.

Тогда мы и увидели корабли Атешги.

– Пожалуйста, скажи, что у меня глюки, – попросила Портулак.

– Увы, нет.

– У кентавров кораблей было больше.

– Предупреждал я, не доверяйте этому типу, – забухтел доктор Менинкс. – Я сразу понял: это шарлатан, у него одна рухлядь.

Кораблей было двенадцать. Они висели в атмосфере, каждый в отдельном защитном пузыре. Самые разные: от таких, как «Лентяй», пять-шесть километров длиной, до таких, как «Серебряные крылья», то есть длиной километров двадцать-тридцать. Один узкий, километров пятьдесят, с красно-белой защитной маркировкой, я узнал сразу – корабль-игла Спасателей. Снаружи он, конечно, впечатлял, но львиную долю внутреннего пространства занимали реактивные двигатели и генераторы поля, оставив под жилой отсек лишь несколько кубометров.

Богато украшенный лунный корабль Второй Империи показался не меньше, но куда привлекательнее. Полая, со шлюзами по полюсам, золотая сфера корабля могла вместить город с миллиардом жителей или сокровища тысячи планет. Только лунные корабли слишком привлекательная мишень для менее порядочных путешественников, а я посто-

янно оглядываться не желаю.

Полной противоположностью этим двум был самый маленький корабль Атешги, рифленый цилиндр длиной два километра двести метров, словно вытесанный из мрамора с бирюзовыми прожилками. Строгие очертания и неукрашенный корпус выдавали в нем сборку Маркграфини. В нормальном состоянии этот корабль обладает и быстрым разгоном, и высокой крейсерской скоростью. Но чтобы выжить на таком (про управление я не говорю), придется кардинально изменить интеллект, а это категорически запрещено Линией.

Оставалось еще девять кораблей, но почти все я отмел, едва окинув взглядом. Слишком медленные, слишком древние, слишком ненадежные, слишком проблемные в плане запчастей, если сломается что-то невозстановимое. Приглянулся «Краебежец» – он явно быстрее «Лентяя», – но я заметил характерную размытость границы плавательного пузыря. Ясно, генератор защитной оболочки на последнем издыхании. Приглянулся было и пятикилометровый череполет от «Канопус-Солидарности», но я вовремя вспомнил, что эти корабли печально известны как убийцы своего экипажа. Тримаран Вечного Содружества выгодно отличался новизной, но стыковочные лонжероны, соединяющие три его фюзеляжа, гарантированно замедляли ускорение. Жители Вечного Содружества не стремились к быстрому старту – они свято верили, что их империя просуществует миллионы лет.

Вот и весь флот Атешги – двенадцать развалин, ни одна

из которых меня не устраивала.

– Не спеши, – посоветовало имаго Атешги. – Осмелюсь поинтересоваться, сколько ты намерен потратить?

– Не важно, Атешга. Эти корабли меня не интересуют.

– Не спеши, странник. Нам есть о чем поговорить. Ты даже не объяснил, какая цивилизация вас прислала, а уже прощаешься. – Атешга поднял голову и наклонил набок, точно у него появилась идея. – Странник, пусть корабли тебе не нравятся, разве это мешает нам заключить взаимовыгодную сделку? Апгрейд не желаешь? Купи новый двигатель, генератор поля, оружие или датчики.

– Снятые с тех раздолбаек?

– Вовсе нет. В лунном корабле у меня небольшой склад запчастей. Все отличного качества. – Атешга снова сложил пальцы замком и поклонился. Белое лицо скривилось в манящей улыбке. – Расскажи, что продаешь, а потом посмотришь на мой товар, идет?

Портулак потянулась ко мне и зашептала:

– Что-то подозрительно. Ты здесь ради нового корабля, а не ради запчастей. Зачем менять планы на ходу?

– Посмотрим, что у него есть, – ответил я. – Вдруг что-нибудь путное выторгуем.

– Странник!

– Сперва хочу убедиться, что торговаться стоит, и лишь потом покажу космотеку, – сказал я имаго. – Впрочем, намекнуть, что у меня в арсенале, могу. Сенсорная эпопея о

Войне в Местном Пузыре, которой нет в свободном доступе. Полная техническая документация машинного народа. Семь логически связанных объяснений феномена Пустоши. Мой отчет о полете на Вигильность и о времени, проведенном в пищеварительной системе куратора. Карта эмпориев до вынужденной миграции. Что-нибудь интересует?

– Весьма, – отозвался Атешга. – Прошу вас, следуйте за мной на лунный корабль. Точно не пожалеешь! Слышал о реликвиях Второй Империи?

– Краем уха.

– Тогда не упускай шанс, взгляни на мои сокровища.

Корабль Атешги коснулся защитной оболочки лунного корабля и погрузился в нее. На стыке полей расплывалось бело-голубое энергетическое кольцо. Под оболочкой корабль Атешги заглушил двигатель и двинулся к северному шлюзу лунного. Узоры на обшивке изгибались к люку, – наверное, они были и на внутренней поверхности. Точно я не знал – так близко к лунному кораблю прежде не оказывался.

Десятикилометровый корабль Атешги с трудом пролез в северный шлюз – зазор составил не более нескольких сотен метров. А вот «Лентяй» беспрепятственно скользнул следом и остановился у его черного рифленого хвоста. Отовсюду лилось золотое сияние, в котором плавало множество предметов различных форм и размеров.

– Что-нибудь приглянулось? – спросил Атешга. – Слева от вас двигатель к погонщику облаков «Кузнец». Справа броне-

модули «Сикоракса», подержанные, но в работе как новые.

Я уже хотел ответить: мол, сначала надо осмотреться, но почти уверен, что без покупки не улечу, однако корабль Атешги исчез.

– Мне это сразу не понравилось, – заявила Портулак.

Имаго Атешги тоже исчезло, мы остались на мостике одни. Я направил «Лентяя» вперед, но он тотчас выдал сообщение о перегрузке и аварийном отключении двигателя.

– Мы в ловушке.

– Уже заметила, – буркнула Портулак.

Я растянул губы в приторной улыбке:

– Есть предложения более конструктивные, чем: «Полетели бы на моем корабле, а не на этой рухляди, в беду не попали бы»?

– Если Линия Горечавки так заботится о гостях, не хотел бы я стать вашим пленником, – проворчал доктор Менинкс.

– Как мы относимся к пленным, вам лучше не знать. Держитесь оба, сейчас пущу «Лентяя» во всю прыть.

Двигатель заревел, потом громче, потом еще громче. «Лентяй» орал на нас, хотя на деле бесшумен даже на предельной мощности. Он просто включил и транслировал на мостик содержимое архивной фототеки. Портулак такой мелодраматизм не нравился, но, думаю, она радовалась, что кораблик себя не щадит.

Не помогло. «Лентяй» затрясся, пульт управления предупредил, что двигатель с минуты на минуту выскочит из кор-

пуса.

Я велел кораблю не мучиться. Рев сменился урчанием, потом неодобрительно мрачной тишиной.

– Атешга, вы меня слышите? – спросил я после долгой паузы.

– Он не ответит, – проговорила вместо него Портулак. – Желаемого он уже добился – получил твой корабль со всеми потрохами.

– Выбирайтесь отсюда, отстреливайтесь! – потребовал доктор Менинкс.

– Мы на лунном корабле, – напомнила Портулак, повернувшись к нему. – Представьте последствия использования оружия в такой ситуации.

Вместо ответа, аватар взглянул на нее со злобой и раздражением: мол, это все ты виновата.

– Можно мне переговорить с Атешгой? – спросила Портулак.

– Конечно, если надеешься на ответ.

Она притянула пульт к себе:

– Атешга! Говорит Портулак, владелица «Серебряных крыльев зари». Надеюсь, вы слышите, потому что я хочу сказать нечто важное. Я сомневалась в ваших намерениях с той секунды, как вы вынырнули из местной атмосферы. Сильно сомневалась, поэтому, прежде чем Лихнис затащил нас в капкан, оставила своему кораблю указание. Если не объявлюсь до определенного времени (какого – вас не касается),

«Серебряные крылья зари» на аварийной скорости полетят прочь из этой системы.

«Искренне надеюсь, что ты не врешь», – взглядом сказал я Портулак, но опыт подсказывал: она говорит правду.

– Атешга, хотите узнать о другом указании? Корабль передаст подробное закодированное послание в закрытую сеть Линии Горечавки. Да, мы с Лихнисом шаттерлинги. Вы об этом не подумали? Раз спросили, какая цивилизация прислала нас, вряд ли это приходило вам в голову.

Фигура Атешги тотчас появилась снова.

– Такое может сказать кто угодно.

– А говорю я, и я – Горечавка. Атешга, нужно быть осторожнее. Вы увидели два корабля и подумали: «Это не шаттерлинги – шаттерлинги странствуют поодиночке». По сути, вы правы. Только мы с Лихнисом нестандартные шаттерлинги. Мы сожительствоуем. Сожительствоуем – значит вместе странствуем, а из этого следует, что у вас огромные проблемы.

– Это еще не доказывает, что ты Горечавка.

– Сейчас докажу. А пока представьте, каково быть нашим врагом. Нас, возможно, уже не тысяча, а лишь восемьсот восемьдесят, не считая Лихниса и меня. Вы наживете восемьсот восемьдесят новых врагов, которых никому не пожелаешь. Врагов, которые не просто знают расположение вашей системы, но и располагают мощнейшим оружием.

– Кто верит угрозам без доказательств?

– Никто, поэтому наша Линия снабжает шаттерлингов паролем-опознавателем. Из космоотеки Лихниса мне известно, что шаттерлинг Линии Горечавки посетил эту систему несколько тысячелетий назад. Звали ее Губастик, она представилась вам с помощью пароля, который оставил предыдущий шаттерлинг Линии. При отлете Губастик оставила другой пароль, который выбрала сама и тотчас зарегистрировала во внутренней сети. С тех пор наши шаттерлинги к вам не прилетали, значит пароль не менялся. – Портулак сделала глубокий вдох, явно играя на публику. – Это слово «пасскалья».

Повисла тишина. Лицо фигуры в плаще было совершенно невозмутимым. Такую ипостась Атешга выбрал, чтобы заманить нас в ловушку. Возможно, истинный он выглядел так, возможно – как огромный организм, парящий под нижним облачным слоем чуть выше океана жидкого водорода.

– Может, вы узнали пароль обманом. Может, поймали и допросили шаттерлинга Горечавки. Может, взломали их закрытую сеть.

– Или, может, мы говорим правду, – подсказала Портулак. На бесстрастном лице Атешги наконец мелькнуло сомнение.

– Боюсь, произошла маленькая ошибка.

– Да, Атешга, и не маленькая. Вопрос в том, как вы ее исправите.

«Лентяй» накренился – поле ослабло. Я осторожно завел

двигатель, опасаясь, что нас снова прижмут, но нет, отпустили. Через южный шлюз я вернул «Лентяя» в вакуумный пульт, окружающий лунный корабль, активировал собственный генератор защиты и выскочил в бурную атмосферу.

– Мы ждем, – напомнила Портулак Атешге.

– Хорошая скидка проблему не решит?

– Скидки тут явно недостаточно. Нужен подарок. Корабль, например, наверняка нас задобрит.

– Но ведь ни один... – начал я, но Портулак знаком велела молчать.

– Поговорим о пленных, экипаже и пассажирах других кораблей.

– О пленных? – Атешга изобразил недоумение.

– Условимся сразу: если почувствую, что вы темните, тотчас прикажу кораблю переслать сообщение Линии.

– Я просто уточняю, – заискивающе улыбнулся Атешга.

– Тогда поясню. На тех кораблях были пассажиры. Вы вполне могли их убить, но, думаю, предпочли оставить живыми, по крайней мере в стазисе.хлопот никаких, а пленные – ходкий товар. Какая цивилизация поскупится на разум-носитель древней информации?

– Сколько их тут? – спросил я.

– Я хорошо о них заботился... – начал Атешга.

– Покажите, тогда поверю, – оборвала его Портулак. – Доставьте их сюда. Всех, кого сможете.

– Понадобится время.

– Мы никуда не спешим. Разберемся с пленными, потом о других кораблях поговорим.

– О других кораблях?

– Только что ведь предупредила: начнете темнить...

– Конечно-конечно, о других кораблях! Как раз о них подумал.

– Какие еще корабли? – шепотом спросил я.

– Сейчас увидишь! – прошипела в ответ Портулак.

Как и предполагала Портулак, ждать пришлось, только вряд ли Атешга мог устроить все быстрее, даже если бы захотел. Пленных он держал по одному, по двое, по трое, группами, очень большими группами. Каждый отсек, один ли пленный в нем содержался или целая сотня, состоял из бронированной оболочки с независимым источником питания, генераторами стазиса и защитной оболочки. Целый корабль в отсек не поместится, а капсула со спящим – без проблем.

Выпущенные из чрева лунного корабля отсеки парили в атмосфере как пестрые стеклянные бусинки с разной «начинкой». Иные я опознал как очень старые, иные, из-за незнакомой «начинки», не опознал вообще.

Точь-в-точь стеклянные шарики в игровой дома на Золотом Часе!

– Шаттерлинги здесь есть? – спросил я.

– Ты о Линии Горечавки, досточтимый шаттерлинг? Насколько я помню, нет.

– А других Линий? Кого удалось одурачить?

– Вроде есть Канцлер, Тримейн, Парисон, Зорилла и другие тоже. Но кто есть кто – не поручусь.

Я вздрогнул, сообразив, какая удача вот-вот приплывет мне в руки. Освобождение уже причисленных к погибшим шаттерлингов других Линий невероятно повысит авторитет Горечавок.

– Всех шаттерлингов и тех, кто на них похож, доставьте к грузовому отсеку моего корабля. Места хватит, если отключить генераторы защиты, когда они окажутся под оболочкой «Лентяя».

– А другие кто? – вмешалась Портулак. – Представители молодых цивилизаций? Сбившиеся с пути странники-перерожденцы?

– В основном – да, – ответил Атешга дрожащим голосом: это признание его явно пугало.

– Так, слушайте, – начал я, – приготовьте корабль, в который поместятся все латентные. Загрузите в него их и оборудование, которое продержит их в латентности, пока не доберутся до места. Корабль запрограммируйте так, чтобы останавливался в пригодных для жизни системах, а мы с Портулак за ним присмотрим.

– Да-да, конечно, – закивал Атешга, словно я предлагал очевидное.

– Теперь покажите другие корабли, – потребовал я, но Портулак подняла указательный палец:

– Погоди! Кого мы пропустили? Шаттерлингов упомяну-

ли, перерожденцев упомянули, кто же остался? Не забывайте о том, что случится, если станете темнить.

– Есть еще кое-кто, – нехотя признался Атешга. – Он у меня уже давно.

– Мы тебя слушаем.

– Его зовут Геспер. Он посланник машинного народа.

Я потрясенно покачал головой:

– Вы удерживали в плену посланника машинного народа и все еще живы?

– Тут банальная ошибка. Геспер выдавал себя за биологическое существо, чтобы не привлекать внимания. Знай я, кто он на самом деле, близко бы к нему не подлетел. Раскрыв карты, я, разумеется, должен был идти до конца. Отпустить его я уже не мог.

– Потому что машинного народа вы боитесь больше, чем Линии, – догадалась Портулак, – и недаром. С нами лучше не ссориться, а уж с ними... Брр, даже подумать страшно.

– Вы с огнем играете, – добавил я. – Отдайте нам Геспера, пока не поздно.

Глава 4

Мы с Лихнисом ждали, пока Атешга все не приготовит, а доктор Менинкс подкрался к моему пульту и зашептал мне на ухо. Голос у него был не громче шелеста листьев.

– Словами не передать, какую ошибку вы совершаете, пус-

кая эту... машину на борт. Ты должна поговорить с Лихнисом.

– Сами с ним говорите!

– Меня Лихнис не слушает. Он знает, что я отреченец, а отреченцы роботов не жалуют. Ты – другое дело. Если начнешь возражать, он задумается.

– А если мне нечего возразить?

– Ты должна возразить! – зашелестел аватар. – Машина на корабле – к беде.

– Геспер не машина. Он посланник машинного народа, попавший в беду далеко от дома.

– А вдруг это происки Атеши? Вдруг этот робот – оружие, которое он внедряет на корабль, чтобы угнать?

– Определитесь, доктор, вы против Геспера из отреченческих принципов или из подозрений, что он не робот?

– Я против машины по всем мыслимым доводам.

– Машинный народ цивилизованнее многих других. Геспер просто будет еще одним нашим гостем.

– Заводная игрушка, умеющая ходить и болтать! – Арлекинское лицо аватара скривилось от омерзения. – Безумный часовой механизм!

– Не хотите общаться с Геспером – не общайтесь. Если он вам так неприятен, остаток путешествия можете провести в стазисе.

– Для тебя очевидно, что в стазис должен погрузиться я, а не робот? Приятно наконец осознать свое место! Сразу по-

сле жестянки, напичканной безмозглыми программами!

– Доктор Менинкс, – с нажимом начала я, – Геспер полетит с нами. Это решено. Как Горечавки, мы не можем отказать ему в помощи.

– Меня машина не увидит. Вы не расскажете ей ни откуда я, ни чем занимаюсь, ни что вообще существую.

– Тогда поменьше высовывайтесь, – посоветовала я. – Если Геспер увидит ваш аватар, неизбежно спросит, кто им управляет.

– Скажите ему просто, что я ученый. Большого ему знать не надо. И пусть к моему резервуару не приближается.

– Зачем Гесперу ваш резервуар?

– Затем, что если он узнает, кто я, а он наверняка узнает, то постарается меня убить.

Я запустила руку в оконце синтезатора и взялась за рельефную рукоять энергетического пистолета. По весу чувствовалось: свежеизготовленное оружие буквально набито хитроумными приспособлениями. Леваторы позволили мне его поднять, но все равно пистолет был тяжелым, как булыжник. Вообще-то, из такого оружия стреляют в силовых доспехах, чтобы погасить остаточную инерцию, но мне не хотелось встречать гостя, самой похожей на робота.

Я запретила себе нервничать, но едва прогоняла одно опасение, на его месте возникало другое. Представители машинного народа пока не нападали на людей, так что пистолет мог показаться излишней, а потому оскорбительной мерой

предосторожности. Но я собиралась освободить пленника, который не только обладал сверхчеловеческой скоростью и силой, но и стараниями Атешги вполне мог обезуметь.

Я искренне надеялась, что пистолет, если придется его использовать, пробьет золотую броню.

– Уверена, что мы поступаем правильно? – спросил Лихнис.

– Нет, ни капли, – проговорила я. – Только освободить Геспера все равно нужно.

Я нажала кнопку и отскочила от вертикального шасси клетки.

Сдерживающее поле ослабевало постепенно – на пол Геспер опускался медленно, как во сне. Вот его ноги коснулись палубы, руки повисли по бокам. Робот стоял, но пару секунд не было ясно, жив ли он или просто балансирует в таком положении. Потом он обратил ко мне золотое лицо и заглянул в глаза.

Восхитительная машина!

Геспер напоминал человека в плотно сидящих доспехах, хотя для человеческого его тело казалось чересчур худым. Аккуратные плоскости и блестящие изгибы черепа. Его лицо сочетало холодную механистичность и болезненную человечность – словно шарж на прекрасного мужчину из древних преданий, отлитый в золоте и хrome. Цвет фасетчатых глаз менялся от опалового до бирюзового в зависимости от направления взгляда. Квадратный подбородок украшала ямка,

а скулы, параллельные хромированные дуги, выступали из-под кожи, словно охлаждающие элементы. По-моему, его нос не имел функциональной нагрузки – лишь уравнивал пропорции лица. Пухлые золотые губы скрывали щель со сложным хромированным синтезатором речи. Череп был золотым – за исключением двух панелей из цветного стекла над изящными ушами. Каждую панель покрывала тонкая серебристая паутина, за ней калейдоскопом кружились неяркие огоньки.

Торс впечатлял не меньше, чем лицо, ни одна его часть не нарушала эстетическую гармонию. Рельефная грудь, поджарый хромированный живот, стройные бедра, длинные мускулистые конечности. Совершенство нарушала лишь левая рука – ниже локтя она была толще правой, а кисть массивнее, словно Геспер надел металлическую перчатку.

В общем, торжеству гармонии мешало только это. Люди-машины выбирают себе мужскую или женскую внешность, реже – детскую, еще реже – бесполоую. Лицо и тело Геспера не оставляли сомнений, что он мужчина. У него даже гениталии имелись, деликатно обозначенные рельефом. Ничего грубого и угрожающего – Геспер был произведением искусства, шедевром, объектом желания и восхищения.

Шедевр, но живой. А еще сильный, быстрый, возможно, умнейший и опаснейший из ступавших на борт «Лентяя».

– Кто вы? – спросил Геспер. Пухлые губы шевелились, хотя лицо до этой минуты напоминало застывшую золотую

маску. Какой голос! Мелодичный, как птичья трель, превращенная в человеческую речь. Ничего прекраснее я в жизни не слышала.

— Я Портулак, шаттерлинг Линии Горечавки из Союза Линий, а это Лихнис. — Я показала на своего спутника. — Он шаттерлинг той же Линии. Сейчас вы на его корабле. Пост-человек, называющий себя Атешгой, держал вас в плену. Мы только что договорились о вашем освобождении.

— Шаттерлинги, вы меня боитесь?

— Возможно, — ответила я.

— Не бойтесь. На вашем месте я убрал бы оружие. Интеллект у меня распределен по всему телу, одним выстрелом меня не убить. Ранить, возможно, получится, но прежде отраженная энергия нанесет значительный ущерб кораблю. — Геспер медленно огляделся по сторонам. Голова его поворачивалась с жуткой плавностью пушечной турели. — Вам проще разговаривать на языке Союза? — спросил он, легко переключившись на транс. — Мне это труда не составит.

Мы, шаттерлинги Горечавки, считаем себя непревзойденными знатоками транса. Но Геспер парой предложений разбил мою уверенность.

— Здрóрово! — шепнул Лихнис. — Как здóрово!

— Вы прекрасно говорите на трансе, — похвалила я.

— Прекрасно для машины?

— Нет, для любого, для кого этот язык неродной. Извините, я не хотела вас обидеть.

Геспер взглянул на меня мерцающими опаловыми глазами, потом чуть заметно наклонил голову, и они вспыхнули бирюзовым.

– Шаттерлинг, я не обиделся. Не соблаговолите разъяснить мне ситуацию? Вы упомянули некоего Атешгу. Это имя мне смутно знакомо, но я не представляю, как здесь оказался.

– Вы не помните, как попали в плен?

– Отдельные эпизоды помню, а связать их не могу. Помню, что путешествовал. – Геспер прижал ладонь к груди, металлические пальцы не шевелились. – С моим кораблем что-то случилось. Какая-то техническая неполадка.

– Могу предположить, что произошло дальше. В космо-теке корабля вы выяснили, что в этой системе есть торговец кораблями. Атешга заманил вас к себе, а потом решил, что забрать ваш корабль выгоднее, чем ваши деньги.

– С вами произошло то же самое?

– Сперва Атешга не понял, что поймал шаттерлингов Горечавки. Мы объяснили ему: если не отпустит нас, будет иметь дело с нашей Линией.

– Угроза нешуточная, – кивнул Геспер. – А как вы добились моего освобождения?

– Выпустив нас, Атешга лишил себя выбора. Просочись информация, что он держит в плену человека-машину, ему пришлось бы еще солонее.

– В таком случае примите мою благодарность. Очень до-

сально видеть у вас оружие.

– Я опасалась, что вы дезориентированы.

– Ваши опасения обоснованны. Память я повредил. Не подскажите, какое сегодня число?

– Шесть ноль три три, четыре восемьдесят пять по стандартному времени Крабовой туманности. Вы в спиральном рукаве Щита – Южного Креста в системе Неламбия.

– Атешга продержал меня в плену довольно долго. Последняя запомнившаяся мне дата в человеческом исчислении начиналась с пятерки.

Я посмотрела на клетку. Геспер так и стоял внутри ее, хотя сдерживающее поле уже не действовало.

– Атешга что-то сделал с вашей памятью?

– Я чувствую сбои, которые указывают на сильное электромагнитное излучение. Атешга явно хотел вызвать у меня амнезию, чтобы потом выпустить и не бояться мести. – Геспер взглянул на свою руку, ту, что была больше другой, потом опять на меня. – Простите, шаттерлинги. Мое состояние наверняка сбивает вас с толку. Коль скоро я в вашей власти, могу поинтересоваться, как вы намерены со мной поступить?

– От Атешги мы полетим к системе, где пройдет наш сбор. На последних двух в числе гостей были и люди-машины. Хотите – отвезем вас туда. Если нет, оставайтесь на «Ленте» сколько пожелаете. – Я сделала паузу, собираясь затронуть деликатную тему. – Конечно, если вы согласитесь посетить

сбор, моему положению в Линии это совсем не повредит.

– Это вполне можно устроить. Мы уже улетели от Атешги?

– Кое-что уладим – и улетим. – Я протянула Гесперу руку. – Из клетки можно выйти, если хотите.

На пухлых губах появилась улыбка. Слишком неестественная и театральная, слишком симметричная, чтобы достоверно отразить человеческие эмоции, но это была улыбка.

– Спасибо, шаттерлинг.

– Зови меня Портулак, и давай на «ты», ладно?

– Хорошо, Портулак. – Из клетки Геспер вышел осторожно, будто ожидал, что сдерживающее поле включится снова. Он вытянул руки, повернул их вправо, потом влево, словно восторгаясь ими. Тут же вспомнились охотничья кошка, которая была у меня в Палатиале, и копия «Давида» Микеланджело, висевшая в коридоре нашего старого дома. – Портулак, как здорово двигаться! Словами не передать, до чего отвратительно было в плену у Атешги. Реши я отомстить... – Геспер осекся.

– Геспер, ты решил мстить? – спросил Лихнис.

– Нет, – ответил робот, – месть для биологических существ, а мы решаем вопросы иначе.

Доктор Менинкс не отреагировал, когда его представили Гесперу, хотя бумажное лицо выражало хорошо продуманное недоверие.

– Мы с Атешгой только что говорили о других кораблях, – начала я. – Правда, Атешга?

– Все мои корабли вы уже видели, – ответило имаго.

– Атешга, я знаю, что вы сделали с моей памятью, – заявил Геспер, входя в поле зрения имаго. – Вы благоразумно стерли информацию о том, что совершили.

– Я мог тебя убить, – напомнил постчеловек.

– Я учту это, когда вернусь к своему народу и объясню, где был. А пока, чтобы не усугублять ситуацию, советую прислушаться к просьбам шаттерлинга. Раз она хочет увидеть другие корабли, покажите их ей.

Атешга промолчал. Его корабль вылетел из атмосферы, оставив за собой полосу вакуума.

– Куда он понесся? – спросил Лихнис.

– На орбиту, – ответила я.

– На орбите кораблей не было, – возразил доктор Менинкс. – Мы заметили бы их даже за маскировочными экранами. Невидимым корабль не сделаешь.

– Мы их видели, – сказала я. – Точнее, смотрели, но не увидели.

Лихнис сел в кресло и притянул к себе парящий в воздухе пульт. По его команде «Лентяй» вынес нас из атмосферы навстречу «Серебряным крыльям». Мы летели над экваториальной плоскостью планеты и смотрели на ее залитую солнцем поверхность.

– Все равно не понимаю, – признался доктор Менинкс.

– Я тоже, – сказал Лихнис, вглядываясь в планету. – Я вижу лишь...

– ...Кольца, – договорила я за него. – Давайте, Атешга, покажите им. Лихнис с доктором сообразительностью сегодня не блещут.

– Что он должен нам показать? – спросил Лихнис.

Тут кольца стали преобразоваться совершенно невероятным образом. Менялась и текстура, и яркость – сперва появилась прямая линия, которая двигалась с неотвратимостью стрелок часов. За ней кольца становились темнее и будто рыхлее. Раньше на фоне планеты они казались серебристо-белыми лентами, а сейчас напоминали клубы черного дыма.

– Вот где Атешга их спрятал, – пояснила я. – Кольца в основном состоят из мелких ледяных осколков, но корабли-то крупнее. Атешга настроил генераторы их защитной оболочки так, чтобы у пузырей был тот же коэффициент отражения. Сейчас он снял настройки, и отражающая способность пузырей уменьшилась.

Видела я и сооружения побольше, наверное, все видели. Но в определенном смысле большое есть большое, будь то парящая громада нефритового собора на Лютеции, лунный корабль Второй Империи или гигантский остов механизма Предтеч у Альфы Стрельца.

Эти кольца вместили бы море кораблей.

– Сколько их здесь? – спросила я чуть ли не со страхом.

– Тысяч шестьдесят, – отозвался Атешга. – Я их очень давно коллекционирую.

– Выбери! – велела я Лихнису. – Если здесь ничего не приглянется, значит искать вообще бесполезно. Уверена, у Атеши тут все типы и модели.

– А я теперь не знаю, – смущенно улыбнулся Лихнис.

– Что не знаешь?

– Стоит ли избавляться от «Лентя». Разве страшно, что из-за него я на пару встреч опоздал? Главное, я попал, куда хотел, в целости и сохранности.

– Ты совершенно прав, досточтимый шаттерлинг, – вмешался Атешга. – Зачем избавляться от корабля, который служит верой и правдой? Разумеется, после того, как ты изложишь свои требования, на ремонт уйдет определенное время. Запчасти нужно отобрать, установить на корабль... Работы тут на многие месяцы, если не годы. Не желаете провести это время в стазисе?

– Дельное предложение, – кивнула я. – Но сдастся мне, что если мы заснем, то уже не проснемся.

– Придется спать по очереди, – проговорил Лихнис.

Тут послышался мелодичный голос Геспера:

– Необходимости в этом нет. То, что вы называете латентностью, мне не требуется. Пока вы спите, я готов следить за ремонтными работами. Не сомневайтесь, я заставлю Атешгу сдерживать обещания.

Мы с Лихнисом переглянулись. Думали мы наверняка об одном: где гарантия, что Геспер – настоящий посланник машинного народа? Атешга, с его коварством, запросто мог ис-

пользовать его как подсадную утку, как аварийное средство для прижатия нас к ногтю.

– Можете мне доверять, – пропел Геспер, словно прочитав наши мысли. – И сейчас, и всегда.

– Кому ведомы истинные намерения этого существа? – спросил доктор Менинкс.

Разозлившись, я повернулась к арлекину:

– Раз так, дежурить беретесь вы?

– Я... не это имел в виду...

– Ваши подозрения вполне понятны, – сказал Геспер. – Я вас тоже подозреваю. Вы впрямь намерены вернуть меня моему народу или лжете, чтобы подчинить себе? А если вы помогали брать меня в плен?

– Мы не помогали, – отозвалась я.

Геспер примиряюще поднял руку:

– Суть в том, что сразу от сомнений не избавиться. Тут нужно время. Позвольте мне доказать свою благонадежность, проследив, как Атешга держит слово.

– Сможешь присматривать и за «Лентяем», и за Атешгой, чтобы он нас не надул? – спросил Лихнис.

Когда Геспер повернулся к имаго, его глаза сверкали бирюзовым.

– Надувательство исключено, не сомневайся.

Глава 5

Портулак и Геспер сидели за низеньким игорным столом. Призрачные мини-армии схлестнулись на равнине, окутанной дымом и туманом. Манипуляции в глаза не бросались – игроки командовали своими батальонами как умелые кукловоды.

– Доктора Менинка не видели? – спросил я, как только вернулся из камеры двигателя.

– Доктор еще спит, или чем он там занимается в своем резервуаре, – ответила Портулак.

– Жаль.

– Ага, жаль.

Несколько сложных жестов Геспера – и его батальон разбился на бесчисленные мелкие подразделения, которые, к вящему неудовольствию Портулак, саранчой налетели на ее солдат. Над затянутой дымом горой появился флажок. Я подумал о Призрачных Солдатах графа Мордекса, штурмующих Королевство на тощих конях.

– Геспер снова разбил тебя наголову, – подвел итог я.

– Как всегда, – сказала Портулак, откидываясь на спинку кресла. – Просила его играть на моем уровне, но он ни в какую.

– Лучше одолеть тебя, чем унижить поддавками, – отозвался Геспер. – К тому же игра отлично тренирует память.

Лихнис, с нашего последнего разговора моя оперативная память улучшилась.

– Вот и славно.

Портулак встала и погладила меня по щеке:

– Хватит в игры играть. Нас с тобой работа ждет.

– Ага, нити, – проговорил я подчеркнуто вяло и апатично.

– Откладывать больше нельзя. Мне пора вернуться на «Серебряные крылья» и взяться за дело.

Вообще-то, я собирался именно тянуть и откладывать, причем до последнего. Два дня назад мы улетели от Атешги, двести два дня назад он согласился с нашими требованиями. Под присмотром Геспера работа была выполнена более чем удовлетворительно. «Лентяй» несясь вперед чуть медленнее скорости света.

– Лихнис, не хочу отвлекать от дел, – начал Геспер, – но можно задать вопрос?

– Задавай.

– Речь о вашем госте.

– Стараниями Атешги гостей у меня много.

– Я имею в виду доктора Менинка.

– Так я и думал. Что с ним такое?

– По-моему, доктор Менинкс не одобряет мое присутствие на корабле. Я верно понимаю его отношение?

– Не могу же я заглянуть ему в голову, – попробовал отшутиться я.

– Есть подозрение, что он отреченец. Кто они такие, я

помню отчетливо. Отреченцы не считают роботов разумными существами: какое у нас на это право? Самые непримиримые и радикально настроенные из них хотят избавить галактику от искусственного интеллекта.

– Вряд ли доктор Менинкс зашел так далеко.

– Ну, это дело времени, – пробормотала Портулак.

– Так он отреченец? – прямо спросил Геспер.

– Вряд ли это у него серьезно, – уклончиво ответил я. – Линии с отреченцами почти не общаются. Воробейник не привез бы доктора на сбор, если бы подозревал в нем наемного роботоненавистника.

– Доктор Менинкс сильно задерживается. Думаю, он решил, что политика Горечавок не его дело. Вдруг он сейчас показывает свое истинное лицо?

– У доктора были определенные опасения насчет твоего появления на корабле. Он боялся тебя скорее как темной лошадки, а не как робота.

– Ясно. – Судя по тону, Геспер уяснил куда больше, чем я вкладывал в свои слова.

– Я впрямь не вижу повода волноваться. Не хотите видеть друг друга – не надо. Угрозы доктор для тебя не представляет.

– Речь не о страхе. Мне хотелось подружиться с вашим гостем – вдруг он заполнит пробелы в моих воспоминаниях? Портулак говорит, доктор – ученый, летел по научным делам. Мне сразу показалось, что наши с ним дороги схожи.

– Доктор летит на Вигильность, – сообщил я.

– На Вигильность, – эхом повторил Геспер, словно прислушиваясь к слову. – Название знакомое, но откуда – не представляю. А как его научные дела?

– Пока никак. Я мог либо доктора везти, либо лететь на сбор Линии. – Я растянул губы в улыбке. – Взглянем на это с другой стороны: не подвези я Менинка, не встретил бы тебя.

– А я томился бы в плену у Атеши.

– Вот именно.

– Выходит, невезение доктора Менинка обернулось для меня удачей. Лихнис, я должен больше узнать о Вигильности. Это название словно ключик к тайникам моей памяти. Теперь еще больше хочется обсудить свое положение с доктором.

– Давай расскажу тебе о Вигильности, – предложил я. – Мне доводилось там бывать. Хочешь взглянуть на мою космотеку?

– С превеликим удовольствием, – ответил Геспер.

Когда скорость «Лентя» упала намного ниже межзвездной крейсерской, Вигильность стала казаться дырой в бледном сиянии Млечного Пути на пересечении с рукавами Лебеда и Наугольника. В инфракрасном спектре она сияла как маяк – самый яркий на тысячу световых лет. Фотоны видимого спектра в чреве Вигильности теряли энергию, становились тепловыми и разлетались во всех направлениях.

Большая часть потерянной ими энергии собиралась и употреблялась для непрерывного сбора и архивации данных. Звезда использовалась как подстанция в подвале библиотеки, как машина для преобразования водорода в информацию.

Вигильность соорудили вокруг звезды солнечного типа, которой оставалось существовать на главной последовательности около миллиарда лет, если в ее ядре не сделать червоточину для дозаправки. Когда-то эту звезду окружала целая система – планеты, кометы, спутники, астероиды, но сейчас не осталось ничего. Все функциональные атомы пошли на создание компонентов роя Дайсона, каковых насчитывается около десяти миллиардов. Предтечи умели дробить небесные тела и превращать их в несокрушимую оболочку истинной сферы Дайсона. Людям подвластно многое, но все наши попытки создать оболочку нужной жесткости провалились. Максимум на что мы способны – окружить звезду роем тел, которые движутся по своим орбитам, как мошкара вокруг фонаря.

В пятидесяти часах от внешней границы я отправил заявку на приближение и представился шаттерлингом Горечавки. Ответа не последовало. Я притормозил – сравнял скорость «Лентяя» с системной и отправил еще несколько заявок. Действовал я по правилам, сверяясь с космоoteкой. Когда расстояние до Вигильности сократилось до нескольких часов, я снова притормозил. Теперь остаток пути занял бы

год. Я почти не спал – все время бодрствовал, даже к синхросоку не прикасался. Черная сфера медленно приближалась, поглотив половину моего неба. Ее горизонт был таким плоским, словно «Лентяй» уперся в стену на краю Вселенной. Когда осталось лететь три световые секунды, Вигильность соизволила меня заметить.

Строго говоря, такое расценивается как атака. В «Лентяя» били обжигающие потоки энергии, способные запросто отсечь полкорпуса, пока защитный пузырь не раскрылся полностью. Лететь с заранее раскрытым пузырем я не мог – мои намерения сочли бы враждебными. Однако с позиции Вигильности атака наверняка считалась небольшой проверкой на прочность: стоит со мной возиться или нет.

Я выдержал, и на этом проверкам следовало закончиться, но, пока мой корабль не достиг поверхности роя, Вигильность несколько раз ужесточала критерии отбора. Усиливающийся поток энергии поливал мои заслоны, едва не пробивая их. Представляй я реальную угрозу, сосредоточенная система обороны давно уничтожила бы меня. Но со мной лишь играли, поддразнивали забавы ради.

Вскоре открылся туннель. Орбиты многих тысяч элементов изменились, чтобы образовать темный проход в сердце роя. Как я волновался! Едва туннель закрылся, «Лентяй» стал уязвим для атак с любой стороны. Чем глубже я забирался, тем плотнее смыкались элементы роя, блокируя открытый космос. «Лентяй» передал, что мы в интенсивней-

шем инфопотоке. Направляли его не на нас, хотя периодически от шальной пылинки отскакивал фотон-другой и попадал на сенсоры «Лентяя».

Сферы представляли собой искусственные небесные тела – самые крупные диаметром в десятки километров, самые мелкие размером с «Лентяя». Темную гладкость их поверхности нарушали только круговые апертуры сигнальных антенн. Космотека подсказывала: внутри сфер кварковое ядро размером с кулак, а вокруг него концентрические слои устройств по обработке информации. Леваторы с трудом удерживали узлы от саморазрушения. Информация группировалась по степени надежности и полезности. Данные высокой достоверности и те, которые редко нуждаются в коррекции, упрятаны в надежные глубины кварковых ядер. Не слишком удобно для использования, зато защищено от случайного изменения, уничтожения и даже воздействия местной сверхновой. Сомнительная и меняющаяся информация скапливалась в средних и внешних слоях оболочки. В результате перегруппировки данные мигрировали из слоя в слой. Новая информация вводилась извне под чутким руководством кураторов Вигильности. Этих странных медлительных существ видели немногие. Предполагалось, что кураторов столько же, сколько сфер в рое Дайсона, если не больше, но, поскольку они почти не перемещаются ни в пределах роя, ни вне его, их истинное число неизвестно.

Сколько я ни справлялся в космотеках, выяснил лишь, что

теорий о кураторах множество, в том числе и противоречивых. Вигильность славится подбором и упорядочением информации, но столь же успешно распространяет дезинформацию о себе.

Я как раз раздумывал о том, какой элемент сомнительных данных добавлю в эту мозаику, когда силовые поля заставили «Лентяя» резко затормозить и остановиться напротив крупной сферы. Мы пролетели половину оболочки. Свет звезды уже сочился сквозь «пол» роя подо мной, его бело-желтое сияние приглушалось до зловеще-багрового.

Над мостиком загремел голос древнее древнейших цивилизаций, безмятежнее времени, медленнее ледников.

– Шаттерлинг, изложи цель своего визита, – потребовал он на трансе.

Ответ я репетировал бесчисленное множество раз:

– Ничего ценного для Вигильности у меня нет. Хочу лишь представить вам свою скромную космотеку и засвидетельствовать почтение от имени Линии Горечавки, Дом Цветов.

– Желаешь получить доступ к нашим архивам?

– Да, – ответил я, потому что Вигильности врать нельзя. – Но я ни на что не рассчитываю. Как уже было сказано, я прилетел выразить свое почтение.

– Жди, – пророкотал голос, похожий на далекий оползень, – твой запрос рассматривается.

Я ждал.

Ждал неделю. Месяц. Полгода. Шесть с половиной лет.

Все это время «Лентяй» не двигался с места – как пришитый.

Когда голос зарокотал снова, я спал. Впрочем, я заранее позаботился о том, чтобы проснуться, как только что-нибудь произойдет.

– Ты допускаешься на узел. Делать пока ничего не надо.

Круговая апертура в элементе роя оказалась диафрагмой, достаточно широкой, чтобы вместить «Лентяя». Поля́ затянули мой корабль в сужающийся туннель и оставили парить в отсеке ожидания. Если верить инерционным датчикам «Лентяя», от погрешностей не застрахованным, центра сферы мы еще не достигли. Стенки туннеля усеивали гладкие, идеально круглые кратеры, внешние края которых сияли алым. Поля отпустили «Лентяя», но вход в туннель закрылся, и мне оставалось только ждать.

Я снова ждал. На сей раз одиннадцать с половиной лет.

Можно подумать, что для шаттерлинга, странствующего по галактике циклами в сотни тысяч лет, одиннадцать лет – пустяк. Только мы считаем иначе: на отрезки в одиннадцать с половиной лет растрачивается целая жизнь.

К концу ожидания у меня появился спутник. Разомкнулся кратер, и в отсек ожидания влетел яйцеобразный корабль с внешними секциями такой же формы и вытянутым носом. Он был раз в шесть меньше «Лентяя» – семьсот-восемьсот метров в длину. Конструкция оказалась удивительно старой. Бурые корпус местами проржавел, овальные секции соединяли примитивные устройства вроде стыковочных колец на

древних кораблях. Корабль проник в отсек и повернулся на девяносто градусов вокруг своей оси. Это удалось ему с трудом, словно физические процессы текли в нем медленнее, чем в «Лентяе». Куполообразная матовая часть корпуса стала сперва белесой, потом прозрачной, как окно, за которым рассеялся дым. Внутри ее просматривалось непонятное существо, нечто вроде кожистого, биологически выращенного механизма.

Нечто оказалось лицом, взирающим на меня из-за стеклянного забрала. Чувствовалось, что давным-давно оно было человеком. А сейчас... Лицо словно высекли из камня, на миллиарды лет подставили всем ветрам, вот черты и стерлись; глаза метров десять диаметром, само лицо раз в десять шире, рот – темная неподвижная расселина в сероватом граните плоти. Нос и уши превратились в едва заметные неровности. Голова расширялась книзу, к шее, которая скрывалась за соединительным кольцом у основания куполообразного шлема и переходила в огромное тело.

Гигант моргнул – словно прокрутили замедленную запись астрономического явления вроде затмения краткопериодической двойной звезды: веки смыкались несколько минут, потом так же медленно разомкнулись. Глаза смотрели на меня, но ни сосредоточенности, ни интереса во взгляде не было.

Затем он приблизился. Внешние секции оказались рукой с огромными, как деревья, пальцами, которые стиснули

«Лентяя», — я услышал, как они гремят по корпусу. «Лентяй» почувствовал мое настроение и счел за лучшее ответных мер не принимать.

Куратор хотел лишь потрогать «Лентяя». Несколько часов он водил рукой по кораблю, ощупывал, поглаживал, словно убеждаясь, что это не призрак, а потом отстранился.

Снова зарокотал голос, которого я не слышал одиннадцать с лишним лет. Куратор времени явно не ощущал.

— Шаттерлинг, ты один. Ты прилетел один.

— Мы странствуем поодиночке. Ну, если гостей нет. Спасибо, что пустили меня сюда.

Голос рокотал, а на лице гиганта не дрогнул ни один мускул. Впрочем, я не сомневался, что говорю с куратором. Насчет других не знаю, но речевую функцию его рот явно не выполнял.

Гигант не шевелился, лишь каждый час хлопал жуткими глазами-озерами.

— Шаттерлинг, ты очень терпелив.

— Да, куратор, мне советовали запастись терпением. — Я знал, как легко прогневить Вигильность, считал каждое слово гранатой, которую могут швырнуть мне в лицо. — Это правильное обращение?

— Для тебя — да, — ответил куратор. — Тебя называют только шаттерлингом Горечавки или есть другое имя?

— Я Лихнис.

— Расскажи о себе, Лихнис.

Так куратор услышал мою краткую биографию.

– Родился я шесть миллионов лет назад одним из клонов Абигейл Джентиан, Горечавки. В самых ранних своих воспоминаниях я маленькая девочка, живущая в огромном страшном доме. Дело было в тридцать первом веке на планете Золотой Час.

– Ты прожил долгую жизнь, дольше многих разумных существ, включая Предтеч.

– Мне очень-очень повезло. Повезло родиться в Линии Горечавки. Повезло прожить столько лет, практически их не почувствовав.

– Разве долго жить – это плохо?

– Я не об этом. Мозг у меня почти такой же, как у древних людей в их бытность охотниками-собираателями. Усовершенствовали его лишь для обработки воспоминаний и приема нитей – сообщений других шаттерлингов. Но глубинных структур Абигейл не меняла. Мой мозг попросту не приспособлен для столь длительного существования.

– Ты сойдешь с ума.

– Ну, помощь специалиста точно понадобится.

– Тебя наверняка интересует, как справляемся мы. Кураторы славятся долголетием. В отличие от вас и поздних краебежцев мы не сжимаем время, чтобы века протекали быстрее.

– Видимо, вам и так неплохо.

– Ты уверен?

– Само существование Вигильности доказывает, что сложности гипердолголетия вы преодолели. Ни одна звездная цивилизация не существовала так долго.

– Кому нужна недолговечная Вигильность? Долгую службу мы несем в полном одиночестве, впрочем с самого начала понимая: потребуется терпение и готовность к долгим наблюдениям.

– Вы – ровесник Вигильности?

– В этом случае, шаттерлинг, мне было бы пять с лишним миллионов лет.

– Мне почти шесть.

– На самом деле нет. Родился ты давно, но по-настоящему прожил лишь пару десятков тысячелетий. Ты как книжный червь, пробуравивший страницы истории, согласен?

– Какое меткое сравнение!

– Ровеснику Вигильности пришлось бы пропустить все эти годы через себя. Я стал бы древнейшим организмом в галактике.

– Разве это не так?

– Я не старейший куратор и до сих пор расту. Все кураторы растут. На заре своей цивилизации мы нашли рецепт биологического бессмертия. Постоянный рост – необходимое условие. Существуют другие способы, но мы остановились на этом.

– Есть кураторы крупнее вас?

– Разумеется, только ты их не увидишь. Они живут в са-

мых больших узлах с самыми важными ядрами, но из-за размера не могут двигаться. У них головы с этот отсек, а невероятная мудрость сопряжена с такой же невероятной медлительностью. Здесь ничего не поделаешь: синаптический путь у них в сотни метров и элементарная мысль формулируется по несколько минут. Общаться с ними немного... утомительно. Думаю, ты меня понимаешь. С твоей точки зрения... Нет, хватит об этом, ладно?

Встреча с гигантом меня не смутила, хотя разобраться во впечатлениях удалось не сразу. В космотеке содержалось много информации о размерах кураторов, но она была так противоречива, что доверия не вызывала. После отлета с Вигильности я поневоле должен был внести вклад в общую сумятицу, а следующий путешественник, скорее всего, увидит нечто совершенно иное.

– Вы постоянно носите скафандр? – спросил я.

– Нет, не постоянно. Вряд ли ты в курсе, но дышим мы не воздухом, а жидкостью. В определенных условиях мы выживаем без скафандров, хотя оборудовать каждый узел компрессионной камерой слишком хлопотно. Со временем мы вырастаем из скафандра и перебираемся в больший, оставленный куратором постарше. Я живу в этом скафандре более сотни тысяч лет, и он мне еще не тесен. Прежде его носили множество кураторов. «Старый», – скажешь ты. Зато он очень крепкий и прослужит еще не одному.

– Другие Горечавки считают мой корабль старым, а мне

он нравится.

– Вот, это самое важное.

– Куратор, не желаете взглянуть на мою космотеку? Ничего интересного вы в ней не увидите, но должен же я вас чем-то отблагодарить!

– Космотека транспортабельна? В твой корабль я точно не помещусь.

– Я могу ее вынести.

– Меня это вполне устроит. Приготовься и выноси ее. Не торопись – у нас тут спешка не в почете.

Я предчувствовал, что понадобится скафандр, и заранее дал синтезатору соответствующие команды. В скафандре у меня началась клаустрофобия, я даже мазохистом себя почувствовал. Перебрасывание куда проще.

Скафандр старательно под меня подстраивался. Я выплыл из заднего шлюза – давненько его не использовали! – и прежде, чем нырнуть в вакуум отсека ожидания, глянул на корпус «Лентя», покрытый боевыми шрамами и царапинами. Новые шестиугольные чешуйки уже пробивались на обшивке и сливались в кружево свежего эпидермиса. В правой руке я сжимал рифленый фиолетовый цилиндр космотеки. Посредине – в месте, где космотека соединялась с кораблем, – блестел золотой поясик интерфейса. Казалось, я несу нейтронную звездочку, полную знаний и мудрости.

– Шаттерлинг, долго ли этот скафандр способен тебя поддерживать?

– Надеюсь, достаточно долго.

– Вели кораблю ждать твоего возвращения. Он ведь может обходиться без пилота?

– Уже велел.

– Доверься мне и держись.

Куратор протянул руку и осторожно сомкнул пальцы вокруг моего тщедушного тела. Скафандр закрипел – меня вместе с космотекой потащили к огромному лицу. Лишь тогда в кольце, соединяющем шлем куратора с торсом, я заметил сопло. Открылся шлюз, и меня затянуло в небольшой трюм. Вытесняя вакуум, хлынула соленая розовая жидкость. Скафандр провел анализ: окружающая среда кишела длинноцепочечными молекулами.

Открылся второй шлюз, и розовая жидкость понесла меня дальше. Чтобы притормозить и сориентироваться, пришлось работать руками и ногами. Как выяснилось, я попал в шлем и плавал между забралом и подбородком куратора. Его мерное дыхание напоминало прилив и отлив спокойного моря. Розовый поток поднес меня к бреши невероятного рта. Губы казались глыбами песчаника, обточенного подземными реками.

– Шаттерлинг, как ты? Если что-то не так, скажи.

– Все хорошо.

– Попав сюда, многие ропщут.

– Вы не хотите меня обидеть. Иначе давно обидели бы.

– А если я хочу тебя съесть? Об этом ты думал?

– Раз вы об этом заговорили...

– Нет, я не хочу тебя есть, по крайней мере не в общепринятом смысле. Мне нужно тебя проглотить. Зачем – поймешь через пару секунд. Обещаю, ничего плохого не случится, внутри меня ты пробудешь недолго.

– Тогда я должен поверить вам на слово. – Рот раскрылся настолько, что я проплыл между губами. – Куратор, – позвал я, падая в бездонный котлован, – простите за нескромный вопрос, но какие у вас гарантии, что я сейчас не причиню вам вреда?

– Даже уничтожь ты весь узел, большой беды с нашим банком данных не случится и ничего ценного не пропадет.

– Я мог попробовать.

– Тебя проверили тщательнее, чем ты думаешь. Возможности твоего корабля нам прекрасно известны. Оружие на нем есть, но явно не для военных целей. Скафандр твой не представляет совершенно никакой опасности.

– А я сам?

– Мы и тебя досконально изучили. Обнаружили только мясо, кости и немного безвредных механизмов. Разумеется, космотека может оказаться бомбой, но к такому риску мы готовы. Без риска новые знания не добыть.

Жидкость, проглоченная куратором, несла меня по его горлу. В свете фонаря скафандра упругий листок надгортанника казался зловеще-лилово-розовым. Раз! – и вход в гортань закрылся: меня направляли в желудок, а не в легкие.

Пищевод куратора сжимался – перистальтика увлекала внутрь глоток жидкости, в которой я плавал. По сужающемуся каналу я попал в теплую затопленную полость и решил, что очутился в нижнем отделе живота куратора, хотя где именно – не представлял. Не факт, что внутренние органы этих существ соответствовали человеческим, даже с поправкой на размер.

Я огляделся и подметил особенности пищеварительного тракта. Полость имела форму полусферы с входным отверстием у полюса. Жесткие блестящие образования, не то костные, не то хрящевые, расходились от отверстия и покрывали стенки. Грудная клетка двигалась ритмично и очень медленно, словно гигантские легкие работали где-то выше, за метрами брюшной стенки и плевральной полости.

Самым необычным – я сразу подумал, что в моем организме подобного нет, – была стенка напротив выпуклой части. Она поросла извивающимися щупальцами, похожими на анемоны. Раза в два-три длиннее меня, щупальца терлись друг о друга, стробировали и переливались завораживающе яркими цветами, некоторые сгибались пополам, пряча концы среди мерцающих соседей. Я подплыл ближе и в брешах между ними увидел темные штуковины, глубоко воткнутые в мясистую стенку. Штуковины имели форму цилиндра, куба, яйца. Согнувшиеся щупальца присосками крепились к их корпусам или погружались внутрь через отверстия в оболочке.

Космотеку я по-прежнему держал при себе. Команд не поступало, и я легонько подтолкнул рифленый цилиндр – пусть плывет. К нему тотчас потянулся добрый десяток щупалец. Их концы подрагивали, как носы зверенышей, льнущих к материнским сосцам. Цилиндр космотеки упал, и щупальца начали за него драться.

– Добро пожаловать в мое чрево, – проговорил куратор. – Это интерфейс моей нервной системы. Интерфейсов у меня несколько, только нам и этого хватит.

– Темные штуковины тоже космотеки?

– Да, или что-то вроде того. Большую часть отдали хозяева. От тебя я такого жеста не жду, но заглянуть в твою хочу.

К золотому кольцу интерфейса моей космотеки прилепилось щупальце. Оно замерцало разными цветами и завибрировало от кончика к мясистому корню.

– Вы читаете мои материалы?

– Процесс пошел. Закончу я не скоро, спешить тут нельзя. Все данные осядут у меня в голове. Сейчас я буфер между твоей космотекой и Вигильностью. Мы очень боимся порчи данных.

Тем временем три щупальца присосались к моему скафандру. Меня брали в плен, причем незаметно, чтобы я не разобрался в обстановке. Раз! – и я вырвался.

– Куратор, можно вопрос?

– Конечно. Что плохого в вопросе?

«Много чего», – подумал я. Куратор сам признал, что без-

обидное получение информации порой рискованно.

– О Вигильности нам известно очень мало.

– Здесь побывало столько шаттерлингов, неужели они не удовлетворили ваше любопытство?

– Вопросов еще хватает.

– И ты решил, что сможешь на них ответить?

– Я должен попробовать. Это мой долг перед Линией и Союзом.

– Тогда не стану мешать тебе, шаттерлинг.

Казалось, я на цыпочках стою на краешке пропасти, еще дышу, и это уже здорово. Меня допустили в рой, допустили в информационный узел, удостоили встречи с куратором. Немногие странники достигли такого успеха, по крайней мере из числа вернувшихся.

– Нам давно известно, что Вигильность собирает информацию обо всей галактике, обо всей метацивилизации. На первый взгляд это говорит о вашей беспристрастности: конкретной темы вы не придерживаетесь.

– Такой вывод вполне понятен.

– Однако, присмотревшись, мы обнаружили признаки направленного поиска. Все странники, вернувшиеся с Вигильности, – и невредимые, и с расстроенной психикой – твердят, что определенным темам уделяется повышенное внимание. Статистический анализ ваших многовековых исследований показывает, что есть направление, которое вам важнее остальных.

– Какое же?

– Андромеда, – ответил я. – Точнее, Пустошь. По большому счету, можно сказать, что Вигильность преследует одну-единственную цель. Вас интересует все, что касается исчезновения туманности Андромеды и связанных с ним событий.

– Пустошью интересуются многие цивилизации, что совершенно не удивительно.

Я осмелился покачать головой, хотя неизвестно, заметили это куратор.

– Правда то, что все с тревогой думают о Пустоши и гадают, почему она появилась. Но дальше не продвинулся даже Союз Линий. Есть пара исследований, пара теорий – и только. Мы просто научились жить, игнорируя Пустошь. Это чистейший эскапизм, глупый и трусливый, но что поделаешь? Исчезновение Андромеды – самое значительное событие на нашей памяти. Даже поняв его суть, мы не сможем предотвратить подобное явление. Это проявление силы, которая выше нашего понимания, хоть промыслом Божиим ее называй.

– Возможно, так оно и есть.

– Господь уничтожил целую галактику, чтобы люди не впали в грех гордыни?

– Даже если это Промысл Божий, хотя наши данные эту теорию не подтверждают, – говорить так о Пустоши неправильно. Андромеда сейчас не видна, но там определенно

что-то есть. Есть звезды, которые образование Пустоши не затронуло. По сути, Пустошь правильнее называть Оклюзией.

– Боюсь, название уже прижилось, – проговорил я, но, подумав над словами куратора, решил, что он прав. Согласно исследованиям Союза Линий Андромеда не пропала, а скорее исчезла из виду – не отражает излучение Вселенной, вплоть до микроволнового фонового, так же как рой Дайсона блокирует свет Млечного Пути у Вигильности. Однако на ее месте осталась не галактика, а нечто вроде норы, поглотившей пространство, черной кляксы с острым, как бритва, краем горизонта событий². Такое и черной дырой не назовешь. Как сказал куратор, вокруг кляксы-норы до сих пор вращаются звезды и поодиночке, и скоплениями. Только их орбиты не реагируют на близость черной дыры, то есть не проявляется эффект Лензе – Тирринга³. Звезды двигаются, словно Андромеда не исчезла.

Что означает появление этой кляксы, никто не понимал. Пугающе ясным представлялось одно: Андромеда – галактика вроде нашей. Там, как и на Млечном Пути, могла суще-

² *Горизонт событий* – граница черной дыры, за которую не может вырваться никакой объект или излучение.

³ *Эффект Лензе – Тирринга* (увлечение инерциальных систем отсчета) – явление в общей теории относительности, наблюдаемое вблизи вращающихся массивных тел. Эффект проявляется в появлении дополнительных ускорений, сходных с ускорением Кориолиса, то есть сил, действующих на пробные тела, движущиеся в гравитационном поле.

ствовать жизнь. Возможно, жизнь там продолжалась до самого возникновения Пустоши. Все боялись, что, если потерять бдительность, случившееся в Андромеде повторится у нас.

– Часть шаттерлингов видят в этом меру предосторожности, – сказал я. – Мол, жители Андромеды возвели стену, чтобы защититься от нас. Посмотрели они, как мы расселились по этой галактике, и испугались.

– За такой стеной они как в тюрьме. Зачем им себя мучить?

– Это лишь теория. Уверен, у Вигильности есть более состоятельная.

– Конечно, и далеко не одна. Разве стену так быстро построишь? Целой галактике пришлось бы действовать сообща, а это совершенно непостижимо. Неужели нас испугалась бы цивилизация с такой скоординированностью?

– Не знаю.

– Шаттерлинг, тебя интересует Пустошь? Ради нее ты сюда прилетел?

– Я прилетел засвидетельствовать почтение от имени Линии Горечавки. Все остальное вторично.

– Ты не ответил на мой вопрос. – В голосе куратора появились угрожающие нотки.

У меня аж пот на лбу выступил.

– Да, интересует, но это лишь способ получше узнать вас. Я уже говорил, что Союз Линий предпочитает игнориро-

вать Пустошь, поэтому новые данные и новые теории нам не очень нужны. Считается, что исследовать ее бесполезно. Это как бороться со смертью, которой все равно не избежать.

– Что в нас такого интересного?

– Пожалуй, долголетие. У Линий есть понятие перерождения. Галактические цивилизации, как волны, появляются и исчезают на наших глазах. Долгое время мы считали себя единственными образцами постоянства, но пригляделись к Вигильности и поняли, что это не так.

– Наша культура существует очень давно. Вы же не вчера нас заметили.

– Да, но мы слишком долго считали вас любопытной аномалией и, разумеется, ошибались. Вигильность не просто звездная цивилизация, которая не вымерла. Вы – общество, которое планировало долго существовать и приложило максимум усилий, чтобы план осуществился. Я уже видел рои Дайсона, но ни один из них не сравнится с вашим по эффективности. Работу вы проделали колоссальную – каждый камешек преобразовали. Вы и себя подвергли мутациям. Вы, кураторы, отважились на кардинальные изменения – кто теперь узнает людей, которыми вы были раньше?

– Во Вселенной есть существа диковиннее нас.

– Верно, есть, например краебежцы. Но они стали диковинными в результате миллионов случайных мутаций, то есть неосознанно. Плана у них не было. Вы же наверняка с первого дня понимали, какими станете. Понимали, что

мутируете в неповоротливых гигантов, которые непрерывно растут. Это самое интересное, ведь получается, цели и задачи Вигильность наметила задолго до появления Пустоши. Исчезновение Андромеды застало врасплох всех, но не вас – вы его ждали.

– Мы испугались не меньше других. Наши данные ничего подобного не предвещали.

– Но Андромеду вы исследовали. Может, не ожидали появления Пустоши, но наблюдали не просто так.

– Это ближайшая наша соседка, поэтому она и привлекла внимание.

– В Местной Группе есть и другие галактики, – возможно, в некоторых существует жизнь. Ими вы тоже интересовались, но не так активно, как Андромедой.

– Не знаю, что сказать тебе, шаттерлинг.

– Мы считаем, что вы обнаружили артефакты Предтеч Андромеды – астротехнику, сферу Дайсона и тому подобное. Они не стремились общаться с нами, просто не могли стать незаметными. Нам пришлось бы странствовать по космосу два с половиной миллиона лет, прежде чем Предтечи нас увидели бы, поэтому вполне вероятно, что они считали Местную Группу своей. Появившись слишком поздно, Предтеч Млечного Пути они не застали или сочли окончательно вымершими. Так или иначе, увидев нас, Предтечи Андромеды встревожились. Союз Линий полагает, что Вигильности велели наблюдать за Андромедой и ее Предтечами, что-

бы определить, враги они или друзья. Никого не пугало, что исследование может занять миллионы лет: быстрее галактическую цивилизацию не изучишь. Возможно, вам поручили собирать данные пять-шесть миллионов лет, а потом избрать дальнейшую тактику, вплоть до упреждающего удара, первого в межгалактической макровойне. – Я улыбнулся не столько куратору, сколько себе: хотелось успокоиться. – Ну, тепло или холодно?

– Ваша теория вполне обоснована.

– Вполне, но не совсем. Если вы просто следите за Предтечами Андромеды, зачем столько секретности?

– Сейчас мы с тобой предельно откровенны.

– Да, но вдруг вы модифицируете мне память, прежде чем отпустить? Будь дело в Предтечах, вы бы не лукавили. О такой проблеме знали бы все, включая шаттерлингов и перерожденцев.

– Секретность важнее, чем ты думаешь, – возразил куратор. – Одна культура вряд ли решится на кардинальные действия, а стань информация о Предтечах Андромеды общедоступной, вероятность увеличится многократно.

– Мы навели бы порядок, если бы понадобилось.

– Не уверен. Если бы перерожденцы собрали военный флот и отправили к Андромеде, еще не факт, что шаттерлинги успели бы его остановить. Даже если их цивилизация исчезнет, флот, защищенный сжатием времени, продолжит путь. Если скорость кораблей близка к скорости света, их не

догнать.

– Согласен, повод для секретности есть. Но перерожденцы отнюдь не глупы. Кто-нибудь понаблюдал бы за Андромедой и увидел бы те же артефакты Предтеч.

– Признаки могли оказаться столь ничтожными, что для их обнаружения понадобился бы весь разведывательный арсенал Вигильности. В любом случае перерожденцы больше интересуются ближайшими соседями по галактическому диску, чем происходящим в двух с половиной миллионах световых лет от них.

Куратор не отрицал, что Вигильность активно исследует Андромеду. Что ж, хоть крупицу нового я Горечавкам принесу. Невелика важность, но наши доводы подтвердятся, а излюбленная теория Союза станет весомее.

– Спасибо, что обсудили со мной эти темы, – поблагодарил я, чувствуя, что дальше расспрашивать неразумно.

– Не за что. Мы всегда уважали шаттерлингов и ценили их умение хранить секреты.

– Я сообщу Линии обо всем, что здесь со мной случилось.

– Так я и думал. – «Потолок» полости взлетел и натянулся, как парус на ветру, – видимо, куратор очень глубоко вдохнул. – Теперь к делу, если можно так выразиться. Я просмотрел содержимое твоей космотеки.

– Надеюсь, вы не слишком разочарованы.

– Ты преуменьшаешь ее ценность. В ней есть данные, которые интересуют нас хотя бы отчасти.

– Рад, что вы не зря потратили время. Копируйте все, что вам нужно.

– Сколько ты за это просишь?

– Нисколько. Мне позволено выдать вам любую информацию в знак дружбы и благодарности Линии Горечавки, которая надеется и впредь поддерживать с вами теплые отношения.

– Шаттерлинг, по-моему, так несправедливо.

– Разве справедливо взимать плату за устаревшую информацию?

– Неустаревшей информации вообще не бывает. Устаевают даже фотоны, достигающие твоих глаз. Вроде бы смотришь на реальные предметы, но неизвестно, существуют ли они до сих пор. Пока фотоны летели, предметы могли безвозвратно исчезнуть.

– Согласен, но плату с вас не возьму.

– Тогда Вигильность сама решит, как тебя отблагодарить. Ты явился сюда как посланник, но вряд ли откажешься от шанса познакомиться с нашими архивами.

– Не откажусь, – осторожно проговорил я, опасаясь, что излишнее рвение погубит золотой шанс.

– Я посоветовался с другими кураторами. Если содержимое твоей космотеки пройдет стандартную проверку, мы откроем тебе временный доступ. Ты сможешь ознакомиться с данными внешнего уровня для изучения и записи. С данными второго уровня – без права записи, с внесением в память

только с использованием обычных мнемонических модулей. К данным третьего уровня и ядра ты не допускаешься.

– Любой вариант превосходит мои ожидания. Вы очень щедры, и я с удовольствием соглашаюсь.

– Очень хорошо. С твоего разрешения, шаттерлинг, космотека останется в моем чреве до завершения проверки.

– Да, конечно.

– Отлично. Наружу выберешься через мой нижний пищеварительный тракт. Выход сейчас откроется.

На моих глазах среди щупалец проступил блестящий туннель, которого я прежде не видел.

– Как покинешь прямую кишку, к забралу можешь не возвращаться. В нижней части моего скафандра есть очистительный патрубок, – объяснил куратор.

– Благодарю... за подсказку, – проговорил я.

– Возможно, такое быстрое достижение результата не слишком разумно, но твоя космотека прошла проверку, и доступ к архиву ты получишь немедленно. Если нет необходимости возвращаться на корабль, можешь сразу приступить к изучению.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Вы упомянули, что доступ будет временным. Не подскажете ли хотя бы приблизительно, когда его срок истекает?

– Шаттерлинг, на Вигильности ты впервые. Мы с тобой славно поладили, но развивать отношения стоит постепенно. Двухсот лет тебе для начала хватит?

Глава 6

Я подняла тост за Геспера, чье золотое лицо дробилось в гранях винного бокала. Робот сидел на противоположном конце стола, доктор Менинкс – справа от него, мой со-брат-шаттерлинг – слева.

– За тебя, Геспер! – провозгласила я. – За успешное восстановление твоих воспоминаний, за возвращение к машинному народу, за будущее и за великие свершения, которых мы добьемся сообща!

– За Геспера! – поддержал меня Лихнис и одним глотком опустошил полбокала.

Геспер поднял свой бокал и, кивнув, отхлебнул столько, что стало ясно: вино он выпил, а не держит во рту для отвода глаз.

– Спасибо! Здорово быть среди друзей. Вы очень гостеприимны.

– И тем не менее... Если чего-то не хватает, если нужна помощь...

– Все хорошо, Лихнис. Не считая повреждений, полученных по вине Атешги, я полностью исправен. Даже прошлое понемногу вспоминается.

– Правда, вспоминается? – уточнила я.

– Да, но медленно. Повреждения велики, но и функции авторемонта у меня на высоте.

– Раз уж заговорили о повреждениях, я все смотрю на вашу руку, – вмешался аватар доктора Менинка.

– На мою руку?

– Да, на левую. Она куда больше правой, неужели не замечали?

Геспер заерзал, поочередно взглянув на нас с Лихнисом:

– Доктор, вас это беспокоит?

Арлекин откинулся на спинку стула:

– Почему это должно меня беспокоить?

– Потому что вы завели этот разговор.

– Да я просто тревожусь за вас.

– Очень любезно с вашей стороны, но, уверяю, причин для тревоги нет. Мой организм работает в стандартном режиме, без сбоев и отклонений.

Мы сидели в столовой Лихниса в паре сотен метров за мостиком «Лентяя». Благодаря имитации окон казалось, что мы в гондоле, висящей под изогнутым корпусом корабля. Лихнис даже включил имитацию звезд, и мы словно летели в потоке солнц. Звезды неслись по стенам столовой, порой вместе с вращающимися планетами.

– И все равно... странно, – не унимался доктор Менинкс. – Но хватит об этом. Не желаю привлекать внимание к вашим дефектам. Думаю, от них вам и без того мало радости.

– Вы очень тактичны, доктор, – отметил робот.

– Геспер, всем нам очень интересно, что ты вспомнил, –

начал Лихнис после неловкой паузы. – Данные о Вигильности чем-нибудь помогли?

Аватар доктора Менинкаса наклонился к Гесперу, согнувшись в поясе, как переломленная игральная карта:

– Чем вас может привлечь Вигильность?

– У Геспера такое же право интересоваться, как у вас, – проговорила я.

– В том, что касается Вигильности, авторитет доктора для меня непререкаем, – отозвался Геспер, чуть заметно кивнув Менинксу. – Точно я о ней знаю лишь то, что почерпнул из космоотеки Лихниса. Сведения весьма интересны, но я не могу отделаться от ощущения, что изучал Вигильность и раньше.

– Вдруг она связана с твоей миссией? – предположил Лихнис.

– С какой еще миссией? – спросила я, чтобы снова не вмешался доктор.

– Может быть, – неуверенно ответил Геспер. Я заметила, как ногтем большого пальца он скребет по бокалу, вверх-вниз, вверх-вниз, так быстро, что отдельных движений не отследить. Похоже, сам Геспер не осознавал, что делает. – Точно могу сказать одно: за хаосом воспоминаний я чувствую насущную потребность, важное задание, которое я должен был выполнить, но не успел. Впрочем, я могу ошибаться. Вдруг я просто турист, странствующий по Вселенной в поиске новых впечатлений? Ну, почти как вы...

– Но раз ты чувствуешь насущную потребность... наверное, есть причина, – заметила я.

– Не могу избавиться от ощущения, что куда-то сильно опаздываю. – Геспер перестал скрестить бокал, чуть наклонил его и покачал. С минуту он завороченно наблюдал за пере-
ливами вина, словно в жизни не видел ничего прекраснее. –
Надеюсь, что возвращение к своему народу меня успокоит,
а пока я радуюсь вашему гостеприимству. – Геспер поднял
бокал. – Еще один тост. За долголетие и процветание Линии
Горечавки! Пусть славится она еще долгие-долгие века!

Мы с Лихнисом тоже подняли бокалы и чокнулись. Я ук-
оризненно смотрела на доктора Менинка, пока он к нам не
присоединился.

– Надеюсь, тебе понравится Тысяча Ночей, – сказала я. –
Не знаю, каким получится этот сбор, но гарантирую, что луч-
ше ни одна другая Линия не устраивает. Мы веселиться уме-
ем.

– Вы собираетесь погрузиться в латентность? – спросил
Геспер.

– Нам с Лихнисом нужно кое-что подготовить, прежде
чем мы уснем.

– Байки сочинить, – с неприкрытым восторгом подсказал
доктор Менинкс. – Подчистить нити, стереть одни воспоми-
нания, подделать другие – и все ради того, чтобы скрыть, что
они любовники. Разумеется, мне известна вся грязная прав-
да, так что их кривляния бесполезны.

– А нам известно, что вы отреченец, – напомнила я. – Помните об этом, когда вздумаете болтать с другими шаттерлингами. Вряд ли вас примут с распростертыми объятиями, если узнают, какой вы мерзкий фанатик.

– Доктор сгущает краски, – проговорил Лихнис, широко улыбаясь. – Мы не лепим себе алиби, а лишь слегка подтачиваем факты. Может, это ни к чему, но если сведем наше общение к паре встреч, то, вероятно, отделаемся хорошим нагоняем со стороны Линии.

– А это не рискованно?

– Еще как рискованно, – кивнул Лихнис, – но выбора у нас нет.

– Когда стираете воспоминания из нити, так сказать, удаляете их из открытого доступа, что происходит с воспоминаниями у вас в голове? Они тоже стираются?

– Нет, собственные воспоминания мы не стираем, – ответила я, проигнорировав смущенный взгляд Лихниса. – Хотя при желании могли бы: ничего сложного в этом нет. Лихнис вот считает, что разумнее их стирать.

– Простите, – сказал Геспер, – я не хотел поднимать щекотливую тему.

– Ничего страшного, – со вздохом отозвалась я. – В девяноста девяти случаях из ста я с Лихнисом соглашаюсь. Единственное, в чем мы не единодушны, – ладно, один из нескольких случаев – проблема «криминальных» воспоминаний. Я за то, чтобы их хранить. Лихнис за то, чтобы сте-

реть, тогда, мол, ни Овсяница, ни Чистец, ни другой шаттерлинг не используют их против нас. Черт подери, он прав. Только зачем чувствовать, если потом не помнишь собственное чувство? – Я взглянула на свой опустевший бокал. – Самой увидеть что-то прекрасное уже здорово. Если прекрасное видят двое, если они держатся за руки, обнимаются и чувствуют, что запомнят это на всю жизнь, но каждый по убогой половине, а воедино воспоминание сложится, лишь если они встретятся и станут говорить или думать об этом... Такое дороже, чем один плюс один, дороже в два, в четыре, в немыслимое число раз. Лучше умереть, чем потерять эти воспоминания!

– Портулак, твоя убежденность просто восхитительна. Я не ценил воспоминания, пока не утратил свои.

– Пожалуй, нужно скорректировать состав жидкости у меня в резервуаре, – пробурчал доктор Менинкс. – Что-то меня тошнит.

– Я с удовольствием спущусь и помогу вам, – сказал Геспер.

– Он угрожает мне! – завопил бумажный арлекин. – Слышали? Он мне угрожает!

Геспер поднялся:

– Думаю, мне лучше уйти. Очевидно, доктор Менинкс в плену своих гадких фантазий. Очень жаль, ведь меня наш разговор вдохновил.

– Правда? – спросила я.

– Конечно, очень вдохновил. Еще недавно, когда мы обсуждали происхождение моего народа и мою предполагаемую миссию, у меня в памяти неожиданно всплыл один факт. По-моему, он очень важен. Надеюсь, вас не огорчит то, что я сделал.

– Что ты сделал? – спросила я.

Геспер поднял бокал и медленно повернул на сто восемьдесят градусов, чтобы показать нам маленький, но сложный рисунок на стекле. Даже через стол я видела, насколько он подробен и какими чистыми, тонкими линиями его вырезали – словно не ногтем, а лазером. Я вспомнила, как Геспер скреб бокал. Похоже, он медленно поворачивал его, а большим пальцем выцарапывал двухмерное изображение растровыми линиями. И все это время робот казался поглощенным разговором с нами.

– Не возражаете, если я оставлю бокал себе? – спросил он.

Глава 7

По металлическим ступенькам я взобрался на резервуар доктора Менинка. Решетчатая площадка под ногами вибрировала от безостановочной работы насосов и фильтров. Под решеткой зеленело стекло, такое толстое, что обитателя резервуара я различал с трудом. Я сделал несколько шагов к передней части резервуара, опустился на колени и под визг петель откинул секцию площадки, прикрывающую люк. Ста-

рательно удерживая равновесие, я повернул крышку против часовой стрелки. Один оборот, еще один – и люк открылся.

Под крышкой в стекле толщиной с мою руку зияло круглое отверстие, в котором бурлила темная жидкость. Я устроился так, чтобы окунуть лицо в воду. На деле в резервуаре находилась не вода, а химическая смесь, имеющая температуру тела. Она не только позволяла доктору Менинксу дышать и защищала его от гравитации, но и подпитывала, проникая в его организм через кожу и внутренние мембраны.

В этом супе мой расфокусированный взгляд отыскивал нечто большое, темное, поросшее ракушками, с конусовидным передом и блестящими глазами в желобах на части тела, которую я условно считал головой. Возможно, то были не глаза, а совершенно особенные органы чувств или нефункциональные наросты. По бокам я увидел не то конечности, не то ласты – точно не скажу, ведь смотрел я в густой мрак.

– Доктор, я пришел, – проговорил я, погрузив голову в жидкость по самые уши. – Что за важную новость вы хотели сообщить мне без свидетелей?

В ответ раздалось бульканье, которое я разбирал с трудом.

– Речь о Геспере, о ком же еще?

Я поднял голову, чихнул, потом снова погрузился в суп.

– Чем он вам не угодил?

– Я кое-что о нем узнал. По чистой случайности, хотя измерения у меня были благие. Я хотел поговорить с ним, наладить отношения...

– Вижу, как вы налаживаете отношения!

– Можешь мне не верить, дело твое. Мне хотелось найти с ним общий язык, чтобы мирно сосуществовать до конца полета. Я заглянул к нему в каюту. Лихнис, ты заходил туда?

– Не раз, и что?

– А предупреждал, что зайдешь?

Прежде чем ответить, я чихнул, зажал нос и зажмурился, чтобы жидкость не раздражала глаза.

– Уже не помню.

– Ты вряд ли застанешь Геспера врасплох. Его чувства куда острее, чем кажется. Геспер чувствует твоё приближение по тысяче сигналов – электрическому полю твоего тела, звукам, которые ты невольно издаешь, химической сигнатуре сорока тысяч клеток кожи, которые ежесекундно с тебя осыпаются.

– К чему вы клоните?

– Я таких сигналов не издаю. То есть мой аватар не издаёт. Он ведь тоже устройство, но не такое, как Геспер, – его приближения робот точно не чувствует.

Тут был Менинкс прав: когда молчит, аватар бесшумен, как призрак. Впрочем, и говор у него шелестящий, призрачный.

– Итак, вы застали Геспера врасплох. Что потом?

– Когда я вошел в каюту – заперто не было, – Геспер с чем-то возился за столом. Я удивился, хотя, наверное, роботы используют столы не реже, чем люди, особенно робо-

ты, старательно косящие под людей. – Жидкость забурлила, словно доктор Менинкс глубоко вдохнул. – Чем именно занимался Геспер, я не разглядел, но обе руки он положил на стол и держал в них золотые пластинки, изогнутые, как на его броне.

– А дальше? – спросил я, внутренне содрогнувшись.

– Как должно вежливому существу, я поздоровался. Лишь тогда Геспер меня заметил. Лихнис, ты хоть раз видел испуганного робота? Нет? Много потерял, это всем зрелищам зрелище.

Буквально на пару секунд я вытащил голову из супа, стер зеленоватую пену со щек и убрал волосы с глаз.

– Я бы тоже испугался, если бы вы ко мне подкрались, – сказал я, снова погрузив голову.

– И при этом ты бы что-то от меня прятал? Геспер спрятал. Едва заметив меня, он заработал руками с невероятной скоростью – они аж в расплывчатое пятно слились. Золотые пластинки безвозвратно исчезли. Разумеется, мы оба понимаем, что с ними стало.

– Неужели?

– Геспер вернул пластинки на место – на бронированную оболочку левой руки. Она же толще правой, словно там что-то скрыто.

– Геспер – робот. Что он может прятать или скрывать? Под его оболочкой что, механизмы или оружие? Доктор Менинкс, он сам оружие. Захоти он навредить нам, давно на-

вредил бы.

– Геспер что-то прятал. Я отчетливо это видел.

– Видели, что именно он прятал?

– Я видел, как он что-то прятал. А что именно... не разглядел.

Я понимал, что доктор врет, возможно даже самому себе. Он что-то видел, просто не хочет выставлять себя на посмешище, сказав об этом вслух.

– Послушайте, зачем Гесперу прятать что-то в руке? – начал я, взывая к здравому смыслу Менинка. – Если бы ему было что скрывать, он не привлекал бы к себе внимание, утолстив одну руку. Он сделал бы обе руки одинаковыми, и мы ничего не заметили бы.

– Но ты признаешь, что ситуация странная?

– Нет, я признаю лишь, что здесь какая-то загадка. Нам известно, что Геспера восстанавливали после поломки и поставили ему руку другого робота. Поэтому руки разные.

– Лихнис, Геспер совсем не такой робот. Устройство у него сложнее, чем у корабля. Такие, как он, способны принимать любую форму. Повреди он себе что-то – легко восстановит и так же легко подгонит под другие части тела. Если понадобится, он и чужие конечности под себя подстроит.

– Так, может, за подгонкой вы его и застали? У Геспера сломалась рука, он прирастил новую и сейчас подстраивает ее под себя. Он возился со своей рукой, ничего другого вы не видели.

– Почему же он напугался?

– Это касается только его. Кто знает, что у Геспера в мыслях?

– Я знаю! Ничего там нет, кроме безостановочного мелькания цифр и механических вычислений.

– Тогда Геспер просто не мог испугаться.

– Слушай, я же не о себе беспокоюсь, а о вас. Геспер, может, существо неразумное, но интриги плести способен. Или механически выполнять программу, заложенную тысячи лет назад. Но вдруг он запрограммирован совершить коварный поступок, причинить вам вред? Лихнис, нельзя прятать голову в песок!

– Что я, по-вашему, должен делать?

– Пока не поздно, выбей из Геспера правду. Пусть скажет, что у него под броней.

– Вас послушать, там бомба.

– Нет, я видел не бомбу.

– Хорошо, что же вы видели?

– Кожу, – ответил доктор Менинкс. – Здоровьем своим клянусь, я видел человеческую кожу.

– Это невозможно.

– Лихнис, я верю собственным глазам. Ваш гость не тот, за кого себя выдает. Вопрос только один: что ты предпримешь?

Глава 8

Лихнис перебросился на «Серебряные крылья зари» и передал мне слова рыбомордого доктора. Я не считала Менинка надежным свидетелем, но понимала, что серьезный разговор с Геспером неизбежен. Когда мы перебрасывались обратно на «Лентяя», у меня от волнения пульс зашкаливал.

Но вышло так, что Геспер избавил нас от неприятных разборок. Он ждал у камеры переброса, словно мы так заранее условились.

– Ты ко мне хотел переброситься? – спросила я, стараясь не выдать тревоги.

– Да, собирался, если вас не встречу. – Геспер стоял у двери, вытянув руки по швам. – Надеюсь, ты не рассердилась бы.

– Конечно нет, – заверила я.

– Я должен кое о чем вам рассказать, – начал Геспер, периодически оглядев нас с Лихнисом. – Давно следовало, но, признаюсь, я был в полном замешательстве. Надеюсь, моя новость вас не огорчит.

– Огорчит? С чего бы это? – спросила я.

Лихнис прочистил горло:

– Вообще-то, мы сами хотели с тобой поговорить...

– О моей руке?

Лихнис взглянул на меня: вперед, мол, а ведь с Менинк-

сом беседовал он.

– Выкладывай! – шепнула я.

– Мы хотели спросить... – начал Лихнис.

– Вас доктор Менинкс надоумил?

Мы с Лихнисом промолчали – вообще никак не отреагировали, но Геспер кивнул, словно получил утвердительный ответ:

– Этого я и боялся. Гадал, хватило ли замеченного им, чтобы возбудить подозрения, но теперь вижу, что хватило. Доктора я не виню. На его месте я бы тоже испугался, хотя, конечно, он мог переговорить со мной.

– Доктор Менинкс очень удивился, – сказал Лихнис.

– Так что ты хотел нам рассказать? – осведомилась я.

– То, что вас интересует, – о своей левой руке.

– Доктор видел, как ты с чем-то возишься, но не разобрал, с чем именно, – проговорил Лихнис.

– Наверное, встревожился не меньше, чем я, – отозвался Геспер.

– Не меньше, чем ты? – переспросила я.

– Это открытие потрясло не только доктора Менинка, но и меня самого. Я и сейчас не понимаю, как к нему относиться. – На золотом лице читалась спокойная задумчивость, точно Геспер покорился судьбе. – Хотите заглянуть под обшивку? Она легко снимается. – Не дождавшись ответа, робот согнул левую руку в локте, а правой взялся за пластину. Та, отделившись, с грохотом упала на пол. Геспер снял еще

несколько фрагментов, потом еще несколько, пока не обнажил все, кроме кисти. Последней на пол отправилась перчатка.

Предплечье и кисть у Геспера оказались стопроцентно человеческими, сильными, со смуглой, блестящей от пота кожей, ладонь и волярная поверхность пальцев – чуть светлее. Пока Геспер крутил рукой, сгибал и разгибал пальцы, я заметила и волоски на тыльной стороне ладони, и вены под кожей, и кутикулы.

– Рука и впрямь настоящая, – объявил Геспер, прервав молчание. – Человеческие мышцы, человеческая кожа. – Большим пальцем правой руки Геспер медленно царапнул органическое запястье. Потекла кровь. – Рука кровоточит, потом заживает. Вот за чем меня застал доктор Менинкс: я проверял, насколько зажила царапина, которую я поставил себе накануне.

К Лихнису дар речи вернулся раньше, чем ко мне.

– Тебя послушать, так ты не понимаешь, в чем дело, – пробурчал он.

– Разве я не упомянул, что это открытие потрясло меня до глубины души?

– Как же ты не знал, что рука стала такой?

– О том, что мало о себе знаю, я тоже говорил. Чудо, что имя свое помню. Неужели вы думаете, что я бы скрыл от вас подобное?

– Но ведь ты впрямь скрыл, – заметил Лихнис.

– Только потому, что хотел сперва разобраться, в чем дело. С тех пор как снова начал двигаться, я тревожился из-за разной толщины рук. Пытался заглянуть под оболочку, но для моих сенсоров она непроницаема. В итоге я отважился снять часть обшивки, чтобы увидеть проблему собственными глазами. Поначалу я опешил... – Впервые на моей памяти Геспер осекся. – Без обид, но перемена мне отвратительна. Вообще-то, органическое мне не претит, только в моем организме ему не место. Вам вот наверняка будет отвратительно проснуться, почесаться и вместо кожи обнаружить блестящий металл. Я убедил себя, что существует рациональное объяснение, которое удовлетворит и вас. – Робот медленно опустил руку. – Но объяснения нет. Не представляю, почему стал таким.

– А если дело в поломке? – предположила я. – Если твоя конечность пришла в негодность, а заменить ее ты смог лишь рукой с человеческого трупа? Ты прирастил ее, а потом забыл об этом?

– Мы никогда так не делаем – просто незачем. Потеряй я руку, смог бы быстро восстановить ее при наличии нужных материалов: металла, пластика, механогеля. При их нехватке я выделил бы необходимое количество из собственного тела практически без ущерба для себя. Повторюсь: мне незачем возиться с трупами.

– Значит, это сделал Атешга, – выдвинул свою гипотезу Лихнис. – Он сломал тебя, потом приладил органическую

конечность, потому что не знал, что у тебя есть функция авторемонта.

– Хотел бы я в это верить, но, увы, не могу. Рука – неотделимая часть моего тела. Я рассмотрел ее получше, сняв обшивку. Под кожей и мышцами тот же механический скелет, что в правой руке. – Геспер снова согнул и разогнул пальцы. – Сил у меня меньше не стало. Правда, скелет модифицирован, чтобы уподобить его человеческому и создать матрицу для органических тканей. Еще в него имплантированы элементы, назначение которых мне неизвестно. Очевидно, они просто снабжают органические ткани необходимыми для жизни веществами.

– Получается, рука взяла и выросла? – спросила я.

– Портулак, других вариантов у меня нет. Я уже объяснял, что способен на авторемонт. Я и руку смог бы отрастить.

– Но зачем это тебе?

– Боюсь, дальше пойдут догадки, – грустно сказал Геспер. – Если бы я мог дать точный ответ, давно сделал бы это, но, как и вы, способен лишь предполагать.

– Мог кто-то спровоцировать эту трансформацию? – спросил Лихнис. – Навязать ее тебе по некой причине?

– Трудно представить себе такую причину. Не менее трудно представить обстоятельства, при которых мне что-то навязали бы.

– Понимаешь, почему мне больше нравится идея с навязыванием?

– Потому что, если принуждения не было, трансформация прошла добровольно. Да, такой вариант я тоже просчитывал. – Геспер взглянул на руку чуть ли не с отвращением. – Если позволите, я верну обшивку на место.

– Ты расстроен не меньше нашего, – с удивлением отметила я.

– Доктор Менинкс не зря беспокоился.

– Если хочешь, прячь ее, – сказала я. – Хотя меня она не трогает. Это просто часть тебя. И она для чего-то нужна, даже если мы пока не знаем для чего.

Лихнис обжег меня возмущенным взглядом: мол, за себя говори.

Геспер натянул перчатку и поднял с пола золотые пластинки. Приладил он их поразительно быстро, будто не мог больше смотреть на человеческую конечность. Пара секунд – и рука стала такой, как раньше, но теперь я знала, что под оболочкой, и думала только о мышцах, прорастающих сквозь металл.

– И что дальше? – тихо спросил Лихнис.

– Геспер и доктор Менинкс должны выяснить отношения. – Я опасливо огляделась на случай, если бумажный арлекин подкрался к нам, пока мы разговаривали, и, убедившись, что мы одни, смущенно улыбнулась. – Геспер, сначала с доктором может побеседовать Лихнис, а потом Менинкс заглянет к тебе в каюту и, так сказать, получит информацию из первых рук.

– Только рассказать мне ему нечего, – отозвался Геспер.

– Расскажи то же, что нам, и претензий у него не будет.

В конце концов, нам ты открылся добровольно. По мне, так это говорит в твою пользу.

– Если мое присутствие вам в тягость, я готов вернуться в клетку.

– Это ни к чему.

– погоди! – Лихнис медленно поднял руку. – Не надо спешить. В осознанном нанесении вреда мы Геспера не подозреваем, но его странная рука не может не беспокоить. Пока Геспер не найдет рационального объяснения случившемуся, мне не очень улыбается его свободное перемещение по кораблю. Пожалуй, добровольное возвращение в клетку не такая плохая мысль...

– После того как я узнал про руку, желания вредить вам у меня не появилось, – сказал робот.

– Знаю и верю. Только вдруг у руки своя воля?

Я огорченно покачала головой:

– Лихнис, это безвольный кусок мяса. Отдельно от Геспера рука действовать не может. Уж не думаешь ли ты, что он прокрадется ночью к тебе в каюту и задушит во сне? В клетку Геспер не вернется. Не желаешь видеть его на «Лентяе» – с удовольствием заберу к себе на «Серебряные крылья».

– Я не это хотел сказать.

– А прозвучало именно так. Геспер – наш гость, мы согласились помочь ему раскрыть тайну его прошлого. Рука – это

новая защепка, и только.

– Не хочу, чтобы вы из-за меня ссорились, – вставил Геспер.

– Да разве это ссора? – пренебрежительно бросила я. – Так, стычка мелкая. Мы с Лихнисом сошлись на том, что в клетку ты не вернешься. Впрочем, скоро мы все погрузимся в латентность, поэтому разницы особой нет. Ты ведь можешь самостоятельно отключиться – или что вы там делаете?

– Я могу отключить основные функции, но вспомогательные останутся. – Геспер искоса взглянул на свою, теперь опять скрытую оболочкой конечность. – Я должен поддерживать жизнеспособность руки, но не смогу, если отключусь полностью, а она загниет без кислорода.

Я сочувственно кивнула и попыталась не думать о том, как рука прямо на Геспере превратится в рыхлую вонючую гниль.

– Ее надо сберечь, иначе мы не узнаем правду ни о ней, ни о тебе, если на то пошло.

– Я тоже подозреваю, что рука – ключ к моему прошлому и к моему истинному назначению, – согласился Геспер. – Одного не пойму: почему я не замаскировал трансформацию, сделав конечности одинаковыми? Такое ощущение, что маскировка не требовалась. Возможно, бронированная обшивка – это щит, оберегающий руку во время роста.

– Мы докопаемся до сути, – пообещала я с преувеличенной уверенностью, хотя не первый год шаттерлинг и уже

усвоила, что далеко не на все вопросы есть ответы. Целые цивилизации превратились в радиоактивную пыль, потому что не приняли эту горькую истину.

Шаттерлинги должны быть чуть умнее.

Глава 9

– Отвратительно, – покачал головой я, прогнав возможные маршруты через курсопрокладчик «Лентяя».

– Насколько отвратительно? – уточнила Портулак. Она сидела у парящего пульта, закинув ногу на ногу.

– Пятьдесят пять лет – ровно на столько мы опоздаем. Даже если ты бросишь меня и погонишь на «Серебряных крыльях» во весь опор, выиграешь год, не больше.

– Пятьдесят пять лет – не так много, если с последнего вашего сбора прошло двести тысячелетий, – вставил Геспер, разглядывая огромную карту галактики у меня на дисплее. Красная волнистая линия отображала путь, который мы уже преодолели. Последние его этапы – остановка на планете кентавров, вояж к Атешге и предстоящий бросок к месту сбора – в увеличенном формате показывались чуть ниже, потому что пара сотен световых лет была крохотным штришком на фоне уже пройденного нами расстояния. – Или я не прав?

– Прав, еще как прав, – подтвердил я. – В любой другой ситуации мы не дергались бы ни из-за пятидесяти лет, ни да-

же из-за ста. Но на сбор опаздывать нельзя. Точно ко времени не прилетает никто – большинство шаттерлингов задерживаются на год-другой, отдельные копуши – лет на пять, еще парочка – на десяток, но к этим отнесутся со строгостью. Опоздавшему сильнее нужно либо предварительно полученное разрешение, либо хорошая отмазка.

– У нас ни того ни другого, – вставила Портулак.

– Не могли же вы знать, что Атешга – подлец, – заметил Геспер.

– Не могли, но опаздываем мы не только из-за Атеши. Слишком понадеялись на кентавров – вот наша ошибка номер один, – сказала Портулак, буравя меня мрачным взглядом.

Я поднял руки в знак капитуляции:

– Эй, я признаю свой промах! Да, с лошадками прогадал. Но ведь сейчас главное – найти выход из сложившейся ситуации. Сперва избавлюсь от доктора Менинка – пусть Овсяница и другие с ним носятся. Потом выведу на арену Геспера и покажу, какой я примерный, целеустремленный шаттерлинг.

– А со мной как? – спросила Портулак. – Позволишь погреться в лучах твоей славы?

– Только если ты готова признать нашу связь. Иначе возникнут сложности.

– Мы оба опоздаем, и все поймут, что мы любовники. Скрывать бесполезно.

– Пожалуй, тут ты права.

Портулак сложила руки на груди:

– Конечно права. Так что за Геспера должно воздаться нам обоим.

– Что касается меня, я расскажу, какие вы молодцы и сколько для меня сделали, – пообещал робот.

– Благодарности ваши утонут в море жалоб, – вмешался доктор Менинкс.

– У вас всего тысяча дней и ночей, – напомнил я. – На вашем месте я начал бы заранее.

Бумажное лицо перекошилось от злобы.

– Не советую насмехаться надо мной, шаттерлинг.

– Доктор, я и не думал насмехаться. Так! – Я бодро хлопнул в ладоши. – Перейдем к организационным вопросам. Мы с Портулак планируем погрузиться в латентность, как только закончим чистить нити. На это уйдет пара дней, не больше. Доктор Менинкс, полагаю, вы будете спать, пока мы не долетим до системы, где состоится наш сбор?

– Чем я занимаюсь в своем резервуаре, никого не касается.

– Я лишь хотел спросить, не надо ли вам, чтобы Геспер присматривал за чем-нибудь, пока мы с Портулак в отключке.

– Присматривал? – мгновенно насторожился аватар.

– Я в латентность не погружаюсь, – объяснил наш золотой гость, – поэтому уже вызвался следить, чтобы с Лихнисом

и Портулак ничего не случилось, и о вас с удовольствием позабочусь.

– Ни за что! – Аватар посмотрел на меня с негодованием и неподдельным страхом. – Шаттерлинг, робот близко не подойдет к моим устройствам! Он что-то замышляет!

– Не сделаю я ничего плохого ни вам, ни вашему оборудованию, – возразил Геспер. – Доктор Менинкс, желай я вам зла, вы бы уже об этом узнали. Я лишь предложил услугу.

Я поднял руку, умоляя не ссориться:

– Спокойно, Геспер. Знаю, ты хотел как лучше, но, учитывая настроение доктора, лучше просто промолчать.

– Дело ваше.

– Вы очень глупо себя ведете, – сказала аватару Портулак.

– Глупо было довериться Линии Горечавки. Говорили же мне: у Марцеллинов лучше.

– Что именно вы хотели узнать на Вигильности? – вдруг осведомился человек-машина.

– Много всего, только вас это совершенно не касается.

– Таиться бессмысленно, – заметил я.

– Прежде ты не интересовался. А сейчас вдруг с чего?

– Сам не знаю. Потому что Гесперу любопытно. Потому что прежде мне и в голову не приходило вас спросить. За минувший цикл мне Вигильности хватило по горло, поэтому хотелось высадить вас и поскорее удрать от гигантов.

– Не давите на доктора Менинкса! – велела Портулак. – Он, как ученый, имеет право хранить тайны. – Коварная,

она использовала реверсивную психологию, понимая, что чопорный интеллектуал неизбежно проглотит наживку.

– Если вам так интересно... – начал аватар, выдержав паузу, чтобы целиком и полностью завладеть нашим вниманием, – основное направление моих исследований – Предтечи Андромеды. Так же как Вигильность, я считаю Пустошь результатом организованного воздействия разумных существ. Намеренно или случайно они спровоцировали серьезные изменения в своей галактике. Как разумное существо, обитатель аналогичной спиральной галактики, я, разумеется, испытываю, как минимум, поверхностный интерес к этим изменениям. Глубоко убежден, что Вигильность слишком поглощена сбором и классификацией данных, чтобы остановиться и эти данные проанализировать. Ученый-одиночка, преданный своему делу, усмотрит тенденции и зависимости, которые ускользнули от кураторов. На это я надеялся и до сих пор надеюсь, если, конечно, случится невероятное и я туда попаду.

– Понимаю ваши опасения, – сказал Геспер.

– Правда? – уныло переспросил аватар.

– Правда. Первый же разговор о Вигильности пробудил во мне смутные подозрения, которые с каждым днем крепнут. Вдруг меня послали в этот сектор с миссией, аналогичной вашей?

– Сбирать данные о Предтечах? – уточнила Портулак.

– Возможно. Или за другой информацией, известной Ви-

гильности... – Робот сделал паузу. – Доктор Менинкс, можно я спрошу вас как ученый ученого?

– Спрашивайте, – равнодушно отозвался аватар.

– О Доме Солнц вы когда-нибудь слышали?

Бумажное лицо на миг помрачнело, будто по нему пробежала тень от облака в ясный день.

– А если слышал?

– Тогда, пожалуйста, объясните, что эти слова значат.

– Ничего они не значат. Если бы название что-то содержало, я непременно был бы в курсе.

– Где вы слышали о Доме Солнц? – поинтересовалась Портулак. – Звучит как наименование Линии, вроде Дома Цветов или Дома Мотыльков, но такой Линии нет.

– Когда-то я знал, что обозначают эти слова, – сказал ей Геспер, – но сейчас уверен лишь в том, что они имеют отношение к Вигильности. Одно название тянется за другим, будто между ними очевидная связь.

– А что говорит космотека? – спросил я.

– Ничего. То есть словосочетание встречается много раз применительно ко многим цивилизациям, но мне ни один вариант не подошел. Нужное я сразу почувствовал бы – да, мол, вот оно.

– Это словосочетание ничего не значит, – настаивал доктор Менинкс.

– Только потому, что вы так решили? – подначила Портулак.

– Все это ерунда. Вигильность не подпустила бы Геспера к себе. Они с роботами не контактируют. От машин машинные болезни – вирусы и паразиты, которые искажают и портят данные намеренно или случайно. Поэтому машинный народ всегда общался с Вигильностью через посредников-людей, верно, Геспер?

– Совершенно верно, доктор Менинкс.

– Тогда не нужно объяснять, что ваша миссия не имела бы смысла. В хранилища информации вас бы точно не пропустили. Зачем тогда вообще покидать Кольцо Единорога?

– А вдруг эту сложность предусмотрели? – спросил Геспер, словно рассуждая вслух. – Доктор, вдруг машинному народу потребовался прямой доступ к Вигильности, то есть без посредничества людей? Вдруг моя миссия считалась столь важной, что архив должен был изучать лично я?

– Вас бы все равно не допустили, ну, или на части разобрали бы.

– Еще не факт. – Геспер поднял левую руку и снял золотые пластины, обнажив органическую ткань, которая так встревожила Менинка. – Доктор, возможно, вы разгадали загадку. Улетая с Кольца Единорога, я мог не знать своей истинной цели – не больше, чем вы понимали свою, когда покидали родину. Позднее выяснилось, что нужна консультация Вигильности. Тогда я для маскировки стал преобразаться в биоробота. Похоже, начал с левой руки, чтобы проверить свои силы перед полной трансформацией.

– Удобная гипотеза, – съязвил доктор Менинкс, но прозвучало это не слишком уверенно.

– По-моему, вполне логично, – отметил я. – Геспер преобразовал одну руку, но Атешга взял его в плен и помешал закончить начатое. Маскировался Геспер не чтобы уподобиться человеку, а чтобы провести кураторов и попасть к архивам Вигильности. Геспер, думаешь, у тебя бы получилось?

– Похоже, я твердо верил в успех.

– Но задача-то непростая, – проговорила Портулак. – Внешность можно изменить, но разве ты прошел бы проверку?

Человек-машина вернул пластины на руку.

– Могу только догадываться, что предусмотрел это. Очевидно, бóльшую часть моих когнитивных устройств пришлось бы отдать под биокomпоненты – мышцы и сухожилия – и, как следствие, на время отказаться от ряда функций или свести их использование к минимуму. Скелет мой остался бы механическим, но ведь наряду с процессорами в него можно было встроить и антисканеры, чтобы при проверке выдать механику за кости и мозг. В любом случае вероятность обнаружения или поломки существовала бы. Раз я не принял это в расчет, значит данные хотел получить во что бы то ни стало.

– Если бы тебя поймали, Вигильность прервала бы все контакты с машинным народом, даже через посредников. Ты наверняка понимал это, но на риск пошел.

– Видимо, считал дело очень-очень важным, – обескураженно отозвался Геспер, словно не верил, что решился на нечто столь опасное.

– Вы же подыгрываете ему! – возмутился доктор Менинкс. – Неужели сами не видите? Вигильность – удобная отмазка для переродившейся руки, вот Геспер и вцепился в нее.

– Если я не интересовался Вигильностью, то что делал у рукава Щита – Южного Креста?

– В самом деле, – вставил я.

– С меня довольно! – заявил аватар и с шорохом развернулся на каблуках. – Шаттерлинги, вас же за дураков держат! Самое разумное сейчас – запретить робота. Позвольте Гесперу бродить по кораблю, и очень сомневаюсь, что хоть один из нас выйдет из латентности. Лично я свои шансы высоко не оцениваю.

– Простите, что вызвал такой разлад, – проговорил робот, когда аватар удалился. – Пожалуй, доктор прав, и ради общего блага мне стоит вернуться в клетку.

– Это ни к чему, – возразил я.

– Совершенно ни к чему, – поддержала меня Портулак. – По мне, так пусть Менинкс гниет в своем аквариуме. Очень жаль, что кентавры не пропустили через барьер пару хищников, когда он плескался у них в бухте.

Два дня спустя мы с Портулак занимались любовью, а потом расстались. Переброс на «Серебряные крылья зари» за-

нял буквально секунды. Портулак отправилась в криофаг, я – в стазокамеру. Я настроил компрессор времени и закапал себе в глаза синхросок. Портулак заснет, охладившись до анабиоза, я погружусь в субъективную реальность и за пару мгновений пронесусь сквозь годá.

В мыслях царило полное спокойствие. Мы вычистили нить, сочинив два логически последовательных рассказа. Мы опоздаем на пятьдесят пять лет, но нас оправдывают и еще один прожитый цикл, и гость.

Я уже скучал по Портулак и представил ее рядом с собой. Заниматься любовью для нас с ней как растворяться в общем зеркале. Во время секса мы столько раз делились воспоминаниями, что я четко представлял, каково быть Портулак. Я прочувствовал всех ее любовников, она прочувствовала моих. Словно отражения в зеркальной галерее, они преломлялись друг о друга, таяли в фон, в море чувственного опыта. Я был девушкой, потом тысячей мужчин, женщин и их партнеров.

Активировалось поле стазиса. Синхросок подействовал, и я понесся в будущее на корабле, пожирающем пространство и время.

Часть вторая

В тот день мальчик навестил меня снова. Я поднялась в бельведер, чтобы понаблюдать за приближением его шаттла. На сей раз я уже знала, что весь день мы проведем в Палатииале. Другие игрушки нас не интересовали. От волнения у меня приятно сосало под ложечкой. Тайный мир я открыла мальчику год назад, и с каждой новой встречей Палатииал все больше пленял его воображение.

К тому времени я многое узнала и о мальчике, и о его родине. У нас обоих семьи нажились на Вспышке – так взрослые называли непродолжительную кровопролитную войну, которая охватила Золотой Час в одиннадцатом году нового века. Вспышка закончилась тридцать лет назад, но я кое-что запомнила, ведь замедлители роста растянули мое детство на три десятилетия. Маленькая девочка, суть происходящего я не понимала, но не забыла, как взрослые разговаривали сдавленно и тихо, как бродили по коридорам, обнимали энциклокубы, словно черепа старых друзей, и ловили любую крупницу новостей и сплетен.

Моя семья занималась биологией со специализацией по клонированию человека. Техника клонирования как изготовление бумаги. Если знаешь рецепт – ничего сложного, а начнешь с нуля – успеха не жди. Подводных камней находилось уйма, обойти их можно было лишь с помощью арсенала

приемов, хитростей и уловок, отдельные из которых сродни шаманским ритуалам и знахарству. Искусству клонирования тысяча лет, а истинных мастеров единицы, и моя семья среди них. До Вспышки, когда противники перевооружались, мы создавали армии солдат и эскадрильи пилотов. Наши клоны славились не только верностью, но и независимостью мышления, а также стратегическим талантом. Они умели действовать автономно, затаиться, а в нужный момент активироваться без приказа центра. После войны многих уцелевших клонов наделили полными гражданскими правами.

Семья мальчика создавала армии и эскадрильи для противоборствующей стороны, но не органические, а механические. Иногда они управлялись людьми, но в большинстве случаев имели достаточно разума, чтобы функционировать самостоятельно. Боевых роботов делали и другие концерны, а клонов создавали и другие семьи, но мы превзошли всех в клонировании, а семья мальчишки – в изготовлении механических солдат. После Вспышки были суды, разбирательства, карательные меры, но обе семьи пережили все это сравнительно легко и остались при деле. Роботов, которые сопровождали мальчишку, тоже создала его семья. Их машины распространились повсюду и стали востребованней, чем до войны.

В извечном противостоянии органики и механики моя семья занимала диаметрально противоположную позицию. Как я уже говорила, несмотря на внушительные размеры жи-

лица, роботов мы держали мало, в основном строителей – для постоянной реконструкции и расширения дома. Остальную работу выполняли слуги-люди и клон-няни.

– Я узнала, почему нашу империю называют Золотым Часом, – сказала я мальчишке, когда мы шли в игровую, где ждал чудесный Палатиал.

– Это все знают.

– А ты вот не знаешь, спорим? – Мальчишка промолчал, и я поняла, что можно продолжать. – Из-за света. Быстрее света не движется ничто, даже наши сообщения. Пока ты на планете или на спутнике – никаких проблем. Но чем больше люди осваивали космос, тем дальше друг от друга оказывались. Стало невозможно нормально разговаривать – слишком долго ждать ответ. Вот и мы с тобой можем болтать, только если сидим в одном доме. Ты теперь живешь с другой стороны солнца, и если я крикну тебе: «Привет!» – ответный сигнал услышу лишь через несколько часов. Со временем такая отдаленность перестала нравиться людям. Космос – это свобода и независимость, поэтому осваивать его они хотели, но тратить часы на простой разговор... Так появился Золотой Час, где почти все мы живем. Энциклокуб говорит, по форме наша империя – тор, кольцо вокруг Солнца. Если мерить скоростью света, диаметр кольца один час. В этом кольце и планеты, и спутники, и миллионы микропланет вроде нашей. Внутри Золотого Часа любой ответ приходит за два часа, а обычно куда быстрее. Еще энциклокуб говорит, что к

такой конфигурации человеческая цивилизация шла почти десять столетий. – Я обожала длинные рифмующиеся слова, особенно те, которыми меня пичкал энциклокуб. – Зато теперь мы сможем ею пользоваться тысячи лет, а то и десятки тысячелетий. Разве не здорово? Мы будем дружить вечно.

– Это вряд ли, – надменно выдавил мальчик. – Папа говорит, долго он не протянет.

– Кто не протянет?

– Золотой Час, конечно. Папа говорит, что он лишь временный выход. Мол, потом нам станет скучно, мы развяжем новую войну или придумаем, как общаться быстрее скорости света. В общем, люди забудут про Золотой Час.

Я решила, что мой гость знает гораздо меньше моего.

– Никуда мы отсюда не денемся. Энциклокуб говорит, что в этом нет смысла. Что находится за пределами Солнечной системы, нам давно известно, зачем же туда лететь? Здесь есть и планеты, и спутники, и микропланеты – места всем хватает. – Я старалась говорить убедительно. – Межзвездные перелеты бессмысленны и, самое главное, невозможны.

– Уже возможны, – возразил мальчишка. – Люди уже летали на Эпсилон Индейца и вернулись обратно.

– Ну, это лишь трюк, сомнительный фортель. Вернувшись домой, те смельчаки повредились умом – за время их полета жизнь изменилась, а они к ней так и не приспособились.

– Они просто летели медленно, а мы сможем быстро. Рано или поздно мы полетим быстрее, чем свет. Папа говорит,

что вопрос лишь во времени, — столько исследований сейчас ведется!

— Ну, не знаю...

— В энциклокубе об этом не написано, верно, Абигейл?

— Быстрее света не полетишь, это просто невозможно.

— Потому что ты так говоришь?

— Так говорит энциклокуб, а он всегда прав.

— И про черную дыру у тебя под домом он правду говорит?

Ты ведь читала про дыру?

— Ее можно не бояться.

— Ага, конечно!

Я твердо знала, что права, а доказать не могла. В энциклокубе я читала, что скорость света — абсолютный предел, что за тысячу лет экспериментов и пустых надежд обойти ее не удалось. От такого руки опускались — ограничение скорости, будто подрезанные крылья. Будто мне позволили ходить только шагом — спина прямая, руки заложены за спину, а бегать и прыгать по дому через скакалку запретили. Почему ограничили скорость? Почему нельзя бегать и прыгать? Увы, суть ограничения я могла объяснить не больше, чем таблицу умножения. Дважды два четыре — и точка. В отдельные комнаты дома нельзя заходить — и точка. Быстрее света не полетишь — и точка.

Только чувствовалось, что такие аргументы не для мальчишки.

— Я объясню тебе, почему быстрее света не полетишь. —

Он явно упивался тем, что знает больше, чем я. – Причина в каузальности.

Этого слова я не знала, но запомнила, чтобы разобраться потом.

– И ты в это веришь, – проговорила я в надежде, что мальчишка не будет на меня давить.

– Мой отец не верит. Он считает, что каузальность – временная преграда. Мол, из-за нее летать быстрее света трудно, но возможно. Однажды мы эту преграду обойдем и заткнем остальных за пояс. Хотят жить на Золотом Часе – пусть живут, а нам его мало.

Мальчишка и вредничал, и дразнил меня, но только его я считала настоящим другом и только с ним любила играть. Дети-клоны, которых мне периодически присылали, в подметки ему не годились – чересчур безвольные и уступчивые. Я обыгрывала их и знала: поддаются, а мальчишку с другого конца Золотого Часа могла обыграть, лишь постаравшись, то есть по-честному.

Чем ближе мы подходили к игровой, тем покладистее становился мальчишка – так его манил Палатиал. Без моего разрешения войти туда он не мог, вот и говорил, что я хорошенькая, что он обожает черные ленты у меня в волосах.

Палатиал стоял в игровой, но в отдельной комнатке. Привезли и установили его техники в зеленой форме. Время от времени один из них появлялся с коробкой, полной блестящих панелей-лабиринтов, которые вставлялись в пазы на

корпусе Палатиала, и осматривал мой чудо-город. К тому времени я поняла, что моя игрушка не единственная, что тестовый период Палатиалов идет не совсем гладко, поэтому их массовый выпуск до сих пор не разрешен, хотя я свой экземпляр получила уже год назад.

Зеленый куб Палатиала был чуть меньше мини-комнаты, где его установили. Снаружи куб украшала лепнина – замки и дворцы, принцессы и рыцари, драконы, пони и водяные змеи. С одной стороны в толстой стене зиял проем, сквозь который просматривалась комната. Впервые пробравшись сквозь проем, я почувствовала головокружение, и мои мысли бешено закружились в эпициклах дежавю. Секундой позже галлюцинации прошли, второй раз прошел легче, третий – совершенно безболезненно. Впоследствии я выяснила, что стены напичканы сканерами мозга, которые прочесывают его невидимыми пальцами. У мальчишки тоже был «первый раз», за которым я наблюдала с садистским удовольствием, но и он с каждым разом чувствовал недомогание меньше и меньше. Просто Палатиал хранил карты наших разумов и после первого раза лишь корректировал их.

Палатиал набили не устройствами, не мебелью, а диковинами и чудесами. Посреди зеленоватой пустоты на вершине крутой горы стоял дворец, плод наших галлюцинаций. Узенькая тропка вилась на вершину, пересекала мосты, петляла по туннелям, выводила на жуткие уступы и, наконец, по сияющему разводному мосту попадала внутрь. Копия мо-

его дома, только вытянутый не в ширину, а в высоту, он буквально подпирал облака, розовые и голубые, как глазурь на праздничном торте. Едва увидев дворец, я возжелала узнать, что внутри.

Палатиал позволял туда заглянуть. Разве устояла бы я перед таким соблазном? За окнами, на балконах и в башнях двигались фигурки. Точь-в-точь как живые, но светящиеся, словно витражи или словно картинки на залитой солнцем книжной странице. По сравнению с ними живые фигурки, которые я видела в энциклокубе, казались блеклыми картонками. В Палатиале фигурки были настоящими, каждая жила своей жизнью.

В самый первый раз я заметила во дворце принцессу в синем платье с желтыми звездами. Одна-одинешенька, она сидела на балконе и расчесывала длинные золотистые волосы. В следующий раз, как и сегодня, я застала ее за шитьем. Фигурку с ноготок в книжке не рассмотришь, но в Палатиале я видела ее лицо с невероятной четкостью. Оно дышало грустью и невыразимой тоской, что искренне меня удивило. Разве живущие в чудесном дворце не должны светиться от счастья? Палатиал, верно, почувствовал мой интерес, потому что внезапно я стала той принцессой. Теперь я сидела на балконе, шила и смотрела на сказочный пейзаж. Однако под фигурку в синем платье подстроились не только мои органы чувств. Я проникла в ее разум и думала за нее. Перед пробуждением на миг вспоминается весь сон, а я за один

миг «вспомнила» пережитое принцессой. Начиналось все с весеннего дня, когда гуси возвращались с севера и в самой большой, самой светлой комнате дворца родилась принцесса. Я узнала историю ее королевства, уклад общества, в котором она жила, тяжесть бремени, которое выпадет ей после восхождения на трон. Я узнала, что ее отец, король, пал в битве с армией соседней провинции. На самом горизонте я увидела мрачный замок, который прежде не замечала. Вражеское логово словно источало непонятную магическую силу.

Я стала принцессой, погрузилась в ее мир, но при этом оставалась и Абигейл Джентиан, Горечавкой, наблюдающей за ней со стороны. Я хранила ее воспоминания, но при этом не расставалась со своими. С ипостаси на ипостась, с Абигейл на принцессу и обратно, я переключалась обычной концентрацией внимания. Видно, Палатиал помогал мне, ведь скоро переключаться стало легче, чем моргать.

В дверь постучали – затянутым в перчатку кулаком по тяжелой дубовой раме. Я вышивала уголок узора, разложив на коленях свои любимые принадлежности, но тут отложила работу и оглянулась. Вошел дворцовый стражник, шелкнул шпорами по каменному полу и отдал мне честь:

– Прошу прощения, миледи, получена депеша. Мажордом велел сразу отнести ее вам.

– Хорошо, Ланий, – проговорила я, – давайте депешу, я прочту ее на балконе. Света еще достаточно.

Дублерша, попав на сцену посреди спектакля, не хочет расстраивать зрителей и играет, вот и я не смогла промолчать. Откуда взялся мой ответ, кто его придумал, я или Палатиал? Имя стражника я назвала очень уверенно. Смутно вспоминалось, как мы вместе с ним угодили в авантюру, о которой сейчас говорить не хотелось.

Я сломала восковую печать и развернула депешу. Писал мой сводный брат, граф Мордекс из Черного Замка. От ужасных новостей у меня задрожали руки. Диверсионный отряд Мордекса взял в плен мою фрейлину, теперь ее держат в Подземелье Криков. В обмен на ее освобождение Мордекс требовал моего дядю, могущественного чародея Калидрия, который отрекся от магии, поселился в деревушке на окраине Королевства и стал обычным кузнецом.

– Мордекс вздумал использовать магию Калидрия для своих гадких целей, – объявила я. – Ту самую, которая даже в руках человека с добрым сердцем едва не расколола Королевство пополам. Нет, я не выдам дядю Мордексу. Или, потвоему, стоит ради фрейлины? – спросила я, собирая швейные принадлежности. Для вышивки я использовала все имеющиеся иглы, и лишь одна, окровавленная, по-прежнему лежала в специальном отделении.

– Прошу прощения, миледи, но главный стражник просит позволения организовать рейд в графские земли. Прослышал он, что в Лесу Теней стоит отряд принца Аранея. С их помощью нам вполне по силам захватить Черный Замок.

– Воины принца Аранея не пожелают вмешиваться в наш конфликт с Мордексом. У принца своих забот немало.

– Принц помнит, как мы выручили его в Битве Семи Болот. Даже если он запамятовал, его воины наверняка помнят.

– Ланий, все это весьма напоминает ловушку. Неужели у меня одной такое чувство?

– Ваша осторожность оправданна, миледи. Только действовать нужно быстро и решительно. Главный стражник хочет попасть в Лес Теней засветло, дабы его людей не одурманила Чаровница Змеиных Врат.

– Мне стоит потолковать с Цирлием.

– Он с другими стражниками доспехи готовит. Вызвать его сюда?

– Нет, без особой надобности мешать сборам не стану. Ланий, проводи меня в оружейную и вызови туда Добентона. По пути мы побеседуем о графе Мордексе. Сдается мне, ты, как никто другой, способен постичь замыслы моего сводного брата.

Я полностью растворилась в ипостаси принцессы, но при этом не забывала, кто я такая. Я видела сон, но осознанный, – понимала, что смогу проснуться, если понадобится. Поэтому, волнению и опасности вопреки, страха я не испытывала. Понятно, это лишь игра и происходящее в зеленом кубе понастоящему мне не повредит.

Мальчишке игра понравилась сразу. Когда я показала ему Палатиал, то уже привыкла к ипостаси принцессы. Я вполне

могла примерить роль любого обитателя дворца, но успела привязаться к своей златовласой сестричке.

– Я – принцесса, – объявила я, показав на фигурки. – Выбирай любую другую.

– Зачем мне роль принцессы?

– Мое дело предупредить.

– А по ходу игры роли менять можно?

– Да, – кивнула я. – Просто сосредоточься на новой фигурке, затолкни себя в ее голову. Только меняться можно на фигурку в той же комнате. Если ты – узник в темнице, то не можешь переселиться в стражника у ворот и заставить его отворить темницу. – Пока разбиралась в правилах Палатиа-ла, я перебрала множество фигурок и вернулась к принцессе. – Слишком часто переселяться тоже нельзя – разрешение сменить роль дает сама игра.

– Что это за замок вдали?

– Это Черный Замок графа Мордекса. В Палатиа-ле он мой сводный брат.

– Хочу быть им.

– Нельзя. Выбирать можно только из обитателей Облачного Дворца.

– Откуда ты знаешь?

– Чтобы вжиться в героя, нужно его видеть, а граф Мордекс всегда очень далеко.

Стражники принцессы несколько раз отправлялись к Черному Замку, но так до него и не добрались. В первую ночь на

поляне Леса Теней их поджидали воины графа, переодетые в форму армии принца Аранея. Они подкараулили принцес-
синых стражников и многих перебили. Атака захлебнулась,
главный стражник Цирлий отступил. Еще дважды он пытал-
ся штурмовать Черный Замок, чтобы освободить фрейлину,
но получал отпор, терял воинов и коней. Тем временем ла-
зутчики графа Мордекса прочесывали деревушки в поисках
спрятавшегося чародея. Еще немного, и Калидрий снова об-
ратится к магии, иначе его обнаружат.

– Наверняка есть способ вжиться в графа Мордекса, – не
унимался мальчишка.

– Мордекс – плохиш, зачем он тебе? – удивленно спросила
я.

– Это для тебя он плохиш. Небось сам он плохишом себя
не считает.

– Мордекс похитил мою фрейлину и не отпустит, пока не
найдет Калидрия.

Мальчишка спросил, что я сделала для спасения фрейли-
ны. Я рассказала про дядю-чародея и про неудачные попыт-
ки проникнуть в Черный Замок.

– Значит, нужно придумать что-то новенькое. Если я ста-
ну Мордексом, то смогу освободить твою фрейлину.

Я объясняла мальчишке, что в Палатиале он станет думать
и чувствовать, как Мордекс, – только словами такое не объ-
яснить. От моих доводов он отмахнулся с напускным безраз-
личием:

– Все равно хочу быть Мордексом.

– Не получится. Граф не приближается к Облачному Дворцу и к Черному Замку никого из нас не подпускает.

– Даже гонцов?

– Он тебя убьет.

– Явлюсь к нему под видом шпиона. Мне, мол, известно, где волшебник. Тогда Мордекс меня не убьет. По крайней мере, пока не выслушает. Тогда я в него и переселюсь.

– Вдруг Мордекс не пожелает встречаться с тобой лично?

– Тогда я стану стражником в его тюрьме и шаг за шагом подберусь к нему.

– Ну, не знаю... – с сомнением протянула я.

До сих пор я единолично владела Палатиалом и во время игры определяла ход событий на пару с хитроумным интеллектом самой игры, прорабатывающим бесчисленные варианты. Если мальчишка начнет играть в роли графа Мордекса, моя сказка изменится. На ход событий будет влиять еще один человеческий интеллект. Проиграть другому ребенку совсем не то же самое, что проиграть машине. Смирюсь ли я, если проиграю?

Но до чего же мне не хотелось пускать его в свой тайный мир!

– Начать можно прямо сейчас, – сказала я. – Только в Палатиале спешить не принято. До отлета домой в Черный Замок ты не отправишься.

– Хоть осматрюсь, – настаивал мальчишка. – Могу и план

составить.

– Да, конечно, – отозвалась я. – Планируй сколько влезет, только в итоге это ничегошеньки не изменит.

– Почему?

Глава 10

Тщетно Лихнис пытался скрыть свой страх – его выдавали складки, залегшие у губ, и стиснутые зубы, он плескался в глазах и сочился через поры.

– Что стряслось? – Язык у меня заплетался, как у пьяной. – Я собиралась переброситься к тебе, а не наоборот...

Ответить Лихнис не успел – его опередили «Серебряные крылья», беззвучно нашептав мне объяснение. Оба наших корабля получили тревожный сигнал Горечавок. Ситуация чрезвычайная, вот корабли и решили разбудить нас, своих пассажиров. Мы по-прежнему летели на максимальной скорости, по-прежнему в десяти с лишним световых годах от места назначения.

– Я оклемался первым, – похвастал Лихнис. – Вот оно, преимущество стазиса.

– Не люблю стазис! – раздраженно заявила я, хотя, разумеется, Лихнис это знал.

Он помог мне выбраться из вертикальной камеры криофага и прижал к себе. В его крепких, теплых объятиях я почувствовала себя холодной и хрупкой, как погруженный в

жидкий азот цветок, который при малейшей неосторожности разлетится на яркие осколки.

– Как себя чувствуешь? – шепнул Лихнис мне прямо в ухо, прижавшись своей щекой к моей.

– Хочу снова на боковую. Чтобы этот неожиданный подъем оказался лишь плохим сном.

– «Серебряные крылья» разбудили тебя слишком резко, отсюда и легкая заторможенность.

Я плотнее прижалась к Лихнису – надежному и прочному, как якорь, с которым не страшны шторма.

– Вы давно не виделись, – начал Геспер, стоявший за спиной Лихниса. – Если хотите спариться, могу уйти в другую часть корабля и на определенное время отключу свои наблюдательные функции.

Я хотела не спариться, а крепче обнять Лихниса, чтобы жизнь понемногу вернулась в мои кости, мышцы и нервные волокна.

«Серебряные крылья» беззвучно наполняли меня информацией.

– Что во вложении? – только и спросила я вслух.

– В каком вложении? – резко отстранившись, уточнил Лихнис.

– Ты даже не посмотрел?

– Это просто тревожный сигнал, вложения для таких не предусмотрены.

– «Серебряные крылья» утверждают, что вложение было.

Может, оно пришло, но «Лентяй» его не принял?

– Это не по правилам. Мы должны подключиться к внутренней сети и выяснить, из-за чего сыр-бор.

– Тут явно какой-то сбой. Лихнис, как ты вложение проворонил? Без меня как без рук, – добавила я скорее сварливо, чем зло, а потом поморщилась. – Не обращай внимания, у меня крыша едет.

– Мне уйти, пока вы разбираетесь с сообщением? – тактично спросил Геспер.

– Нет, – покачала головой я. – Что бы ни стряслось, это касается всех, включая наших гостей. Приготовься к плохим новостям. Вполне вероятно, что твое возвращение к машинному народу откладывается.

– Спасибо, что думаешь обо мне, когда у вас самих проблем хватает. Если позволите, я хотел бы ознакомиться с вложенным посланием. Может, здесь его и изучим?

– Сперва мне нужно выпить, – заявил Лихнис, опасливо на меня поглядывая.

Все понятно... Я ведь сама разрывалась между желаниями поскорее услышать новости, пусть даже страшные, и оттянуть момент истины.

– Пойдемте на мостик, – предложила я, закрывая дверцу криофага.

– Есть еще одна новость, – шепнул мне Лихнис, когда мы шагали к ближайшей камере переброса.

– Что еще? – Я крепче стиснула его ладонь.

– Мы потеряли пассажира.

– Кого-то из спящих пленников Атешги? – спросила я, соображая по-прежнему туго.

– О нет! Доктора Менинка. Всё, лишились мы его приятной компании.

– Что? – тупо переспросила я, помня, что в паре шагов за нами следует Геспер.

– Менинкс погиб. У него камера сломалась. Геспер якобы заметил неполадку и попробовал ее устранить, но доктор переборщил с охранными устройствами. – Лихнис выделил слово «якобы», показывая, что говорит со слов нашего гостя.

– Господи!

– В любой другой ситуации я думал бы только об этом. Но тут еще и сигнал бедствия... – Лихнис не договорил.

– Не стану врать, что буду скучать по старому фанатику, только...

– Только смерти ты ему не желала. У меня те же чувства. Нас теперь с потрохами сожрут?

– Им только повод дай, но ты не виноват... – Я очень старалась не делать глупостей, но тут не удержалась и глянула на Геспера.

– Утверждает, что это несчастный случай, – чуть слышно сказал Лихнис. – Пока я решил верить ему на слово.

Когда мы перебросились на мостик «Серебряных крыльев», я не знала, чем мучусь больше – страхом перед вложенным сообщением или сомнениями в невиновности Гес-

пера. Сильно взвинченная, я взошла на мостик, на котором тут же зажегся свет. Корабль ждал нас и приготовил вокруг главного дисплеера – стеклянного полушария на постаменте – три кресла. «Серебряные крылья» раз в пятьдесят больше «Лентя», зато мостик тут раз в двадцать меньше. Видоизменяемые стены у меня вечно серые, потолок рифленый, опутанный светильниками, устройствами и управляющими интерфейсами, хотя на виду только самые необходимые.

– Думаю, насчет выпивки ты не шутил, – проговорила я, ожидая, когда синтезатор приготовит два напитка, алкогольный для Лихниса и тонизирующий для меня, чтобы скорее восстановиться после спячки в криофаге.

– Спасибо! – поблагодарил Лихнис, взяв свой бокал.

Я знаком велела Гесперу занять самое прочное кресло, а мы устроились в соседних.

– Хватит тянуть резину, – дрожащим от волнения голосом поторопила я. – «Крылья», объясните нам, что было во вложенном сообщении.

– Во вложении неинтерактивная запись продолжительностью сто тридцать пять секунд, – громко объявил корабль. – Скрытые информационные слои не обнаружены.

– Вложение безопасно?

– Вложение изучено с предельной тщательностью. Угроз не обнаружено.

Я облизнула пересохшие губы:

– Тогда включай! Все готовы?

– Я готов, – отозвался Лихнис, легонько касаясь моей руки.

В полушарии появилась мужская фигура, точнее, лишь верхняя ее часть, зато в натуральную величину. Шаттерлинга Линии Горечавки я узнала мгновенно и почти прошептала:

– Овсяница.

– Зачем ему... – начал Лихнис, но тут Овсяница заговорил:

«Вы получили это сообщение, потому что опаздываете на наш сбор. В обычной ситуации вы заслужили бы строжайший выговор, только... нынешняя ситуация отнюдь не обычна. Сейчас вы заслуживаете благословения, признательности и прежде всего – искреннего пожелания уцелеть. Возможно, вы последние из Линии Горечавки».

Овсяница серьезно кивнул, и мы поняли, что не ослышались, смотрели на него – и не узнавали: от надменности и высокомерия осталась лишь тень; лицо осунулось, влажные растрепанные кудри липли ко лбу, усталые испуганные глаза превратились в щелки; на щеке что-то темнело – не то ожог, не то синяк, не то жирная грязь.

«Мы угодили в засаду. – Овсяница с отвращением растянул последнее слово. – Тысяча Ночей еще не началась – около дюжины кораблей еще не подлетели, хотя к тому моменту мы задержались на пятнадцать с лишним лет. С другой стороны, более восьмисот кораблей уже были на орби-

те. Большинство шаттерлингов высадились на планету – кто бодрствовал, кто погрузился в латентность. Когда открыли огонь, мы были практически беспомощны. Защитная оболочка планеты оказалась непрочной, а контратаку наши корабли подготовить не успели – их уничтожили. Против нас применили гомункулярное оружие – непередаваемый словами ужас из самых жутких недр истории. Превратив в облака ионизированного газа наши корабли, даже самые большие и мощные, нападавшие занялись миром, выбранный нами для сбора. Сто часов его накачивали энергией. Это предварило несколько минут, за которые раскалилась атмосфера и выкипели океаны, так что планета стала безжизненной, какой была до нашего появления. На этом они не остановились и продолжали подавать топливо, пока не расплавили кору, потом мантию... Наконец остался шар жидкого огня, который сначала сверкал оранжевым, потом золотым, потом начал распадаться, уже не подвластный силам гравитации. За четыре с половиной дня боевые орудия выработали больше энергии, чем ближайшая звезда. Они уничтожили абсолютно все. По моим подсчетам, случилось это лет восемь назад, хотя неизвестно, сколько времени пройдет, прежде чем вы перехватите мой сигнал. Настройте сенсоры корабля на систему сбора – и увидите новую туманность, облако каменных обломков, газа и пыли. Теперь это облако держится лишь за счет гравитационного поля самой звезды. Оно просуществует века, то есть значительную часть цикла. В нем вращаются спутни-

ки и планета, все, кроме той, которую мы надеялись сделать своим временным домом. Она погибла, а вместе с ней – почти вся наша Линия».

Овсяница остановился и пальцем потер припухлость, набрякшую под глазом-щелкой. Неужели он ослеп? Пока проигрывалась запись, взгляд нашего собрата ни разу не остановился на конкретном предмете.

«Тем, у кого самые быстрые корабли, лучшая маскировка и аппаратура радиолокационного противодействия, удалось спастись. Но таких меньшинство. Неудивительно, что я задействовал протокол Белладонны. Немедленно сойдите с нынешнего курса. Ни при каких обстоятельствах не приближайтесь к месту сбора, ведь даже сейчас, через восемь лет после расправы, нападавшие патрулируют систему, подстерегая опоздавших. Начав исполнение протокола Белладонны, опасайтесь погони, курс меняйте тайком, путайте следы. Если вас вычислят, лучше пожертвуйте собой, чем привести врага к резервному убежищу Белладонны».

Овсяница сделал паузу и посмотрел в сторону, словно что-то там привлекло его внимание. Потом он заговорил снова, но гораздо торопливее:

«Посылаю эту запись во вложении, потому что через внутреннюю сеть слишком рискованно. Сам факт засады означает, что наши меры безопасности недостаточны, что любое подключение к внутренней сети пеленгуется и используется теми, кто решил уничтожить нашу Линию. Касательно на-

падавших и их мотивов... К сожалению, тут версий у меня нет. – Он категорично покачал головой. – Ни единой зацепки. Но я твердо знаю, что ни одна галактическая цивилизация, даже перерожденцы и машинный народ, не владеет манипуляцией вакуумом настолько, чтобы воссоздать гомункулярное оружие. Если, конечно, за последний цикл не родилась новая цивилизация гениев... Получается, нападающие использовали оригиналы, хотя Марцеллинов обязали уничтожить их четыре с половиной миллиона лет назад. Вопрос очевиден: неужели Марцеллины нарушили обещание, которое дали Союзу Линий, и утаили оружие? Не верится, что они посмели... С другой стороны, не трудно поверить и в то, что Линия Горечавки нажила себе таких врагов. В общем, действуйте осторожно. Если под подозрение попали Марцеллины, то другие Линии Союза и подавно. Не исключено, что после тридцати двух циклов и шести миллионов лет у нас не осталось друзей».

Овсяница снова остановился, и на миг показалось, что это все. Но вот он дерзко вскинул голову и продолжил:

«Жаль, не знаю, сколько вас осталось. Хочется думать, что опоздавших не очень мало, хотя куда вероятнее, что Горечавок истребили поголовно. Пусть это наивно и глупо, но я надеюсь, что меня слышат уцелевшие шаттерлинги, и обращаюсь к ним. Отныне факел, который зажгла Абигейл, нести вам. Это огромная ответственность, какой на вас прежде не возлагали. Не подведите!»

Голова Овсяницы поникла; запись остановилась, потом перемоталась к началу, на случай если понадобится просмотреть обращение снова.

Мы просмотрели, стараясь не упустить ни одной мелочи.

– Не верю! – выпалил Лихнис, когда обращение закончилось. – Это подделка. Кто-то сумел послать фальшивый сигнал бедствия и изобразил Овсяницу.

– Зачем разыгрывать такой спектакль? – возразила я, похолодев при мысли, что наше будущее только что стало намного страннее и страшнее, чем несколько минут назад, но не потеряв при этом способности рассуждать здраво.

– Чтобы дотянуться до нас, конечно же! Чтобы мы не появились на сборе. Недоброжелателей у нас предостаточно. Кое-кто с удовольствием организует наше отсутствие.

– Кто посмеет говорить от имени Овсяницы без его разрешения? Он сам послал это сообщение или поручил тому, кому доверяет.

– Он нас ненавидит! У него миллион причин подложить нам такую свинью.

– И рисковать отлучением? Раз сообщение широковещательное, значит его получит каждый опаздывающий на сбор. Зуб на нас Овсяница, может, и имеет, но мстительностью не страдает, а глупостью и подавно. – Я откашлялась. – У меня те же мысли. Хотелось бы считать это розыгрышем, глупым выпадом против нас с тобой, но, боюсь, тут другое. По-моему, послание настоящее. Случилось что-то ужасное, и нам

велят держаться от места сбора подальше.

– Я тоже так считаю, – вставил Геспер.

– А тебя спрашивали?! – рявкнул Лихнис.

– Прошу прощения. Я напрасно высказался.

– Нет-нет, ты прав. Сообщение настоящее, к нему нужно отнестись серьезно. Лихнис, прислушайся к Гесперу. У него уйма причин рваться на эту встречу, ведь мы обещали, что там он найдет собратьев. Но в сообщении говорится, что сбор сорван, и Геспер верит. Подумай об этом.

Лихнис закрыл лицо ладонями, словно хотел спрятаться от всего мира:

– Не могу, не верю! Здесь какая-то ошибка, это же ни в какие ворота не лезет!

– Или все так, как сказал Овсяница, – засада, большие потери. В любом случае скоро выясним. Теперь у нас особый повод настроить сенсоры на целевую систему. Два корабля дадут хорошую линию обзора – даже чтобы разрешить туманность на звезды, если понадобится.

– Задачу можно упростить, – сказал Геспер. – Если система окутана пылью, изменился ее спектр. На сенсорах она будет краснее, с линиями поглощения, характерными для элементов, составляющих планеты.

– «Крылья»... – неуверенно позвала я, предчувствуя, что наихудшие подозрения вот-вот подтвердятся, – нет ли в целевой звезде необычных расхождений с данными космотеки?

Ответ не заставил себя ждать. «Серебряные крылья» сообщили, что звезда впрямь краснее обычного, а в ее атмосфере ярко выражены спектральные характеристики железа и никеля. Значит, от планеты несостоявшегося сбора действительно остались лишь пыль и осколки. Более того, уже сейчас, на расстоянии тринадцати световых лет, четко просматривалась туманность – теплый сияющий овал, похожий на отпечаток большого пальца.

Так выяснилось, что это не розыгрыш и что отныне все изменится. Первые шесть миллионов лет мы резвились и играли в игрушки.

Теперь придется взрослеть.

– Вдруг в облаке прячутся уцелевшие шаттерлинги? – спросил Лихнис. – Разве мы не обязаны проверить это?

– Овсяница отправил сообщение через восемь лет после атаки, мы получили сигнал тринадцать лет спустя – это уже двадцать один год. Да еще тринадцать займет путь до цели – получается тридцать четыре года.

– Восемь лет протянул, раз сигнал отправил.

– Он не сказал, что до сих пор в облаке. Где записано послание – непонятно. Возможно, на корабле, летящем к убежищу.

– Читай между строк. Овсяница ранен. За пределами системы он смог бы восстановиться. Думаю, он еще внутри облака на подбитом корабле. Небось с самой атаки прячется... Раз так, там могут быть и другие уцелевшие. – Голос Лих-

ниса дрогнул. – Окажись мы в той системе, изувеченные, но живые, и ты и я тоже рассчитывали бы на помощь.

– Спасти Линию важнее, чем отдельных шаттерлингов.

– Подумай, как поступил бы Овсяница, – тихо предложил Лихнис.

– Что?

– Поставь себя на его место. Представь, что послание отправили мы, а он получил и решает, что делать. Овсяница – молодец, что предупредил, но он отлично понимал, что мы не послушаемся. Даже такой надутый лицемерный кретин не подчинился бы. Прав я или в корне ошибаюсь, но отмахнуться не могу. Там, в облаке, шаттерлинги нашей Линии, наши братья и сестры. Они плоть и кровь, которые делают нас людьми. предадим их – предадим всю Линию. Какие мы после этого Горечавки?

Мы отправились взглянуть на доктора.

Резервуар был по-прежнему темен, но сейчас за стеклом бледнели бугристые островки, разделенные реками и бухтами неровной тени. «Как эта рыхлая каша попала внутрь, а доктор не заметил?» – тупо подумала я, а потом разглядела овал с прорезью, некогда бывшей глазом. Лишь тогда до меня дошло, что это и есть доктор Менинкс, раздувшийся как минимум вдвое, видимо до предела.

Поднявшись по ступенькам, я откинула заслонку и взялась за крышку. Когда отвинтила ее и приподняла, из образовавшейся щелки потянуло неприятным запахом. При-

шлось поскорее захлопнуть.

– Объясни, что случилось.

– Я не знаю, – отозвался Геспер.

Руки задрожали – я отползла к лесенке, потом поспешно спустилась на пол. Доктор Менинкс не понравился мне с самого начала, а потом, столкнувшись с его фанатизмом, я невзлюбила его еще сильнее. Но Менинкс был моим попутчиком, а еще странником, который много повидал, купался в океанах впечатлений и воспоминаний. Теперь его нет.

Гнев мой напоминал ударную волну при взрыве сверхновой.

– Как это не знаешь?! Мать твою, Геспер, ты же не спал! Тебя одного доктор боялся. Тебя называл своим возможным убийцей. И вот он погиб...

Геспер стоял на пороге каюты. Голова опущена, руки по швам – ни дать ни взять школьник, вызванный в кабинет к директору.

– Портулак, твоя реакция вполне понятна. Только я уже объяснил Лихнису: моей вины здесь нет.

– Почему ты не помог бедняге? – спросил Лихнис.

– Я пытался – несмотря на запрет. Заметив, что химический состав жидкости в резервуаре нарушен – признаки нарушения были отнюдь не очевидны, – я попробовал его отрегулировать. Однако вскоре убедился, что снаружи управлять настройками невозможно.

Мои подозрения еще не улеглись, к тому же версию Гес-

пера хотелось выслушать до конца.

– А потом?

– Манипуляции с оборудованием пробудили доктора Менинка от медикаментозного сна. Он пришел в сознание, и я объяснил, в чем дело. К сожалению, доктор не поверил, что намерения у меня благие, и велел отойти от резервуара, причем немедленно.

– Ты послушался?

– Конечно нет – вопреки не самым разумным протестам доктора. Я хотел помочь, но доктору удалось активировать встроенные устройства и заблокировать внешние воздействия. Для меня контрмеры Менинка опасности не представляли, однако серьезно затрудняли доступ к приборам, которые я хотел осмотреть и настроить. С большим сожалением я прекратил попытки. Не в состоянии спасти доктора, я наблюдал за его неминуемой гибелью. В этот момент я пытался разбудить вас, но безрезультатно.

– Что дальше?

– Я предпринял еще несколько попыток успокоить доктора и восстановить химический баланс жидкости, но потерпел неудачу. Вскоре доктор потерял сознание, а затем умер. Мне оставалось лишь следить, чтобы резервуар не треснул и жидкость не вылилась. Доктору помочь я уже не мог.

– Коротко и ясно, – подытожил Лихнис.

– На ложь я не способен, – отозвался Геспер.

Геспер был с нами, когда мы запустили алгоритм Бел-

ладонны. На дисплеере Лихниса крупным планом изображалась область Млечного Пути диаметром в тысячу световых лет (толщина галактического диска примерно такая же), в которой находился «Лентяй». Красная линия, обозначающая дальнейший курс, тянулась к краю диска. Проекция конуса перед кораблем отображала зону поиска.

– Искать будем в направлении галактического антицентра, – сказала я. – Проверим радиальную линию, которая тянется от ядра через систему сбора. Это не так далеко от нашего нынешнего курса.

– Таким образом, зона поиска включает вашу целевую систему, – отметил Геспер. – По-моему, задача не вполне ясна.

– Белладонна четко велит избегать системы сбора и аналогичных систем в районе галактического центра, – пояснила я. – Нам следует искать дальше, пока не найдем звезду определенного спектрального типа с определенным расположением планет. Чтобы мы могли добраться туда незамеченными, от планеты сбора ее должно отделять как минимум пятьдесят световых лет. Все, что ближе, элементарно просматривается и в качестве убежища не годится. Нужна каменистая планета с кольцевой орбитой на приемлемом расстоянии от звезды.

– Она должна быть пригодной для жизни?

– Не обязательно. Главное, чтобы безнадежно непригодной не была. В резервном убежище мы вполне можем провести несколько тысячелетий. За это время успеем изменить

климат, даже превратить его из пограничного в комфортный для существования.

– А если планета уже заселена?

– Станем гостями у коренного населения. Большинство цивилизаций знают о Линиях достаточно, чтобы помочь в трудную минуту.

– А если не помогут?

– Помогут, куда денутся.

– По-моему, у нас есть вариант, – проговорил Лихнис.

Масштаб резко увеличился, и на дисплее появилась одинокая желтая звезда в девяноста световых годах от места сбора – по галактическим меркам рукой подать. Если лететь туда не напрямик, а сделать крюк и запутать следы, хвост за собой мы не приведем.

Я запросила информацию в космотеке и получила краткий конспект. Почти уверена, то была выжимка, самая верхушка огромного айсберга информации, известной Линии Горечавки. С учетом перцептивной ограниченности центральной нервной системы человека «известной» информации могло быть столько, что мне за целую жизнь не удалось бы переварить.

– Это Невма, – объявил Лихнис, поглаживая подбородок. – Название знакомое, хотя таких Невм небось тысячи.

– Нет, я тоже его уже слышала. По-моему, воспоминания относятся именно к этому галактическому сектору. Кто-то из наших шаттерлингов летал туда. Не ты и не я, иначе пом-

нилось бы лучше. Дело было пару циклов назад, за такой период планета могла измениться.

Космотека сообщала, что на Невме жило множество цивилизаций, но сейчас нет ни одной, однако это не гарантировало, что мир не заселен, – последнему обновлению было двадцать килолет.

– Планета и мне кажется смутно знакомой, – вставил Геспер.

– Ты бывал на Невме? – спросила я.

– Нет, бывать, по-моему, не бывал. Чувства, что высаживался, у меня нет, но, возможно, я собирался туда в рамках более масштабных исследований.

– На Невме есть некий Фантом Воздуха, – объявил Лихнис, вчитываясь в конспект. – Что-то вроде постчеловеческого машинного интеллекта, если я правильно понял. Мог он тебя заинтересовать?

– Как машина машину?

– Это тебе судить.

Лихнис относился к Гесперу с подозрением, хотя мы условились принять на веру его версию гибели доктора Менинкаса.

– Вполне вероятно. Но также вероятно, что я ошибаюсь. Сам же говоришь, Невм пруд пруди.

– Вот долетим туда, и разберешься.

– Надеюсь, – отозвался робот. – Сначала надо решить маленькую проблему – как не попасть в засаду. Я хотел бы вам

помочь, если вы не против.

– Нельзя доверять Гесперу, – проговорил Лихнис, лежа рядом со мной. – Нельзя, даже если хочется.

– Он предложил помощь, и я позволила ему выбрать корабль из моего грузового отсека.

– А вдруг это уловка?

– То есть Геспер угонит корабль и не вернется?

– Да, как вариант.

– А другой вариант – он говорит правду. – Я приподнялась на локте. – Допустим, он нас бросит. Что мы потеряем? Гостя и кораблик, о котором я и думать забыла, – велика беда!

– Припомню тебе это, когда гость наставит на нас пушки.

– Лихнис, Геспер – существо разумное, а не свихнувшийся от ненависти психопат. – Я провела пальцем по волосам у него на груди, по животу и вниз, к спящему пенису. После соития мы наслаждались тишиной и покоем, но меня угораздило завести разговор. – Фанатиком был доктор Менинкс, а Геспер оказался не в том месте не в то время.

– Это он так говорит.

– Ты правда веришь, что он убил Менинка?

– Нет, – после долгих колебаний ответил Лихнис. – Думаю, Менинка погубило короткое замыкание. Но я должен сделать вид, что всерьез обеспокоен. Закрывать глаза на гибель гостя нельзя.

– Даже если другой гость готов рискнуть жизнью ради нашего спасения?

– Слушай, не гони, а? Я просто говорю, что Гесперу нужно наверстывать упущенное. Робот должен снова завоевать мое доверие. Наше доверие.

Я ласкала партнера, пока он не начал подавать признаки жизни.

– Мое доверие он уже завоевал. Лихнис, это тебе нужно наверстывать упущенное.

Геспер провел золотой ладонью по золотому же борту корабля, который отыскал в углу огромного помещения. Будучи размером с кита, тот казался здесь игрушечным.

– Это «Вечерний», – проговорила я. – Кроме названия, ничего о нем и не помню. Вроде бы мне его подарили. Давненько я не перемещалась между кораблями на шаттлах, – по-моему, с тех пор, как общалась с молодыми цивилизациями. Теперь мы в основном перебрасываемся.

– Это не просто шаттл, – отозвался Геспер, поглаживая золотой борт.

– Что же тогда?

– Настоящий межзвездный корабль. По-моему, под боковым выступом небольшой параметрический двигатель или нечто подобное.

– Особой разницы не вижу, – пожала плечами я. – У меня тут и другие межзвездные корабли. Все на продажу.

Разговор происходил в главном грузовом отсеке, расположенном в хвостовой части «Крыльев». Этот отсек, он же склад, у меня прямоугольной формы, герметизированный,

восемь километров в длину, три – в ширину и почти два – в высоту. От передней стены, похожей на скалу, мы шли по подвесным мосткам, обходя мою коллекцию артефактов и кораблей. Огромные, они таились в густой тени. Лишь изредка холодный голубой свет потолочных ламп выхватывал ровные или зазубренные края, гладкие или чешуйчатые борта.

Давненько я сюда не заглядывала – не тянуло совершенно. Разномастные корабли, артефакты – в общем, хаос – неприятно напоминали о хаосе у меня в мозгах. Не голова, а скороварка, до отказа набитая впечатлениями. И в грузовом отсеке, и в мыслях следовало навести порядок, но чем дольше я откладывала, тем меньше испытывала желание делать это.

Лихнис подобной сентиментальностью не страдал. Сувенир он мог запросто выкинуть, а переживание перевести из краткосрочной памяти в долговременную. По жизни он летел почти без груза, который тяготил бы его или привязывал бы к прошлому. Я всегда восхищалась такой готовностью отбросить минувшее, хотя понимала: без него нет индивидуальности, без него я не смогу остаться Портулак, даже если захочу.

А я, конечно же, хотела.

Порой я представляла, как Абигейл лепит глиняных кукол – нужно же девчонке скоротать дождливый день, – не думая о том, что станет после того, как она пустит нас в свободное плавание. Пустяков-то – скорректировала черты своего ха-

рактера и влила понемногу каждому шаттерлингу. Ей хоть приходило в голову, что последствия могут быть не самыми радостными? Что в один невообразимо далекий день на другом конце галактики ее шаттерлинг войдет в огромный грузовой отсек и утонет в меланхолии – невесело оказаться зрителем заброшенного музея своего существования.

Геспер явно ждал продолжения разговора.

– Шаттерлинги – скопидомы, как ты, наверное, уже заметил. Все, что здесь хранится, я использую крайне редко, а выбросить рука не поднимается: вдруг случайно избавлюсь от чего-нибудь важного?

– Хорошо тебя понимаю. Однако этот корабль не безнадежен. Если не возражаешь, я хотел бы подняться на борт.

«Вечерний» покоился на платформе невесомости неподалеку от гравитационного пузыря вокруг мостков. Геспер перегнулся через перила и потрогал корпус, украшенный рифленым византийским орнаментом – сложной вязью, уголками, переплетенными цветами, – который постепенно мельчал до микроскопического, так что границы рисунка размывались. Думаю, узор помогал изменять некое энергетическое поле – примерно так же, как шероховатая шкура помогает акуле плавать.

– Что именно ты хотел бы узнать об этом корабле?

– Хочу проверить, на ходу ли он и примет ли меня как пилота.

– Геспер, я не виню тебя в том, что ты решил нас бросить.

– Я и не решил. Просто думаю, как помочь вам высадиться на Невму.

– Но кораблик-то крохотный.

– Размер создаст проблемы, но не такие, как ты думаешь. Маневренность этого корабля ограничивается не только мощностью двигателя, но и слабостью его демпфирующего поля. Только я не человек. Вас дисбаланс сил превратит в красное пюре – прости за натуралистические подробности, но нужно расставить все точки над *i*, – а мне лишь слегка ограничит свободу движения.

– Проворство не защитит тебя от всего, что таится в облаке.

– Машинный народ наверняка отправил меня с опасной миссией. Я взялся за нее, понимая, что неопределенность и кризисы неизбежны. Так что ничего не изменилось.

– Лихнис показал тебе объекты?

– Да, показал.

При тщательном изучении системы несостоявшегося сбора «Серебряные крылья» обнаружили в облаке яркие объекты неправильной формы – громадные, сияющие, с зазубренными ответвлениями вроде застывших молний. Сейчас их скрывала пыль, но, как только ворвемся в облачную зону, мы их рассмотрим.

Что это, мы не представляли, хотя космотеку штудировали без усталости. Присутствие непонятных образований оптимизма не внушало.

– Они тебя не тревожат?

– Скорее, ставят в тупик. Кажется, я даже знаю, что это, но пока не могу заглянуть в тот уголок сознания. Еще я твердо уверен, что пролечу мимо целым и невредимым.

Несмотря на все случившееся, на бремя тяжких воспоминаний, его храбрость меня растрогала.

– Геспер, я серьезно. Если хочешь улететь, бери любой из кораблей. Ни я, ни Лихнис не обидимся.

– Я в долгу перед вами. Сперва расплачусь, потом все остальное. Ты не против, если я осмотрю корабль? Чтобы использовать его по максимуму, возможно, понадобится немного изменить систему управления. Время еще есть, но чем раньше я начну, тем лучше.

– Мы с Лихнисом вот-вот погрузимся в латентность. Проснемся поближе к Невме, когда начнем сбавлять скорость.

Я велела «Серебряным крыльям» разблокировать золотой корабль, чтобы Геспер поднялся на борт. Часть ограждения исчезла, пол поднялся к люку причудливой формы, который проступил на борту «Вечернего». Мягкий голубой свет из кабины озарял хромированные скулы. Едва он вошел в кабину – одна золотая машина в другую, – люк заблокировался, словно обледенел, а потом покрылся узором, полностью слившись с корпусом. Ограждение сомкнулось. По щеке скользнул легчайший ветерок – в грузовом отсеке изменился микроклимат. Я не заглядывала сюда так давно, что

мое появление нарушило баланс замкнутой атмосферы.

Порой в латентность погружаешься с тяжким бременем на плечах, а проснешься – и все не так страшно. Проблемы не исчезают, нет, они еще здесь и требуют внимания, но кислород уже не перекрывают.

В этот раз чуда не случилось – из криофага я выбралась такой же подавленной.

Тормозили мы резко, нагружая двигатели по максимуму; пока не стали цепляться за пространство-время, как кошки когтями за дерево, о скором прибытии ничто не возвещало.

Два процента от скорости света по меркам Линии Горевчавки – почти неподвижность, величина настолько малая, что ее измеряют километрами в секунду. Но и эта скорость куда выше, чем у тел, составлявших целевую систему, – у сохранившихся планет и их спутников, у пыли и обломков расколотого мира. Двумя часами ранее «Лентяй» оторвался от «Крыльев» и отошел на расстояние двух минут, то есть на тридцать шесть миллионов километров. Теперь корабли двигались параллельно, словно пули, выпущенные из двустволки. В таком режиме мы собирались пересечь облако – войти в широкой его части и пролететь по разные стороны от звезды, – чтобы прочесать окружающее пространство в поисках технологической активности. Чувствительность сенсоров позволяла проверить пятую часть облака – не прячутся ли там корабли. Места для этого было достаточно – хоть в тепловых узлах, хоть в вихрях, образованных уцелев-

шими планетами, прекрасно укрывающих от «глаз», восприимчивых к теплу и гравитации.

Все это время нам самим необходимо таиться, то есть свести общение к минимуму, – обломки и мусор рассеют узкий инфопоток по системе, и любой посторонний сможет засечь наши разговоры, а то и расшифровать. Еще придется реже использовать двигатели, а генераторы защитной оболочки включать лишь при непосредственной угрозе столкновения. Другими словами, предстоял полет вслепую, полагаясь только на пассивные датчики.

Геспера я проводила. Прежде чем подняться на борт «Вечернего», он пожал мне руку – холодная металлическая ладонь показалась гибкой и податливой, – затем отстранился и вошел в залитую голубоватым светом кабину золотого корабля. Люк заблокировался, слился с узорчатым корпусом. «Вечерний» загудел – сначала тихо, потом громче и решительнее. Теперь его корпус был нечетким, словно я смотрела на него сквозь слезы. «Вечерний», освободившись от фиксаторов силовой платформы, отошел от мостков. Ограждение восстановилось. Ухватившись за него, я смотрела, как человек-машина маневрирует между большими кораблями, находящимися в отсеке. Вот «Вечерний» превратился в нечеткую золотую крупинку, а едва открылся шлюз, вышел сквозь атмосферный слой в открытый космос. Через пару секунд двигатели заработали на полную мощность, и золотой кораблик исчез – мощное ускорение унесло его прочь.

Я проследила, как закрывается шлюз «Крыльев», и перебросилась на мостик.

– «Вечерний» улетел, – сообщила я Лихнису.

Ответ поступил через четыре минуты:

– Я ничего не видел, хотя смотрел внимательно. Надеюсь, это будет нам на руку, когда и если попадем в переplet.

Изображение Лихниса воссоздавалось из кеша «Серебряных крыльев», а не передавалось, как обычно, по инфопотоку, который в целях безопасности мы свели к минимуму – к невинным фразам с соответствующей интонацией, жестами, фальшивыми намеками для пущей убедительности.

Через час у «Крыльев» появились новости.

– В моей космотеке кое-что нашлось, – передала я Лихнису. – Яркие объекты в облаке подтверждают рассказ Овсяницы. По мнению космотеки, это лезии, своеобразные раны от гомункулярного оружия. Разумеется, ничего хорошего они не сулят. Во-первых, это значит, что действительно использовали именно гомункулярные пушки, – спустя такое время! Во-вторых, их применили не тридцать четыре года назад, а позже. Лезии распадаются даже в глубоком вакууме, а в такой среде им тем более не продержаться.

– Да уж, новости тревожные, – отозвался мой партнер. – С другой стороны, получается, у кого-то был повод использовать это оружие сравнительно недавно. Стреляли наверняка не просто так, а чтобы перебить спрятавшихся в облаке.

– Или опоздавших, которым хватило пороху сунуться сю-

да, несмотря на предупреждения Овсяницы.

– Тоже вариант. – Лихнис невесело улыбнулся и глянул на дисплеер. – Пыль густеет, по крайней мере вокруг меня. На всякий пожарный повышу-ка я мощность генератора барьера. Кстати, и тебе советую.

Я дала «Крыльям зари» соответствующую команду.

– Уже повысила. Ты слышишь меня?

Изображение замерцало, запестрило бело-розовыми помехами.

– Да, – хрипло отозвался Лихнис. – Тыходишь в облако, вижу оболочку «Крыльев». Разумеется, я знаю, куда смотреть, но «Крылья» стали заметнее, чем минуту назад.

Не минуту, а две – нас по-прежнему разделяли две световые минуты.

Я увеличила мощность сенсоров до максимума и наблюдала, как мерцает оболочка «Лентяя», отражая встречные обломки. Порой я ругаю Лихниса за то, что он летает на маленьком кораблике, но сейчас видела: оболочка «Лентяя» в сто двадцать раз меньше, чем у «Серебряных крыльев», а значит, меньше и шанс столкновения.

Через два часа обломки добрались и до меня. Чем дальше в планетный пепел, тем гуще становилась пыль. В ответ на каждое попадание «Крылья» вздрагивали – защитная оболочка впитывала импульс приближающегося объекта и через генераторы передавала его кораблю. Амортизаторы старались нейтрализовать колебания местной гравитации, но

предупреждения они не получали, поэтому и реагировали с большим опозданием.

Я чувствовала себя капитаном ледокола, пробирающегося мимо айсберга: при каждом толчке с бортов со звоном слетала обшивка.

– Тут хуже, чем я ожидал, – признался Лихнис. От помех лицо у него стало полосатым, голос дребезжал, значит связь портилась. – Погоди, удары пойдут одной волной, и станет легче.

Примерно через час его предсказания сбылись. Теперь «Серебряные крылья» пробивались через плотный град обломков. Тряска превратилась сперва в ритмичное покачивание, потом в едва ощутимую вибрацию. Зато частые удары тормозили мой корабль. Чтобы удержать скорость на уровне двух процентов световой, приходилось подключать двигатель, причем только при заглушенных генераторах защитного поля. «Крылья» периодически встряхивало при встрече с особенно крупными обломками, так что мои нервы в конце концов истрепались в клочья.

После трех с половиной часов болтанки в облаке мы добрались к первой лезии. Она проступила из пыли, словно остров из тумана, плоская с одного конца, изогнутая посредине, раздробленная на длинные полосы, похожие на скрюченные пальцы, с другого конца. Залитая мягким молочным светом, лезия напугала меня до смерти.

Я стиснула холодные перила, ожидая, что корабль резко

дернется.

Эта язва в ткани пространства вращалась вокруг звезды вместе со всем облаком, но бесчисленные пылинки внутри ее двигались по разным орбитам с разной скоростью. Рано или поздно любые две из них должны были столкнуться и высвободить столько энергии, что вся лезия преобразуется. Что случится дальше, оставалось только гадать. Может, исчезнет – и тогда заключенная в ней энергия без ущерба впитается в пространство-время, из которого появилась. Или взорвется – и мгновенно породит разрушительную силу, способную снести кору с планеты.

Самое разумное – держаться подальше.

– На время прекратим связь, – сказал Лихнис. – Слишком велик риск, что инфопоток рассеется. – Когда пролетим мимо звезды и плотность облака снизится до безопасного уровня, я дам знать.

Следующие пять или шесть часов показались бесконечными. В меня, как в любого шаттерлинга, заложена способность переносить длительные периоды одиночества, но все внутренние программы и настройки у меня сбились давно и безнадежно.

Сейчас хотелось, чтобы рядом был человек, иначе живым человеком мне себя не почувствовать.

Геспера я не видела, но знала, по какой траектории он собирался лететь. Покинув «Серебряные крылья», на связь робот не выходил, однако я не тревожилась. Мимо лезии Гес-

пер пробрался раньше нас с Лихнисом, а его юркий кораблик вряд ли возмутил эту аномалию. Куда больше меня беспокоили «Крылья». Траектория моего полета проходила намного дальше, зато силовое поле было значительно шире, чем у «Вечернего», и я не знала, хватит ли сотни километров космического пространства, чтобы изолировать язву от моего двигателя и защитной оболочки.

Космотека ничем не успокоила.

Кажется, я не дышала, пока скрюченные пальцы лезии не остались позади. Все обошлось, но в облаке таились и другие язвы. Мои нервы буквально звенели от напряжения, ведь жизнь полностью зависела от защитной оболочки корабля. Если она не сработает, «Серебряные крылья» вмиг разлетятся на части, и я вряд ли об этом узнаю. Сильные удары периодически напоминали, что я лечу среди каменных глыб, а не только среди мелкой пыли.

Вторая лезия оказалась крупнее первой, зато дальше от меня. Ближе чем на шестьсот тысяч километров мы к ней не подбирались. Формой она напоминала предыдущую, но у этой кривое, ущербное тело разветвлялось посередине, а длинные пальцы уродовали шишки и сломанные ногти. С каждой минутой лезии все больше напоминали мне рога, сброшенные в невероятной схватке оленями-гигантами, способными бродить по открытому космосу.

На седьмом часу движения в облаке я максимально приблизилась к окутанной пылью звезде. По другую сторону от

нее «Серебряные крылья» зарегистрировали плавное снижение плотности обломков.

Я понимала, что возобновлять связь с Лихнисом еще рискованно, и приготовилась к долгому ожиданию, но вдруг увидела его лицо.

– Я сигнал перехватил, – неуверенно начал Лихнис. – Он очень слабый, но движется независимо от мусора. Вдруг его издает корабль?

– Корабль Горечавки?

– Нет, на Горечавку не похоже. Протоколы слишком старые.

– Тогда не полетим на этот сигнал. Мы ищем уцелевших шаттерлингов нашей Линии, а не идиотов, которых угораздило сюда забраться.

– Верно, – отозвался Лихнис. – Но вдруг шаттерлинг нашей Линии не может подать нормальный сигнал? Вдруг его корабль поврежден или он укрылся на борту чужого?

– Да, Лихнис, разные «вдруг» ты сочиняешь мастерски.

«Серебряные крылья» ничего не улавливали. Впрочем, «Лентяй» мог быть ближе к источнику сигнала и перехватить его под носом у моих сенсоров. Когда он передал информацию «Крыльям», я убедилась, что именно так и вышло.

– Согласна, сигнал надо проверить, но, пожалуйста, будь осторожен. Мы проигнорировали предупреждение Овсяницы, а сейчас идем на риск, который пару часов назад сочли бы недопустимым.

– Приспособляемость – обратная сторона здравомыслия, – отозвался Лихнис. – Ладно, лечу на сигнал, до скорого.

Следующим на связь вышел Геспер:

– Портулак, Лихнис меняет курс. У него и оболочка стро-бирует. Что произошло?

Плохо, что в маневрах Лихниса ни капли скрытности, но тут ничего не поделаешь.

– Он сигнал перехватил – возможно, от выживших.

– А возможно, от кого-то страшнее и опаснее.

– Это точно, – процедила я. – Лихнис в курсе, но в стороне оставаться не желает.

– Если не возражаешь, я полечу за ним. Разумеется, это в ущерб маскировке, однако, если система под наблюдением, наше присутствие уже наверняка заметили.

– Пожалуйста, будь осторожен!

– Непременно. По возможности извести Лихниса о моих намерениях. Не хотелось бы его пугать.

– Хорошо, Геспер, извещу. И спасибо тебе, я боялась, что не выдержу напряжения и сломаюсь.

– Портулак, в такой ситуации это волне простительно.

Геспер отключился. Я передала Лихнису, что робот летит за ним, а мое сообщение подтверждать не надо. Сидеть и молчать совершенно не улыбалось, но чем меньше разговоров, тем лучше.

Что такое страх, я знала не понаслышке, но прежде мне

удавалось подсластить себе пилюлю. Я всегда утешала себя, что если выживу, то вплету в нить воспоминаний невероятное приключение, которое на пару дней прославит меня на всю Линию, хотя побеждать в Тысяче Ночей меня совершенно не тянуло. Даже если погибну и Линия не получит мою нить, меня все равно помянут. Когда факт моей гибели подтвердится, шаттерлинги придумают, как достойно увековечить шесть миллионов лет моего существования. Мою фигуру либо высекут на поверхности планеты, либо надут из газа туманности, либо соберут из обломков сверхновой. Такое в Линии уже делали, и не раз. На следующем сборе и на следующем за следующим – и так пока с последним шаттерлингом не исчезнет память об Абигейл Горечавке, на Тысяче Ночей меня будут славить как живую. Хотя бы до утра.

Только ни сборов, ни Тысячи Ночей больше не будет. Даже если найдутся другие опоздавшие, даже если мы выживем, на новый сбор явно не решимся. Опыт и знания нужно сберечь, а самое разумное для этого – забиться в разные углы галактики и ждать, пока наших врагов не истребит время.

Сейчас, как никогда раньше, хотелось утешиться и успокоиться, а у меня не получалось.

Глава 11

Я не слишком удивился, когда произошло нападение. О засаде нас предупредили прежде, чем мы проникли в эту си-

стему, а я сомневался в тревожном сигнале, хоть и летел на него. Впрочем, огонь открыли внезапно.

Мне повезло: я как раз заглушил двигатель, чтобы обломки тормозили «Лентяя», а поближе к источнику сигнала остановили окончательно. Меняй я направление, пришлось бы отключить поле, и в эти секунды незащищенный корабль уничтожили бы. А так «Лентяя» не спалили, а только проверили на прочность. За мгновение защитная оболочка корабля впитала больше энергии, чем за все время полета в облаке. На аварийный режим «Лентяй» переключился, не дожидаясь моих распоряжений. Пузыри защитной оболочки надулись и вокруг основных устройств, и вокруг груза, и вокруг меня. Даже если бы главный пузырь лопнул, а корабль развалился, внутренние пузыри уцелели бы. Они выкатились бы наружу, как икра из потрошенной рыбы.

Несколько бесконечных мгновений я гадал, сколько продержится защитная оболочка. Передо мной парил пульт управления, красная линия на нем неумолимо ползла вправо. Если бы мощность луча не уменьшилась – не удалось бы протянуть и тридцати секунд. Хотелось увести корабль подальше, сбежать без оглядки, только как?

Первую волну атаки я пережил. Луч погас. То ли пушка перезаряжалась, то ли к стрельбе готовилось другое оружие. Я придумал, какой приказ отдать «Лентяю», но корабль снова меня опередил. Прямо с активированной оболочкой безопасности «Лентяй» открыл люки и выпустил несколько

десятков миног — самоуправляемых мини-кораблей с мало-мощными скейн-двигателями и пушками на борту. Миноги разделились на отряды и направились к барьеру, который автоматически разределся, пропустил их, а затем восстановил непроницаемость. За считанные секунды под оболочку налетели осколки и забарабанили по корпусу «Лентяя», словно огромная стая голодных ворон.

Миноги выполняли два задания. Три отряда по четыре корабля остались у пузыря, заслонив его от предполагаемого источника луча. Остальные шесть отрядов на полной скорости унеслись прочь. Каждый кораблик бурил в облаке туннель, гамма-лучи ионизировали пыль и обломки, превращая их в плазму, которую можно отнести электростатикой. Из-за этого миноги отлично просматривались, однако мне было не до них.

Те, что остались у пузыря, толкали «Лентяя», синхронно воздействуя на его уплотнившееся поле. Через пару секунд они изменили курс корабля, лишив противника шанса прогнозировать мое перемещение. Мощность скейн-двигателей, даже совокупная, ничто в сравнении с мощностью главного двигателя, тем не менее ускорение получилось ощутимым, ведь я включил амортизаторы, и «Лентяя» летел по инерции.

Тут пушка снова вспомнила обо мне. Защитная оболочка едва восстановилась после первой атаки, а красная линия на пульте опять поползла вправо. На другой секции пульта я увидел, как поток энергии, отразившись от пузыря, спалил

две миноги. Уцелевшие десять еще могли толкать корабль, но уже не так резво.

Тем временем двадцать четыре авангардные защитницы начали стрелять по источнику луча из тех же гамма-пушек, которыми буравили облако. На главном, во весь мостик, мониторе я видел их лучи. У границы с облаком они рассеивались до видимого спектра, давая яркий контур. Лучи миног напоминали спицы на колесе, осью которого был мой затаившийся противник. Красная линия на пульте показывала, что изменение курса «Лентяя» большой пользы не принесло, — враг подобрался так близко, что при баллистических расчетах мог компенсировать задержку на прохождение света между нами либо не учитывать ее вообще.

Раз! — луч переметнулся к авангардным миногам и уничтожил три подряд. Так колесо лишилось сразу трех спиц. Пока он не вернулся ко мне, я успел разредить поле и выпустить еще четыре миноги. Арсенал мой истощился, и я заказал синтезатору новые миноги. Вражеский луч отыскал меня — кто бы сомневался! — но красная линия на пульте отползла влево, ведь часть смертоносной энергии рассеялась.

Из новых защитниц две остались толкать «Лентяя», еще две помчались в разные стороны, чтобы влиться в колесо. Вражеский луч уперся в меня, лишь изредка переключаясь на спицы-миноги. Счастье, что пушка была только одна, две доконали бы «Лентяя». Я бы погиб или ждал бы скорой смерти, болтаясь в пузыре.

У меня оставалось восемь миног: четыре – в обороне и четыре – в контратаке, когда вражеское орудие взорвалось. В облаке пыли образовалась брешь размером со спутник, но нас тут же унесло в разные стороны. Одна за другой утекали секунды, атака не возобновлялась, и можно было вздохнуть чуть свободнее. Тем не менее я понимал, что отключать защитную оболочку рановато.

Собрав уцелевшие миноги перед «Лентяем», я запустил двигатель. На этот раз пузырь я убрал полностью, чтобы корабль летел на всех парах, – предпочел безопасности скорость, чтобы сбежать подальше от противника. Хотя пушка была уничтожена, но тревожный сигнал так и не стих.

Тут на связь вышел Геспер – передо мной возникло его зернистое изображение.

– Лихнис, похоже, на тебя напали, – начал он. – Ты получил повреждения? Серьезно пострадал?

– Жив! – гаркнул я, стараясь перекрыть протестующий рев «Лентяя», которого гнал во весь опор. Двигатель выл, как адская молотилка на последнем издыхании. – Спасибо, что спросил. Тревожный сигнал был приманкой. Зря я на него полетел, видел ведь, что протоколы староваты, Горечавки такими не пользуются.

Геспер приблизился, теперь нас разделяла одна световая минута.

– Так ты в порядке?

– Да, мы с «Лентяем» целы и невредимы. Зато я убедился:

не зря Овсяница велел держаться подальше от этой системы. Сущий террариум, нужно убираться отсюда подобру-поздорову.

– Связь тут посредственная, но Портулак у меня в зоне радиовидимости. Я сообщу ей, что ты цел. Чем тебе помочь?

– Мне главное – из облака выбраться, и все будет нормально. А ты позаботься о себе и о Портулак. Пусть ни на какие сигналы не реагирует.

– Ты уверен, что здесь не осталось живых?

– В этой системе? Сколько можно тешиться пустыми надеждами!

Не успел я ответить, как раздался звонок с пульта управления. Я раздраженно глянул на дисплеер – новостей мне уже было достаточно.

«Лентяй» перехватил новый сигнал от другого объекта. Этот оказался куда четче, а значит... Значит, кто-то следил за нами и мог нацелить сигнализатор.

На этот раз я не сомневался: сигнал от Горечавки.

Я потянулся к пульта, но остановил руку буквально в сантиметре от него. По уму сигнал следовало отклонить, особенно после сказанного Гесперу, но у меня не хватало духу.

– Лихнис, в чем дело?

– Поступил новый сигнал. Он от Горечавки, протоколы свежайшие.

– Опять сигнал бедствия?

– Да.

– Раз здесь нам устроили засаду, разве не логично, что они пойдут с многих кораблей? Уверен, что враги не перехватили ваш сигнал и теперь его не копируют?

– Если у них есть настоящий сигнал Горечавки, зачем начали с подозрительного?

– На этот вопрос ответить не могу, – тихо отозвался Геспер. – Я лишь прошу тебя быть осторожнее. Сообщить новости Портулак?

– погоди! – Пульта я так и не коснулся. «Лентяй» обнаружил, что у сигнала есть вложение второго уровня – модуляция, которая распознается как аудиовизуальное сообщение.

Коснувшись пульта и вскрыв сообщение, я должен был действовать. А разве мне хотелось этого?

Можно было улететь отсюда и утверждать, что на вторую приманку я не отреагировал, хотя она вызывала больше доверия, чем первая. Видно, враги поняли, что я шаттерлинг Горечавки, и переключились на формат нашей Линии.

– Лихнис, – позвал Геспер, – прости за самоуправство, но я сообщил Портулак о новом сигнале.

Я больше удивился, чем рассердился:

– Я же не просил!

– Мне показалось, что новость крайне важна и утаивать ее неразумно. Теперь Портулак известно, что в этой системе есть некто способный копировать сигналы Горечавок. Некто может оказаться Горечавкой, а может не оказаться. Даже если нас обоих уничтожат, Портулак теперь предупреждена, а

значит – вооружена.

Спорить с Геспером не было сил, тем более в глубине души я понимал, что он прав.

– Как она отреагировала?

– Считает, что сигнал разумнее проигнорировать. Свое мнение она отстаивала весьма активно.

Я улыбнулся – «активно отстаивала», это, конечно же, мягко сказано – и велел «Лентяю» вывести аудиовизуальное вложение на плоскую поверхность за дисковой панелью управления.

Появилось женское лицо. Я сразу узнал Волчник, она из нашей Линии.

– Надеюсь, что говорю с Лихнисом, – начала она. – Да, почти уверена, твой корабль с другим не спутаешь. Сколько раз советовала тебе его бросить, а сейчас рада, что ты такой упрямый. Знаю, тебя обстреляли, и очень сочувствую, хотя «Лентяя» заметила лишь тогда. Пожалуйста, не отвечай, пока мы не сблизимся. Я-то увидела тебя с другого конца системы, но сама замаскирована и надеюсь, что этот инфопоток не прослушивают. – Волчник облизала губы, бледные и пересохшие, как у измученного жаждой. В нашей Линии ее считают дурнушкой. Самые яркие черты Горечавок – высокие скулы, разные глаза, чувственный рот – у Волчник выразительными совсем не кажутся. Она стояла у стены, увешанной сенсорами и датчиками, – значит, вещала из своего корабля, – волосы собрала в хвост, такой тугой, что кожа на

лбу натянулась как на барабане, и надела сиреневую блузку, обнажавшую одно плечо. – Думаю, о бойне тебе уже известно. Я находилась в латентности, корабль должен был разбудить меня, если что-то пойдет не так. Когда стали палить из «Плюющейся кобры», я поняла, что у нас незваные гости. – Лицо Волчник перекошилось от гнева. – Перебили не всех. На корабле у меня несколько шаттерлингов, которых я подобрала, когда разверзся ад. В системе наверняка прячутся и другие. На борту у меня и пленные, однако с места нам не стронуться – двигатель отказал. Выползти из облака могу, но рано или поздно меня поймают.

– Что я, по-твоему, должен сделать? – чуть слышно спросил я.

Волчник шумно втянула воздух:

– У нас мало времени. Синхросок кончился, девять жизней в стазисе я использовала. Мой корабль умирает – он уже не способен на авторемонт, из всех систем нормально работает лишь генератор защитной оболочки. – Глаза Волчник так и сверлили меня, словно мы играли в гляделки. – Дай знать, что ты получил сообщение. Даже если проигнорируешь его, слегка отклонись от курса. Хочу убедиться, что меня слышали. Если бросишь нас здесь умирать, я должна кое-что сообщить другим шаттерлингам. Я упомянула пленных. Овсяница не знал о них, значит и ты знать не можешь. Одного мы раскололи. Его зовут Синюшка, он паршивая овца из Линии Марцеллин. Вот откуда у врага гомункулярные

пушки. Однако Марцеллинов винить не спеши, – кажется, Синюшка с приятелями действовали без их ведома. Не знаю, как отреагируешь, если ты настоящий Лихнис, но Синюшка твердит, что в бойне виноват ты. Нет, не так. – Волчник с досадой покачала головой. – Не виноват, а совершил невинный поступок, который привел к бойне. Нарочно или случайно, но спровоцировал ее ты.

– Как я мог ее спровоцировать? Как, если отродясь здесь не был? – ошеломленно вопрошал я.

Я переслал сообщение Портулак – пусть услышит про Марцеллинов и про мое якобы отношение к бойне – и тотчас, не дожидаясь ответа, стал поворачивать. Через пару секунд мой маневр повторил Геспер. Чтобы обогнать «Лентяя», он неся во весь опор. Небось под пять тысяч «же» ускорился, не представляю, какой амортизатор тут справился бы.

Волчник ответила быстро:

– Спасибо, Лихнис. Я надеялась, что ты повернешь, но рассчитывать, разумеется, не могла. Чем бы дело ни кончилось... я твоя вечная должница. Про тебя говорили гадо-сти... Я сама говорила, а теперь каюсь. Ты лучший из наших шаттерлингов, мы должны гордиться тобой.

– Давай я сначала вас выручу, а уж потом гордиться будешь.

– Отправляю тебе наши координаты, – сказала Волчник. – Они неточные, но ничего лучше предложить не могу. У нас утечка из защитной оболочки, по ней и разыщешь, когда

приблизись. Я, конечно, постараюсь тебя направлять, а вот тебе выходить на прямую связь со мной не стоит.

На пульте появились числа, на главном мониторе – иконка, окруженная бурым пятном облака. Волчник оказалась градусов на пятнадцать севернее точки, откуда поступил сигнал, и чуть глубже в облаке. Если не сбавлять скорость, «Лентяй» долетит туда менее чем за час. Я вглядывался в раздробленную планету, наивно надеясь усмотреть скрытую опасность раньше, чем среагируют гиперчувствительные сенсоры моего корабля.

– Волчник упомянула «Плюющуюся кобру», – начал Геспер. В отличие от меня он дара речи не лишился. – Откровенно говоря, я не представляю, что это.

– А о червоточинах слышал?

– Немного. Перерожденцы ими звезды омолаживают.

– Это потому, что другого применения нет. Бог посмеяться решил, вот и создал червоточины. Предтечи умели переправлять через них корабли и информацию, а нам их секрет неизвестен. Мы накачиваем их материей, и точка. Ну, еще топливо с планеты на планету перегоняем. Может, машинный народ умеет начинать поток материи информацией? У нас не получается. На одном конце смодулируешь, а с другого сигнал все равно выходит скомканным.

– Мы столкнулись с теми же проблемами, – отозвался Геспер.

– К счастью, червоточину Предтеч можно превратить в ог-

немет. Берешь, один конец фиксируешь на звезде – пусть горючее хлещет из другого конца в пустое пространство. Горловину облепляешь устройствами, которые регулируют подачу топлива и наводят «пушку» на цель. Говорю же, огнемет, суший огнемет.

– Другой конец должен быть в той же системе?

– Хоть в той же, хоть в сотне лет от нее. На звезде может быть несколько червоточин и несколько горловин.

– По-твоему, здесь было несколько горловин?

– Боюсь, точно не скажешь. Мы подбили горловину, однако едва ли повредили. Устройства, может, и разрушили, но ощутимого ущерба точно не нанесли.

– Почему враги используют это оружие, а не гомункулярные пушки?

– Главным образом из-за диапазона обстрела. «Плюющаяся кобра» дальнобойна, но куда менее мощна. Гомункулярные пушки надо размещать ближе к цели. Раз планету сбора уничтожили, значит пушки заранее поставили неподалеку.

– А если они спрятаны?

– Только внутри корабля.

– Но корабль-то не скроешь, – заметил Геспер.

– Кто заподозрит неладное, если корабль принадлежит нашей Линии и подает наши опознавательные сигналы?

Геспер долго не отвечал. Мое предположение вряд ли его потрясло, – скорее, почтительное молчание было знаком согласия. Факты красноречивы, других выводов из них не сде-

лаешь.

Засаду устроили при непосредственном участии шаттерлинга Горечавки.

Звонок с пульта известил о новом сообщении от Волчник. Оно было кратким – лишь координаты ее корабля. «Лентяй» скорректировал свой курс и выдал расчетное время встречи. С поправкой на торможение мы должны были подойти к ней через двенадцать минут.

– Лихнис, – позвал Геспер, – не хочу тебя пугать, но я вижу нечто помимо корабля Волчник. Нечто большое появилось пару минут назад и направляется к нам.

Раз независимый источник указал на присутствие неизвестного объекта, «Лентяй» напрягся до предела и снизил порог обнаружения. Через пару секунд на дисплее возникло расплывчатое пятно, вокруг него – рамка и скудная информация, собранная «Лентяем». Объект был крупный, километров пять-шесть шириной, замаскированный и – робот не ошибся – летел к нам.

– Может, это большой корабль, может, корабль с гомункулярным оружием, может, крылатая пушка, – предположил я.

– Вокруг него видны объекты, издающие слабые сигналы. Наверное, там и другие корабли.

Тут Волчник снова вышла на связь. Мы сблизились настолько, что она могла заслать на «Лентяя» имаго, не опасаясь перехвата. Как ни храбрилась шаттерлинг, голос у нее дрожал.

– Лихнис, поворачивай назад! За тобой отправляют гомункулярную пушку. Гони во всю прыть – и уйдешь из зоны обстрела. Они снарядят погоню, но, может, ты окажешься проворнее.

На этот раз протокол ее сообщения позволял мне ответить.

– Похоже, меня хотели расстрелять из «Плюющейся кобры», но я ее подбил.

– Молодец! – Глаза Волчник засияли от восхищения. – Это их не остановит, но ты хоть показал, что наша Линия не сдается.

– Надеюсь, ты права.

– А теперь беги, Лихнис, ты сделал все, что мог. Жизнью жертвовать ни к чему. Важную информацию я тебе передала. Жаль, пленных не успела переправить, только...

– Я лечу к тебе, – упрямо проговорил я.

– Если ты твердо решил их спасти, я вызову огонь на себя, – сказал человек-машина. – Пролечу мимо Волчник на подходящей скорости и увеличу свою видимость.

– Геспер, ты серьезно?

– Да, и я уже направляюсь туда. Через три минуты подойду к Волчник на максимальное расстояние, потом настрою излучение защитной оболочки и работу двигателя так, чтобы привлечь гомункулярное орудие. Оно вряд ли устоит перед ближней целью, даже если заметит тебя.

– Что бы ни случилось дальше, я... Я очень тебе благода-

рен.

– Конец связи. Встретимся в межзвездном пространстве, когда улетим из этой злополучной системы.

Имаго робота замерцало и исчезло. Я остался наедине с Волчник.

– Ты разговаривал с человеком-машиной? Но... где ты его нашел?

– Ну, я не так прост, как кажусь.

Следующие три минуты тянулись дольше вечности. Геспер пронесся в полумиллионе километров от корабля Волчник, а я наблюдал за приближившейся пушкой и ее эскортом. Сомнений не оставалось: передо мной гомункулярное оружие. Я видел его искаженным, но «Лентяй» восстановил на дисплее истинные размеры и форму – цветок на тонком стебле с венчиком лепестков, прозрачных и испещренных прожилками, словно крылья стрекозы. В космотеке гомункулярную пушку изобразили именно такой. Ее тайно провезли в грузовом отсеке корабля, но скрывать больше не собирались. До чего обманчива внешняя хрупкость! Силовое поле защищало и поддерживало оружие, а буксирами выступали мини-корабли на скейн-двигателях, как у моих миног. Если пушка была цветком, то буксиры – шипами на ее стебле.

Геспер пролетел мимо Волчник и стал «работать на публику» – стрелять по пушке и ее буксирам, чтобы спровоцировать ответ. Двигатель «Вечернего» гудел так, что его слышали на другом краю системы. Слышала его и Портулак, хо-

тя в чем дело – не понимала.

Через минуту я начал снижать скорость и отключил все защитные устройства. Мотор ревел, амортизаторы стонали, что не справляются с торможением в тысячи «же» и плавный полет не гарантируют.

Я поморщился, прижался к спинке кресла и стиснул подлокотники, словно это спасло бы при отказе демпферов.

До Волчник остались тысячи километров, потом сотни, и я наконец рассмотрел корабль, который решил спасти, – ромбовидный, около километра длиной и метров двести шириной. Волчник замаскировала его как могла, но ведь она не волшебница! Бедняга держался на честном слове – такое не отремонтируешь: на месте двигателя зияла аккуратная сферическая брешь, словно великан надкусил; нос разорвался, как перезревшая семечка; черный корпус пестрел серебристыми ссадинами – следами мелких повреждений.

Волчник проявила изобретательность: генератор защитной оболочки работал, и она собрала в пузыре миллионы тонн мусора – получилось нечто вроде защитного экрана, который прикрыл бы корабль в отсутствие пузыря. Вблизи он выглядел неестественно – валуны, слившиеся в мини-астероид, в центре блестящий мрамор, – хотя вряд ли кто-то присматривался.

– «Лентяй» рядом с тобой, – передал я. – Грузовой отсек открыт, места для тебя хватит, только отключи пузырь и отсеки защитный экран.

– Боюсь. Они уже близко. Если уберу пузырь, меня в два счета засекут.

– Сама же говорила, что оболочка на ладан дышит. Терять тебе нечего.

На последней стадии приближения «Лентяй» тормозил не так резко, и я посмотрел, как дела у Геспера. Он менял курс, безостановочно обстреливая гомункулярное оружие. Без внимания его маневры не остались – два буксирных мини-корабля отделились от стебля и понеслись к нему. Сама пушка на приманку не реагировала, а буксирные корабли сделали поворот и разогнались примерно до скорости «Вечернего».

«Лентяй» остановился аккурат у последнего слоя маскировочных валунов. Защитная оболочка отключилась, и корабль Волчник на импеллерах пополз через камни, выпавшие из пузыря. Глыбы бились о корпус, оставляли серебристые вмятины, раскалывались, рассыпались. Импеллеры засветились ярко-розовым, что означало серьезный сбой. Ну и ладно, пусть только протащат корабль еще пару сотен метров, а потом хоть рассыпаются.

Я отправил две миноги соорудить из камней временный экран между нами и гомункулярной пушкой. Постоянное руководство не требовалось – они буквально набросились на камни и засновали туда-сюда с такой скоростью, что не уследишь.

Тем временем я повернул «Лентяя» грузовым отсеком к

Волчник и отключил защитное поле. Миноги светлячками заметались вокруг, отводя крупные осколки, разлетевшиеся от приближения второго корабля. Вдруг показалось, что я переоценил вместимость грузового отсека, что, даже обломанный, гость в него не влезет.

– Отключай импеллеры! – скомандовал я. – Скорости тебе хватит. Остальное – моя забота.

Тут половина неба раскололась, словно ночной мрак был тонкой скорлупой на слепящей белизне. Пульт тотчас вывел причитания «Лентяя»: на части корпуса повреждения средней тяжести, один светлячок погиб.

Имаго Волчник задрожало, потом снова выровнялось.

– Пушка выстрелила.

Я кивнул – сам уже догадался.

– Ты ранена?

– По-моему, больше всего досталось камням. Мы пока вне эффективной зоны поражения. У «Лентяя» есть повреждения?

– Ничего такого, что не поддается ремонту или мешает побегу.

О том, что случится, когда орудие приблизится, думать не хотелось. По большому счету, мы от обстрела не пострадали. Я с содроганием наблюдал, как корабль Волчник вползает в грузовой отсек «Лентяя». Он едва помещался, не оставляя и сантиметра свободного пространства. Что-то с лязгом ударились о корпус, но гость упорно полз вперед. Развалина

напоминала грязного тощего зверька, штурмующего уютную норку соседа, и рассыпалась буквально на глазах, особенно – области пробоин.

За черной скорлупой неба снова проступил слепящий блок, на сей раз еще ярче, очертив розовым грузовой отсек и корабль Волчник. «Лентяй» пожаловался на новые повреждения. От экрана, который соорудили миноги, отлетел валун, раскаленный докрасна со стороны, обращенной к пушке.

Гость уже скрылся в грузовом отсеке, и манипуляторы заблокировали его в оптимальном положении. Я включил защитную оболочку и приказал «Лентяю» улетать. Миног осталось мало, толкать мой корабль было некому, поэтому разгонялся я медленнее. При тысяче «же» каменный экран распался с потрясающей быстротой. Хотелось верить, что го-мункулярная пушка осталась далеко позади, но это было не так.

«Вечерний» я разыскал в момент, когда робот направил его на орудие после такого крутого поворота, который угробил бы большинство кораблей, не говоря о пассажирах-людях.

– Геспер, – шепотом позвал я, – не надо, мы и так выберемся.

Можно подумать, он меня слышал. Можно подумать, он послушался бы, если бы слышал.

Пушка выстрелила снова. Теперь слепящий свет разлился

по небу, как асимметричная клякса с рваными краями. Так родилась новая лезия. Видимо, решив убить меня, враги выжимали из пушки максимум.

«Лентяй» рвался прочь во весь опор. Наше спасение теперь от меня не зависело. Тревоги и метания не изменили бы ровным счетом ничего.

Только я не мог улететь, бросив Геспера на произвол судьбы.

Глава 12

– Ты видел, как погиб Геспер? – спросила я.

– Да, – ответил Лихнис.

– Очень жаль. И тебя, и его.

Мы находились на «Лентяе» и лежали рядом. Оба корабля выбрались из облака в межзвездное пространство и набирали крейсерскую скорость. К Лихнису я перебросилась, едва он приблизился к «Серебряным крыльям». Мы льнули друг к другу и обнимались так крепко, словно воссоединились ненадолго и переменчивая Вселенная могла разлучить нас в любой момент.

Целовались мы сперва нежно, потом жадно и неистово, словно за часы разлуки успели позабыть друг друга. Скинув одежду, мы занимались любовью, проваливались в полусон, потом снова занимались любовью – и так до блаженного беспамятства. Физических сил не осталось, но главное – мы уце-

лели.

Вот мы проснулись снова и цеплялись друг за друга, как усталые пловцы.

– Нужно представить тебя новым гостям, – сказал Лихнис после большой паузы, за время которой я едва не уснула.

– Они как, ничего?

– Да, я проверял. Сейчас бодрствуют только Аконит и Волчник. Я не хотел отмечать их спасение без тебя и попросил подождать в саду.

– А что с пленным? Или с пленными, если их несколько? Что-нибудь новое выяснил?

– Ничего, кроме того, что уже слышал, – бойню непонятным образом спровоцировал я.

– Значит, либо Волчник неправильно поняла, либо пленный наврал ей с три короба.

– И случайно приплел меня?

Что ответить на это, я не знала.

Мы умылись, оделись и перебросились в сад «Лентяя». Я старательно изображала спокойствие, хотя ум без перерыва просчитывал возможности. Как Лихнис мог спровоцировать бойню, если он безнадежно опаздывал на сбор?

Если только не дал повода во время прошлой встречи... Другими словами – повод в нитях Лихниса. Но в таком случае мы имеем дело с шайкой, которая строила дьявольский план на протяжении целого цикла. Так долго некоторые цивилизации не живут. Мерзкие злодеи терпеливее удавов.

– Любое объяснение упирается в Вигильность, – проговорила я.

Лихнис как раз открывал калитку в каменной стене, окружающей сад.

– При чем здесь Вигильность?

– Сам подумай. Не загляни ты в прошлом цикле на Вигильность, тебе не навязали бы доктора Менинка. Если бы не доктор Менинкс, мы не вернулись бы в тот сектор рукава Щита – Южного Креста, не повстречали бы ни кентавров, ни Атешгу и на сбор не опоздали бы.

– И не спасли бы Геспера. Он так и томился бы в плену у Атешги.

– Понимаешь, к чему я клоню?

– Не понимаю, как это связано с заявлением Волчник.

– Может, и никак, но, если посещение Вигильности вызвало столько перемен, вдруг оно привело к чему-то еще? Цикл назад оно было основой твоей нити. Что, если в твоих воспоминаниях есть эпизод, кого-то сильно возмущивший?

– Какой еще эпизод?

Порой Лихнис доводит меня до бешенства.

– Понятия не имею. Но раз других объяснений пока нет, может, задумаемся над этим?

– Тогда нужно перемотать мою нить назад, – отозвался Лихнис, словно считал это колоссально сложным.

Больше всего на корабле Лихниса я любила именно сад. Мы миновали калитку в обвитой плющом стене и зашагали

через луг по тропке, петляющей между статуями, солнечными часами, водяными часами, ветряными курантами, брызжущими пеной фонтанами и движущимися скульптурными группами, к участку в кольце деревьев. Посредине находился летний домик, деревянный, с конической крышей. Окружал его ров с водой, соединенный с прудом. Через ров перекинулся красный мостик в китайском стиле.

В безоблачном небе над садом растворилась молочная голубизна сотен тысяч планет. Сад никогда не менялся, тепло солнечного полудня было вечным. Есть звезды, которых не существовало, когда он закладывался. Есть звезды, которые светили тогда, а сейчас стали мертвым газом, несущимся во мрак. Бесчисленные цивилизации поднимались, расправляли крылья, именовали себя властителями всего сущего, а в результате оказывались на задворках истории.

Волчник и Аконит ждали нас в доме. Они сидели на скамье, между ними стоял поднос с едой и бутылкой вина.

– Здравствуй, Портулак! – сказали они чуть ли не хором при моем появлении.

Лихнис вошел следом.

– Очень рада, что вы оба спаслись, – проговорила я.

– А мы спаслись? – спросила Волчник, обращаясь к Лихнису. У нее были короткие волосы цвета выгоревшей соломы и полупрозрачная кожа с россыпью медовых веснушек на щеках.

– Трудно сказать, – ответил Лихнис. – От врагов мы ото-

рвались, но с облегчением я вздохну, лишь когда от этой системы останется одно воспоминание.

– Хочу спросить, – начал Аконит, хлебнув из бокала. Не шаттерлинг, а воплощение эпатажа – высокий, смуглый, с проседью в бороде и целой гроздью звенящих колец в одном ухе. – От других ничего не слышно? А то мы спаслись, но вещать на все облако не рискнули.

– Если кто и уцелел, то сигналов не подавал, – проговорил Лихнис. – Прости, что не могу порадовать.

– Ну, братец, ты не виноват.

– Нам известно, что выжил Овсяница, – вмешалась я, села на другую скамью и подтянула колени к груди. – Мы получили его сообщение. Овсяница отговаривал нас сюда лететь, но мы рискнули.

Волчник глянула сперва на Аконита, потом на меня:

– Получается, вы не в курсе...

– Овсяница погиб, – сказал Аконит. – Уцелевшие шаттерлинги выбрались из системы сбора, а он остался и, боюсь, отправил сообщение незадолго до этого.

Новость буквально раздавила меня. Я-то считала, что Овсяница жив, иначе как он послал сигнал?

– Что случилось? – спросила я. – Двигатель отказал?

Волчник сокрушенно покачала головой:

– Отвлекал нападавших. При желании мог спастись, но посчитал, что Линия важнее.

– А я плохо о нем думала... – посетовала я.

– Не ты одна, – пристыженно потупился Лихнис.

– Только сырость не разводите! – осадил нас Аконит. – Мы выжили, значит есть кому вспомнить Овсяницу, покрыть его имя славой – и так далее. В лепешку расшибемся, чтобы чувак мог нами гордиться, верно, братан? – Аконит ободряюще толкнул Лихниса.

– Угу, – буркнул тот.

Волчник подлила себе вина. За окном все так же пели птицы, во рву шумел камыш.

– Так вас только двое? – уточнила я.

– Нет, мы не вдвоем в бессознанку погрузились, – отозвался Аконит. – Есть еще Люцерна, Донник и Маун, они сейчас дрыхнут, ну и пленные.

– Вам что-нибудь нужно? – спросил Лихнис, потянувшись за гроздью винограда. – Медицинская помощь – и так далее? Наши гости переглянулись.

– Мы с Аконитом чувствуем себя хорошо, – ответила Волчник. – Было тяжело, но корабль о нас заботился. Если бы начались проблемы с питанием или жизнеобеспечением, кому-то пришлось бы погрузиться в долговременную латентность. К счастью, до этого не дошло.

– Вы бодрствуете с начала бойни? – спросила я.

Волчник покачала головой:

– Нет, без латентности мы бы свихнулись от напряжения, поэтому велели кораблю разбудить одного из нас или обоих, если случится что-то необычное. Бодрствовать могла Лю-

церна или другие двое, но выпало нам.

– Возможно, такой разговор не ко времени, – начал Лихнис, – но гомункулярное оружие могло попасть на планету сбора только спрятанным.

– В корабле шаттерлинга? – уточнил Аконит.

– Неприятно об этом думать, но...

– Ты прав. Три пушки и «Плюющаяся кобра» прилетели на кораблях Шафрана, Скабиозы и Вики. Но эти трое ни при чем. Их корабли захватили, протоколы Линии взломали. – Аконит смотрел на Лихниса, словно других объяснений и существовать не могло, словно считал иные варианты вселенской глупостью. – Соучастниками они быть не могли, если ты к этому клонишь.

– Сейчас не стоит исключать ничего, – заметил Лихнис.

Волчник шумно втянула воздух:

– Аконит, не время прятать голову в песок. Участие нашего шаттерлинга налицо. Даже Овсяница это подозревал. Он не представлял, как взломать сеть Линии без помощи изнутри.

– Помощь не всегда оказывают добровольно, – напомнил Аконит, но тут же поднял руки в знак капитуляции. – Эй, только не будем из-за этого ругаться. Вот попадем в убежище, тогда и потолкуем. Если появятся веские доказательства, я не буду прятать голову в песок.

– Я тоже, – сказала я, взяв ломтик хлеба.

Волчник погладила серую обшивку криофага Донник:

– Нужно их разбудить. Мы так и договаривались, если ситуация изменится.

– Лучше не надо, – возразил Аконит. – По крайней мере, пока не будем в безопасности.

– Давайте хоть на «Лентяя» их перенесем, – предложил Лихнис. – У меня на борту полно спящих, еще парочка хлопот не доставит. Когда все в одном месте, и присматривать легче.

– Не замечала за тобой раньше такого гостеприимства. – Волчник сконфуженно улыбнулась.

– Просто так получилось, – отозвался Лихнис.

Пленных держали отдельно от наших шаттерлингов. Волчник шагнула к первой камере, открыла массивный замок и распахнула узорчатую латунную дверь. В камере стоял каркас древнего устройства – рама с генераторами барьера, которые подпитывали ограничительный пузырь – прозрачный, словно стеклянный, шар, достаточно большой, чтобы вместить кресло. Внутри парила другая рама, поддерживающая устройства сжатия времени, которые надули второй пузырь – с алым отливом, словно из тонированного стекла. В нем зависло кресло с высокой спинкой и краями, загнутыми по размеру шара, в нем сидел человек, крепко связанный, чтобы исключить произвольные движения. Мертвецкой неподвижностью он напоминал голограмму, хотя на деле ни мертвецом, ни голограммой не был.

– Это Синюшка? – спросила я, вспомнив, что Волчник

говорила Лихнису в сообщении.

– Нам известно, что в Линии Марцеллин некогда был Си-нюшка, – ответила Волчник. – Марцеллины отвечали за го-мункулярное оружие. Но пока не просканируем ему мозги, наверняка не узнаем.

– Как вы их поймали? – спросил Лихнис.

– Часть шаттерлингов прорвала заслон и ушла в межзвезд-ное пространство. Нападавшие преследовали их, они явно не хотели, чтобы мы выбрались из системы сбора. Овсяни-ца подбил их корабль, позволив уйти другим шаттерлингам. По-моему, он так и не понял, что экипаж уцелел, – когда мы взяли их в плен, он уже погиб.

– Взяли в плен? – хмуро переспросил Лихнис.

– Подбитый корабль прошел рядом с моим. У врагов мог-ли остаться запасы энергии и оружие, которыегодились бы нам, поэтому мы решили отключить защитную оболочку и выслать шаттл. Да, затея рискованная, и да, без споров у нас не обошлось. – Волчник в упор посмотрела на Аконита. – Я возражала, но в конечном счете мы поступили правильно. Полезного там оказалось не много, зато взяли в плен четвре-рых. Трусy! – презрительно ухмыльнулась она. – Будь у них хоть капля нашей храбрости, покончили бы с собой, только бы не попасть в наши руки.

– Мы тотчас погрузили их в стазис, – продолжил Ако-нит. – Стазокамеры у нас допотопные, но других нет, а остав-лять пленных в реальном времени было опасно. Они могли

сбежать, подать сигнал своим или совершить самоубийство.

– А прежде чем запереть? – уточнила я.

– Допросили как могли, но ничего путного не добились.

– Только от Синюшки, – подсказала я.

– Синюшка раскололся уже после стазокамеры.

Волчник нажала на участок слева от дверцы – показалась секретная панель с массивными латунными ручками, витиевато украшенными датчиками и шкалами. Главный рычаг поворачивался вправо на девяносто градусов. В данный момент его выставили на четыре пятых шкалы, на отметку сто тысяч. Значит, одна секунда в стазисе равнялась суткам за пределами стазокамеры. Если логарифмический рычаг повернуть до отказа, кратность сжатия времени возрастала до миллиона, но на такое шли лишь с суперсовременными устройствами и в экстренных случаях.

– Сейчас он безопасен, – сказала Волчник, поглядывая на Марцеллина, – но, когда мы попробовали вывести его из стазиса, стало пропадать защитное поле. Поэтому мы держали его на низком уровне, чтобы замедлиться до такого же синхросоком и допросить, но на больший риск не пошли.

– Я вас не виню, – сказала я. – А что с другими?

– Риск тот же, если не больше. Стазокамера Синюшки лучшая из четырех – остальные три еще допотопнее. – Волчник закрыла панель и захлопнула узорчатую дверь. – Его лучше не трогать, пока не долетим до убежища. Там попросим технической помощи у других членов Линии.

– У горстки выживших, – уточнила я.

– В убежище нас ждут другие шаттерлинги, – уперлась Волчник. – Хочешь – считай меня наивной, только если бы я в это не верила... я покончила бы с собой. Акт самоуничтожения совершила бы.

– Мы все в это верим, – успокоил ее Лихнис.

– Портулак знает, что сказал нам Синюшка? – спросил его Аконит.

– Да, знает.

– И что вы об этом думаете?

– Я хотел бы лично потолковать с ним.

– Потолкуешь, братан, всенепременно потолкуешь, – мрачно улыбнулся Аконит.

– Я верю Синюшке, – заявила я. – Выслушивать такое неприятно, только зачем ему выдумывать эту странную подробность? Раз сказал, значит у Синюшки на то веские основания. В любом случае это не делает Лихниса вражеским сообщником.

– А что об этом говорит Менинкс? – любопытствовала Волчник.

– В последнее время доктор не слишком разговорчив, – ответил Лихнис.

– Доктор Менинкс умер, – пояснила я и добавила: – Резервуар сломался.

– Ну и совпадение! – выпалил Аконит, содрогнувшись.

Лихнис аж руками заслонился:

– Я не виноват! Мне строго запретили касаться его резервуара, и я не касался.

Аконит по-свойски похлопал его по спине:

– Если хочешь, я взгляну. Только я не раз сталкивался с водными тварями и заранее знаю, что увижу, – ржавеющую развалюху, напичканную доисторическими устройствами, которая вот-вот отдаст концы.

– Спасибо, – отозвался Лихнис, явно огорошенный таким предложением.

– Видишь, и от Аконита польза есть, – сказала Волчник.

Тут я и получила мысленное сообщение от «Серебряных крыльев» – пришли важные новости.

Мы смотрели на параллелепипед, разделенный зеленой координатной сеткой на кубики. С одной стороны изображались иконки наших кораблей, так близко друг к другу, что напоминали одну сдвоенную, с другой – размазанное световое пятно, обозначающее гелиопаузу системы, которую мы только что покинули. За гелиопаузой влияние звезды несущественно, то есть начинается межзвездное пространство. Посредине были иконки трех кораблей, гнавшихся за Лихнисом с тех пор, как он спас Волчник и остальных.

– Про три корабля мы и так знали, – сказал Аконит. – Может, я туплю, но, хоть убей, не понимаю, из-за чего весь сыр-бор.

Мы вчетвером перебросились на мостик «Серебряных крыльев» и стояли вокруг главного дисплеера.

– Сыр-бор из-за того, что один догоняющий отрывается от двух других, – пояснила я.

Аконит почесал подбородок:

– Вот ты сказала – и я сам увидел... Это впрямь странно-вато.

Иконки догоняющих напоминали вытянутый треугольник с вершиной – ускоряющимся кораблем. Мы буквально ели глазами дисплеер и через пару минут заметили, что координатная сетка ползет слева направо, а магнитопауза исчезает из виду.

– Резерв мощности, если он был, они уже исчерпали, – пояснила я. – Объяснение тут лишь одно: третий корабль – «Вечерний». Лихнис, ты говорил, что видел, как его уничтожили, но получается, «Вечерний» уцелел.

– Выдержал прямое попадание гомункулярной пушки? – удивился Лихнис.

– Я не утверждаю, что корабль не пострадал.

– Геспер на связь не выходил? – спросила Волчник.

– Поступил сигнал бедствия, который он ввел в корабль. Мы заранее оговорили протоколы – подобный сигнал может передать только Геспер.

– Вдруг кто-то проник на борт и взломал систему? – предположил Лихнис. – Возможно такое?

– Теоретически – да. Но это значит, что проникший очень ловок и умен, а Геспер, почуяв опасность, не уничтожил сигнальный прибор.

– Значит, сигнал от Геспера, но наверняка ты не знаешь, – заключила Волчник.

– Наверняка выясним, когда заглянем в кабину «Вечернего».

– То есть позволим ему догнать нас, а дальше – как получится? – встревоженно уточнил Аконит.

– «Вечерний» нас не догонит. Мы летели, летим и будем лететь быстрее его, если двигатель не откажет. Может, у «Вечернего» и осталась псевдотяга, но в нынешней ситуации это вряд ли.

– Значит, ему крышка, – проговорила Волчник, кусая губы.

– Если только мы за ним не вернемся, – уточнил Лихнис.

– Да, – кивнула я. – Раз Геспер сигналил, значит просит помощи. В трудную минуту он помогал Горечавкам. Мы не можем его бросить.

– Похоже, я что-то упустил, – начал Аконит, – но ведь если мы сейчас развернемся или хотя бы притормозим, то снова попадем под обстрел.

– Есть и другие варианты, – сказала я. – У меня в грузовом отсеке целая коллекция кораблей. Некоторые способны развивать скорость выше, чем «Лентяй» и «Серебряные крылья». Правда, ненадолго, но слетать за Геспером я успею.

– А если нет? – опасливо спросила Волчник. – В принципе затея хороша, но... не многовато ли риска?

– Это вполне реально, – объяснила я. На заранее настроен-

ном дисплее появилась иконка, спешащая от «Серебряных крыльев» к «Вечернему». Я даже наложила овальные проекции зон вражеского обстрела, решив, что ни гомункулярных пушек, ни «Плюющихся кобр» у догоняющих не осталось. — Если Геспер не изменит скорость, можно слетать за ним, не попав в зону обстрела, вернуться на «Крылья» и включить максимальное ускорение. Так мы и отрыв организуем, и не приведем погоню к убежищу.

— Все равно рискованно, — стояла на своем Волчник.

— Дышать тоже рискованно, — пожала плечами я.

— Вообще-то, я не против спасения Геспера, — оговорился Аконит, — но мы обязаны думать, как любое наше действие отразится на Линии. Для благородных жестов сейчас не время.

— Я тоже так считаю, — кивнула я. — Но еще считаю, что, если мы не вызволим Геспера, не будем иметь морального права называть себя Горечавками.

— Линия в ее нынешнем состоянии не пострадает в любом случае, — заявил Лихнис, кивнув гостям. — Мы с Портулак решили, что вы останетесь на «Лентяе», а мы возьмем корабль из грузового отсека «Серебряных крыльев». «Крылья» чуть сбавят скорость, но после нашего возвращения наверстают упущенное.

— Вы полетите за Геспером вместе? — спросила Волчник.

— Мы и об этом договорились. Портулак не хочет жить без меня, а я без нее, так что вариантов нет.

– Очень даже есть, – возразил Аконит. Видимо, эта мысль пришла ему в голову только сейчас, и он додумывал на ходу. – Раз этот Геспер столько сделал для Линии... беспокоиться о нем должны не только вы с Портулак, но и мы. Короче, лететь нужно мне.

– Исключено, – отрезал Лихнис.

– После всего, что ты для нас сделал? Ну ты даешь, братан!

Я начала возражать, но Аконит поднял руку:

– Брось, Портулак. Я уже принял решение.

– Ты серьезно? – тихо спросила Волчник.

– Ага, серьезнее не бывает, – энергично кивнул Аконит. – Портулак, который из кораблей ты выбрала?

– Швертбот крабебжцев.

– Шикарный выбор.

– По планетному времени его не заводили три миллиона лет. Тебя это не пугает?

– Это самая современная разработка. Только покажи, где включать музыку.

Исчез Аконит мгновенно и так же быстро появился снова. Секунду назад я стояла в грузовом отсеке и смотрела на графитовое небо и звезды, искаженные доплеровским эффектом, а в следующую к «Серебряным крыльям» уже пришвартовался швертбот, появившись словно ниоткуда. Мы с Лихнисом и Волчник поднялись на корабль, едва фиксирующая сила пригвоздила его к месту.

Тогда мы и увидели, что стало с Геспером.

– Он был жив, когда я до него добрался, – рассказал Аконит. – Даже шевелился. Он меня видел.

Зато сейчас Геспер вряд ли что-то замечал. Голова у него не двигалась, выражение лица не менялось, глаза, прежде мерцавшие бирюзовым и опаловым, стали пустыми. Единственным признаком жизни казались огоньки, кружившиеся за стеклянными панелями над ушами, но сейчас они вращались медленнее и поблекли, как угли в потухающем костре.

Тем не менее Гесперу хватило силы воли послать нам сигнал бедствия.

Меня пугала не безжизненность робота – даже если бы погасли огоньки за стеклянной панелью, я убедила бы себя, что он погрузился в машинную кому, чтобы сохранить важнейшие функции, пока не подоспеет помощь, – но он и внешне сильно пострадал. Левый бок практически отсутствовал, точнее, сплавился в бесформенный комок золотых и черных деталей – и самого Геспера, и «Вечернего». Корабль сгинул, зато на Геспере просматривались серебристые следы – там, где Аконит отрезал его от корабля.

– Времени было впритык, – оправдывался наш собрат, словно его обвиняли. – Я едва успел его вытащить.

– С тех пор его состояние изменилось? – спросила я.

– Огоньки чуть поблекли, хотя они с самого начала светили неярко. Уж не знаю, поддерживал ли Геспера корабль или медленно убивал.

– Когда «Вечерний» подбили, авторемонтные системы на-

рушились. По-моему, Геспер пострадал оттого, что корабль распознал его как сломанную деталь и приращивал к своей матрице.

– Получается, зря я отсек его от корабля.

– Геспер недаром посылал нам сигнал бедствия, – заметила я. – Вероятно, чувствовал, что отрыв не удержит и враги его нагонят. В любом случае ты подарил ему шанс на спасение.

– Очень надеюсь.

– Не представляю, как его реанимировать. – Лихнис стоял подбоченившись, как садовник над своей делянкой.

– По-моему, самое разумное – ввести в латентность и поскорее доставить к машинному народу, – сказала я.

– Не уверен, что у нас есть подходящая стазокамера, – пробурчал Лихнис. – Не подгонять же его под размеры.

– В таком состоянии Геспера оставлять нельзя, – настаивала я, наблюдая за мерцанием тусклых огоньков за панелями его черепа.

– Мы не оставим, – пообещал Лихнис. – Просканируем его, как ты говоришь, и, если сумеем, устраним неполадки. Если не сумеем, придется ждать прилета в убежище и надеяться, что там находится кто-нибудь из представителей машинного народа – вдруг гостит у кого-то из выживших? – и он скажет, как быть.

– А если не встретим другого робота?

– Мы не волшебники, – чуть слышно напомнил Лихнис. –

Что могли, то сделали. Будем надеяться на лучшее.

Сканирование ничем не порадовало – детали Геспера и «Вечернего» сплавившись намертво. Левая сторона туловища, включая живую руку, почти не сохранила анатомическую целостность. Но в слиток поступали энергия и необходимые вещества, значит системы жизнеобеспечения функционировали. Хорошо, что Аконит не перерубил провода, когда освобождал Геспера. Одно лишнее движение – и вреда стало бы больше, чем пользы.

Однако Геспер еще мыслил и пусть изредка, но пытался контактировать с нами. Случилось это вскоре после поворота на Невму, к определенному Белладонной убежищу, когда мы удостоверились, что врагам нас уже не выследить. Перемену я заметила, когда в очередной раз – почти без надежды – добивалась от робота внятной реакции. Я смотрела ему в глаза, на стеклянные панели над ушами и вдруг увидела, что на уцелевшей правой руке шевелится большой палец. Казалось, паралич сковал всю конечность, кроме него.

Прежде палец не двигался.

Я потрясенно гладела, пока не вспомнила, что человек-машина проделал с бокалом. «Вдруг просветление временное и вот-вот закончится?» – в панике подумала я, бросилась к ближайшему синтезатору, срочно заказала у него бокал, подсунула Гесперу и стада ждать. Палец робота заскользил вверх-вниз по стеклу – получилась вертикальная царапина, которая постепенно углублялась.

Я заглянула Гесперу в глаза, надеясь разглядеть в них намек, подсказку, которая поможет во всем разобраться. Потом вспомнила, что, царапая бокал, человек-машина вращал его другой рукой – наносил штрих за штрихом на манер сканирующего луча. Теперь палец робота скользил вверх-вниз, а я осторожно поворачивала бокал, стараясь делать это плавно. На стекле появилось нечто – не прямая, а прямоугольник, но опознала я его не сразу: «гравировка» вышла бледной и схематичной.

Я поняла, что Геспер закончил, когда палец перестал двигаться, а когда забрала бокал и прикоснулась к нему, он был безжизненным, как все тело. Но я держала в руках доказательство его активности, высеченное пусть не в камне, а в стекле. Я поднесла бокал к свету – сперва штрихи показались мне совершенно беспорядочными. Неужели это была только дрожь? Неужели я в отчаянии разглядела потаенный смысл в произвольных мышечных сокращениях?

Нет, смысл имелся. Геспер и впрямь нацарапал изображение, пусть слабое, едва различимое, – круг или обод со спицами, вроде колеса с толстой втулкой.

– Не знаю, слышишь ли ты меня, – сказала я бессловесной фигуре. – Что бы это ни было, что бы ты ни пытался мне сообщить, я разберусь и приму меры, обещаю.

Ответа не последовало; впрочем, я его и не ждала.

Часть третья

Однажды я узнала страшный секрет моей матери и нашего дома. Случилось это после очередной встречи с мальчишкой. Его я теперь любила и ненавидела, как темную сторону своей души. Минуло уже года полтора с тех пор, как я посвятила его в тайны Палатиала.

Мальчишка стал графом Мордексом. Произошло это в несколько этапов, каждый из которых занял целый день игры. Сперва мальчишка вжился в роль королевского гонца, который стал шпионом и якобы узнал, где скрывается чародей Калидрий. Гонца впустили в Черный Замок после тщательной проверки, убедившись, что он не вооружен. Так мальчишка встретился с Мордексом, но вжиться в его роль сумел не сразу. Правила игры оказались мудреными, мы постигали их методом проб и ошибок. Например, выяснилось, что роли можно менять лишь на равноценные, то есть без скачков в общественном положении. Из крестьянина не перейти в короли, даже если король преклонит колена и поцелует ему руку. Зато из крестьянина можно переселиться в кузнеца, потом в оружейника, потом в командира королевской гвардии и так далее, шаг за шагом к верхушке. Иногда не получалось доиграть в одной роли, а в следующий раз начать в другой, но запрет вытекал из замысловатого сюжета самой игры. Легкой и стремительной она не была, но каждый

этап полностью раскрывал перед нами очередного персонажа, и мы не скучали. Зачастую новая роль занимала настолько, что становилось трудно придерживаться плана, разработанного тремя-четырьмя этапами и персонажами ранее. Сама я с ролью принцессы почти не разлучалась – лишь изредка вселялась в придворных, чтобы убедиться: заговор против нее никто не строит. Когда вычислила вероятную предательницу – служанку, брата которой казнили за браконьерство, я отправила ее на допрос к главному инквизитору. Служанка не выдержала пыток и умерла, не успев признаться в коварном замысле, но я в ее виновности не усомнилась.

Я уже поняла, что в массовое производство Палатиал не запустят. Единственной партией так и останется десяток экземпляров, в том числе и мой. Подробности я слышала редко, в основном от мальчишки, но поняла, что Палатиал негативно влияет на своих маленьких владельцев. Дети переносили в реальность воспоминания своих персонажей, перенимали их черты, хотя при выходе из портала Палатиал должен стирать временные нервные состояния. У меня так и получалось: в Палатиаде принцесса казалась реальнее моих реальных знакомых, ведь я вживалась в ее роль. Но стоило вернуться из зеленого куба в игровую, она блекла и теряла жизненную силу, превращаясь в книжную иллюстрацию. Ее воспоминания во время игры становились моими, а в реальности таяли как сон, который наутро забываешь. Я помнила достижения и промахи принцессы, помнила свою зада-

чу и текущую игровую ситуацию, но стоило покинуть зеленую комнату – Палатиал превращался в банальный кукольный домик.

Синдикат-производитель защитил себя от судебных разбирательств, связанных с использованием Палатиала. Прежде чем получить пробный экземпляр, каждая семья подписала отказ от претензий. Но при массовом производстве такое невозможно: Палатиал попадет в миллионы домов Золотого Часа. Даже если галлюцинации начнутся у нескольких детей, синдикату конец.

В итоге разработку игры приостановили. Синдикат попытался вернуть экспериментальную партию, но собрать все Палатиалы не удалось. Их маленькие хозяева впали в зависимость от игры и не желали расставаться с фантастическим миром. Лишь отдельные семьи позволили демонтировать Палатиал – большинство утаило игрушку, тем более что синдикат не стремился затевать судебные тяжбы.

– Ты знаешь, что его сделали для войны? – однажды, когда мы возвращались через портал в игровую, спросил мальчишка.

– Кого «его»?

– Игрушку твою, Палатиал. – Мальчишка до сих пор напоминал графа Мордекса. В его голосе звучала надменность куда сильнее обычного желания уесть и подначить. – Его сделали для солдат вроде клонированных твоей семьей. Солдаты попадали в Палатиал и набирались воспоминаний о вой-

не, хотя их только создали. На настоящую бойню они отправлялись подготовленными, словно прошли целый боевой путь.

О Вспышке я слышала мало – эту тему энциклокуб почти не освещал, – но достаточно, чтобы понимать: чародеи и фрейлины значительной роли в войне не играют.

– Вспышка случилась в космосе, – напомнила я. – Там нет ни замков, ни дворцов.

Мальчишка закатил глаза:

– Разве это важно? Мелкие детали синдикат откорректировал в самый последний момент. При солдатах Палатиал и назывался иначе. Через портал они попадали не в сказку, а в Солнечную систему, на Золотой Час с кораблями и Малыми Мирами. Сказочный антураж добавили после войны, чтобы превратить тренажер в игрушку и снова на нем заработать. Говорят, с ним всегда были проблемы – солдаты застревали в игре, не помнили, кто они и откуда. Думаю, этот глюк синдикат исправил.

– Я тебе не верю. Последняя война была ужасна, поэтому о ней не говорят.

– «Не говорят» не значит «не зарабатывают». Видела роботов, которые спускаются со мной по трапу? Сними верхний глянцевый слой – это будут те же роботы, которых моя семья поставляла на войну.

Роботы до сих пор меня пугали. Во сне я порой неслась по извилистым зеркальным коридорам нашего дома, а одноко-

лесное плосколицее чудище следом. Оно не отставало – какое там! – постепенно меня нагоняло. Пусть Вспышка останется в прошлом, на страницах истории. Незачем ей влиять на настоящее, незачем стучаться в окно и требовать внимания.

– Клонов сейчас нет, – заявила я. – Только мои няни.

– Рабский труд на Золотом Часе запрещен. Отец говорит, что за время перемирия ваша семейка свои фокусы не забыла. Понадобятся клоны – вмиг производство наладите. – Мальчишка еще не вышел из образа графа Мордекса и злобно добавил: – Это довело твою мамашу до ручки, и она благополучно свихнулась. Неужели ты не в курсе?

– Понятия не имею, о чем ты говоришь, – моими устами отчеканила принцесса.

– Твоя мать жива, но повредила умом. От тебя это скрывают?

– Мама больна.

– Ты ведь никогда ее не видела? Никогда не говорила с ней напрямую?

– Я постоянно разговариваю с ней.

– Ты разговариваешь с экранами – вроде того, который поздоровался со мной, когда я сошел с шаттла. На экране не твоя мать, а образ, составленный устройством, которое наблюдает за ней с тех пор, как она была девочкой, и якобы способно смоделировать ее поведение.

– Ты просто вредничаешь.

– Не вредничаю, а хочу тебя просветить. Поэтому у вас дом такой: твоя мать постоянно требует, чтобы его ломали и отстраивали снова. Она свихнулась, думает, что ее преследуют и хотят наказать за прошлые делишки. Не веришь мне, спроси любого, кто за тобой присматривает.

– Ты изменился, – отметила я. – С тех пор как попал в Палатиал, ты больше похож на графа, чем... – Тут я наверняка назвала имя, но сейчас его не упомяну.

С бельведера я наблюдала, как шаттл взлетает, поднимает шасси и уносится в красноватую дымку Золотого Часа, на встречу Малым Мирам.

Проводив гостя, я отправилась задавать нелегкие вопросы.

То, что мама больна и не в состоянии принимать гостей, даже собственную дочь, я знала всегда. Для меня это было непреложной истиной, вроде того, что я Абигейл Джентиан, Горечавка, а не девочка из другой семьи, живущей в другом конце Солнечной системы. Я разговаривала с мамой с самого раннего детства и всегда чувствовала ее любовь и гордость за меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.